

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

ВИЛОВАТЫХ Анна Вячеславовна

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата политических наук

по специальности 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

Научный руководитель –
доктор политических наук,
профессор А.В. Брега

Москва – 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел 1. Теоретико-методологические основы анализа военно-политических процессов.....	16
Раздел 2. Военно-политические процессы в Кавказском регионе как источник опасностей и угроз безопасности России.....	59
Раздел 3. Приоритеты обеспечения безопасности России в Кавказском регионе.....	128
Заключение	168
Список источников и литературы	177
Приложения	

Введение

Современный этап мирового развития характеризуется активизацией процессов геополитического переустройства и формированием новых систем безопасности. Возрастающая конкуренция за обладание сырьевыми, энергетическими, социальными и другими ресурсами порождает активность политических акторов, что зачастую приводит к обострению существующих и возникновению новых кризисных ситуаций, конфликтов, войн. В данных условиях обеспечение безопасности страны невозможно без отслеживания реальных военно-политических процессов, протекающих в мире.

Зоны нестабильности по периметру границ России повышают значимость Кавказского региона, который имеет место высокий конфликтный потенциал. В этой связи крайне актуальна задача формирования адекватной региональной стратегии и политики России. Просчеты в оценке развития военно-политических событий, неверная градация существующих угроз и вызовов способны привести к негативным последствиям для безопасности России.

Итак, актуальность исследования обусловлена:

Во-первых, необходимостью системного исследования взаимосвязи политических и военных процессов в Кавказском регионе, поскольку данный регион представляет собой противоречивое сосредоточение множества этнонациональных, социальных, экономических, военных и других проблем. Ситуация накаляется в связи с расширением масштабов противоправной деятельности экстремистских, сепаратистских, националистических и религиозных движений, использующих не только террористические акты в достижении политических целей, но и широкое идеологическое воздействие на население в целях дестабилизации обстановки в Кавказском регионе. Фактурным примером являются террористические организации, такие как «Имарат Кавказ», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Исламское

государство Ирака и Леванта»¹, деятельность которых представляет угрозы безопасности российскому государству в настоящем и будущем.

Во-вторых, сокращением возможностей влияния России в Кавказском регионе, обусловленного, прежде всего, распадом Советского Союза, и активным противодействием реализации национальных интересов России в Кавказском регионе со стороны внерегиональных держав, а также неконвенционных вооруженных сил. Отдельную лепту напряженности вносит направленность военных политик Грузии и Азербайджана, стратегически ориентированных на военно-политическое сотрудничество с Организацией Североатлантического договора. Разумеется, данные обстоятельства провоцирует риски возникновения кризисных ситуаций, в том числе, на территории Российской Федерации.

В-третьих, сохранением высокого потенциала конфликтности на территории Российской Федерации и вблизи ее границ, обусловленного комплексом политических и исторических причин, этноконфессиональной многогранностью Кавказского региона. Сохранение «замороженных» конфликтов и низкий уровень доверия между государствами региона, заключают в себе серьезную основу для развития противоречий. Обстановка усложняется отсутствием надежных механизмов достижения консенсуса относительно конечных целей их участников. Очевидно, что часть из этих проблем носит угрожающий характер для безопасности России.

В-четвертых, недостаточной изученностью влияния современных военно-политических процессов на характер угроз безопасности России в Кавказском регионе. Возникновение качественно новых угроз и вызовов безопасности, обусловленных динамикой военно-политических процессов на

¹ Прим. авт.: Например, с момента создания «Имарата Кавказ» организацией или при ее участии осуществлено более 2200 атак и актов насилия, в результате которых погибли около 1800, ранения получили 2600 сотрудников полиции, военных и гражданских официальных лиц; убито свыше 450 и ранено 1200 мирных жителей. Об этом см.: Gordon M. Hahn. The Caucasus Emirate Goes Global// Интернет-портал «Stratfor». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stratfor.com/the-hub/caucasus-emirate-goes-global>

Кавказе, требует формирования адекватной стратегии России по обеспечению национальных интересов и достижению поставленных государством военно-политических целей;

В-пятых, необходимостью выработки форм и способов адекватного реагирования на имеющиеся и потенциальные вызовы, обусловленные военно-политическими процессами на Кавказе. В этой связи представляется весьма важным политологическое осмысление проблем соответствия проводимой РФ политики противодействия современным угрозам и вызовам безопасности государства, которые порождены военно-политическими процессами в Кавказском регионе;

В-шестых, концептуально многие аспекты исследования военно-политических процессов недостаточно разработаны отечественной наукой, особенно в региональном их измерении. И это несмотря на то, что потребность к этим вопросам сегодня значительно выросла. Зачастую военно-политические процессы рассматриваются с точки зрения ангажированных политических предпочтений, а потому нередко лишены научного обоснования. Вместе с тем, обостренный интерес научного сообщества к проблематике военно-политических процессов не только выявляет недостаточную теоретическую разработанность многих важных положений, но сподвигнуть исследователей на более пристальное исследование данного феномена.

Анализируя **степень научной разработанности проблемы**, следует заметить, что даже поверхностное знакомство с проблематикой исследований, посвященных военно-политической сфере (военно-политическая деятельность, военно-политические отношения, военная безопасность, вопросы войны и мира в целом и др.), отражает, что в ней практически отсутствует блок, в прямой постановке посвященный анализу непосредственно военно-политических процессов. Довольно незначительны научные работы, книги, статьи, материалы, в которых в прямой постановке осуществляется характеристика исследуемого явления. Кроме того, весьма

скромнен понятийно-категориальный аппарат, связанный с характеристикой военно-политических процессов в учебной и военно-справочной литературе.

Однако, в последнее время, все больше внимания стало уделяться военно-политической сфере, а также соотношению военного и политического начал в политических процессах в целом. Некоторые из них нашли отражение в статьях, учебной литературе, диссертациях, нормативно-правовых документах государств, официальных выступлениях политических деятелей. Условно, совокупность интересующих нас источников, представляется возможным разделить на **несколько групп**.

Первую группу представляют работы, которые выступают общетеоретической базой исследования военно-политических процессов. В настоящих трудах освещены вопросы сущности и содержания некоторых аспектов военно-политических процессов в их взаимосвязи с другими категориями политологического знания. Это работы отечественных авторов, в частности, А.В. Малашенко, В.И. Кудашова, С.Н. Бухарина, В.С. Малахова, В.В. Карякина, В.В. Наумкина, а также зарубежных исследователей – Г.Т. Аллисона, П. Д. Скотта, Д. Гансэра, В. Блума и других авторов².

² См.: Аллисон Г. Т. Ядерный терроризм: самая страшная, но предотвратимая катастрофа / международная безопасность в XXI веке. – М.: ЛКИ, 2007. - 296 с.; Скотт П. Д. Наркотики, нефть и война. - М.: Кучково поле, 2012. - 304 с.; Арон Р. Мир и война между народами. - М.: NOTA BENE, 2000. - 879 с.; Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. – М.: РОСПЭН, 2009; Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. - М.: Весь мир, 2006. – 221 с.; Штоль В. В. Армия нового мирового порядка / В. В. Штоль. М.: ОГИ, 2010. – 344 с.; Barry M. Rubin, Judith Colp Rubin. Chronologies of modern terrorism. - М.Е. Sharpe, 2008. — 405 p.; Кудашов В. И. Терроризм как порождение глобализма // Осмысление глобального мира: кол. монография / отв. ред. Ю. Н. Москвич. — Вып. 1. - Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2007. - 176 с.; Walt S.M. The Origins of Alliances. - Ithaca: Cornell University Press, 1987; Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. - 382 с.; Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» рода// Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений/ Под ред. А.Д. Воскресенского. Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет, РОССПЭН, 2002; Блум В. Убийство демократии. – М.: Кучково поле, 2014. – 480 с.; Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий. Монография. Н.Новгород-Саров, СГТ, 2010.;

Вторая группа - это работы зарубежных и российских исследователей, составляющие общетеоретическую базу исследований безопасности, сущности и содержания деятельности по ее обеспечению. В данном блоке научных публикаций особый интерес представляют труды таких отечественных исследователей, как А.Г. Арбатова, А.А. Кокошина, В.Л. Манилова, И.А. Николайчука, Е.М. Примакова, М.А. Хрусталева, и работы военных учёных: В.А. Амиряна, О.А. Белькова, А.В. Брега, Я.В. Волкова, М.А. Гареева, А.А. Першина, И.В. Радикова, В.В. Чебана, В.М. Шевцова и других³.

Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - 416 с.; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. - М.: КДУ, 2005. - 320 с.; Козин В. П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945- 2013). - М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. - 384 с.; Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. - 288 с.; Антонов А. Контроль над вооружениями: история, состояния, перспективы. М.: ПИР - Центр, 2012. - 245 с.; Гансэр Д. Секретные армии НАТО. М.: Кучково поле, 2012. - 336 с.

³ См.: Шевченко, В. Г. Национальная безопасность России в XXI веке/В. Г. Шевченко. — М.: АПБО и П, 2009. — 761 с.; Волков Я.В. Геополитика и ее влияние на обеспечение безопасности в современном мире: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.01/ Волков Ярослав Валерьевич. Москва, 2001. - 354 с.; Егозарьян В.В. Военно-политическое сотрудничество России и стран СНГ как фактор интеграции: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Егозарьян Валерий Владимирович. М., 2001. - 240 с.; Демкин Д. В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: автореф. ... кандидата политических наук/ Демкин Дмитрий Владимирович. М., 2012. - 21 с.; Возжеников А.В. Национальная безопасность России: Методология комплексного исследования и политика обеспечения / А.В. Возжеников. - М.: Изд-во РАГС, 2002. - 424 с.; Кононов Л.А. Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. - М., Дипломатическая академия МИД РФ, 2004. - 289 с.; Брега А. В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02 / Брега Александр Васильевич. Москва, 2007 - 337 с.; Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества 2-е изд. - М.: Канон-пресс-Кучково поле, 1998. - 462 с.; Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Монография/ И.А. Николайчук; Рос. Ин-т стратег. Исслед. - М.: РИСИ, 2015. - 230 с.; Рогачев С.В. Российская государственность в системе трансформационных координат / С.В.Рогачев; Рос. акад. наук. Ин-т социал.- полит. исслед. - М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. - 64 с.; Хрусталева М.А. Международные аспекты социально-политической стабильности// Международные процессы. - М., 2008. - Т.6. - №2. - С. 48-59; Мандрыка С.М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности: социально-философский анализ: автореф. ... кандидата философских наук/ Мандрыка Сергей Михайлович. Москва, 2008. - 24 с.; Сацута А.А. Политико-правовые проблемы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. ... кандидата политических наук: 23. 00. 02 / Сацута А. А. - М., 2008. - 26 с.

Третья группа работ – это научные изыскания, в которых затрагиваются отдельные проблемы военно-политических процессов в Кавказском регионе, анализируются вопросы осуществления политики по обеспечению безопасности государства на Северном Кавказе и в Закавказье⁴.

Проведенный обзор публикаций, относящихся к теме диссертации, позволяет констатировать: изучение современного военно-политического процесса не получило систематизированной, однозначной и законченной трактовки; остается не раскрытым влияние военно-политических процессов в Кавказском регионе на обеспечение безопасности России в современных геополитических условиях. Анализ указанных научных трудов показывает, что соответствующие вопросы в научной литературе затрагиваются фрагментарно. Эти и другие моменты обусловили выбор данной проблематики в качестве темы диссертационной работы.

Объект исследования – современные военно-политические процессы в Кавказском регионе.

Предмет исследования - влияние современных военно-политических процессов в Кавказском регионе на безопасность Российской Федерации.

⁴ См.: Мельков А. Исламский фактор и военная политика России: Монография. - М.: ВУ, 2001. – 359 с.; Алиев А.К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. - М.: Наука, 2007; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – Владикавказ: Русская панорама, 2003. – 515 с.; Гаджиев К. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. - 464 с.; Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., 2002; Захаров В.М. Военное строительство в государствах постсоветского пространства. – М.: РИСИ, 2011. – 380 с.; Кушкумбаев С. Геополитика транспортных коммуникаций в Каспийском регионе//Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря. Алматы, 2000; Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. — Краснодар, 2011. – 322 с.; Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. – М.: Международные отношения, 2007. – 200с.; Внутренний вооруженный конфликт на Северном Кавказе: причины и пути разрешения: монография в 2 ч. Часть 2. Конфликт на Кавказе: восстановление мира – М.: Военный университет, 2011. – 290 с.; Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. – М.: Логос, 2011. – 248 с.; Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. - 1917 г.): историография, источники, методология. - Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012 г. – 545 с.

Цель диссертационной работы – анализ современных военно-политических процессов в Кавказском регионе, выявление их содержания и специфики влияния на безопасность Российской Федерации.

Актуальность, степень разработанности проблемы, объект, предмет и цель диссертации позволяют сформулировать **исследовательские задачи**:

- обобщить концепции и подходы отечественных и зарубежных ученых к исследованию военно-политических процессов;
- охарактеризовать сущность и содержание современных военно-политических процессов;
- проанализировать условия и факторы, определяющие военно-политические процессы современности в Кавказском регионе;
- проанализировать угрозы военно-политического характера безопасности в Кавказском регионе, а также выявить специфику влияния региональных военно-политических процессов на безопасность России;
- определить приоритетные направления противодействия существующим и потенциальным угрозам безопасности России, обусловленными военно-политическими процессами в Кавказском регионе.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют основные идеи и положения, категории и законы политической науки, концепции геополитики, а также положения теории национальной и военной безопасности, труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам безопасности государства.

Методологической основой исследования явился системный подход, позволивший представить объект изучения в его единстве и целостности как составной части мировой политической системы. Системный подход, ориентируя нас на целостное восприятие сложных объектов, способствовал выявлению причинно-следственных связей при анализе направленности и содержания военно-политических процессов, развивающихся в Кавказском регионе.

Кроме этого, автором применены методы: структурно-функционального анализа, исторический. Методами сбора первичной информации явились анализ документов и экспертный опрос. При обработке результатов использован ряд общенаучных методов: анализ и синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Эмпирическую базу исследования составили результаты проведенного экспертного опроса и анализа документов. Экспертный опрос был проведен в мае-июне 2014 г. В совокупности было опрошено 40 российских и зарубежных экспертов, представляющих академическое сообщество, исследовательские центры, аналитические структуры, а также федеральные и региональные органы власти России. Экспертный опрос включал:

- опрос экспертов - проведен путем очного и заочного анкетирования посредством заполнения инструментария;

- серии интервью с экспертами-комментаторами в целях уточнения ключевых результатов исследования (результаты интервью использованы в отчете в текстовой форме и как комментарии к результатам опроса).

В основу стратегии экспертного опроса была заложена количественно-качественная методология, поэтому анализ данных включал в себя количественный и качественный аспекты. При вычислении количественных показателей полученной информации все сведения были преобразованы в необходимую для статистического описания форму. Посредством специальных компьютерных программ (Statistical Package for the Social Sciences). статистический анализ данных интегрировал процедуры одномерного анализа данных, оценки деструктивности процессов, кластеризации мнений экспертов и выявления взаимосвязи параметров.

В рамках реализации качественного аспекта стратегии произведено сравнение полученных результатов по изучаемой проблеме с новейшими теоретическими разработками российских и зарубежных научных аналитических центров. При сопоставлении основных выводов со смежными

исследованиями, можно заключить, что их результаты соотносятся в части основных выводов по изучаемой проблеме.

При проведении анализа документов использовались международные нормативные правовые акты, ратифицированные РФ, доктрины и концепции государств Кавказского региона как в области национальной безопасности в целом, так и в области отдельных ее составляющих (информационная безопасность, продовольственная безопасность, военная безопасность и т.п.). Информация, содержащаяся в государственных доктринах и концепциях, была дополнена по итогам изучения публикаций прессы и аналитических материалов.

Научная новизна исследования заключается:

1. В уточнении понятия «военно-политический процесс» и конкретизации его содержания.

Военно-политический процесс – суть упорядоченная совокупность действий и взаимодействий военно-политических акторов по достижению политических целей в сочетании политических и военных средств.

К военно-политическим процессам относятся процессы, протекающие в военной форме, но имеющие политическое содержание – локальные, региональные, крупномасштабные войны, вооруженные конфликты. Это также и процессы, протекающие в политической форме, но имеющие в своей сути военное содержание – переговорный процесс по вопросам войны и мира, разоружения, безопасности в целом. Значит содержание военно-политических процессов сосредоточено в таких формах взаимодействий и отношений как военная политика, война и военно-политическая деятельность.

2. В характеристике условий и факторов, определяющих военно-политические процессы современности в Кавказском регионе.

Потенциальные источники напряженности в Кавказском регионе, обуславливающие режим протекания военно-политических процессов в нем, связаны с особенностями складывания политических режимов в

северокавказских и закавказских республиках, неурегулированностью пограничных линий, этноконфессиональной многогранностью региона, демографическим потенциалом Кавказа, а также неравномерным уровнем социально-экономического развития составляющих его территориальных образований.

Вмешательство внерегиональных сил в развитие обстановки в регионе Кавказа является основным фактором инициации военно-политических процессов в нем. При этом своеобразие данных процессов определяется не только множественностью внутренних и внешних игроков региона, но главное - остротой противоречий между ними.

3. В результатах анализа существующих и потенциальных угроз безопасности России, обусловленных современными военно-политическими процессами в Кавказском регионе.

Опыт вооруженных конфликтов на Кавказе доказывает, что политизированная этничность и манипуляции религиозным фактором несут в себе угрозу общественным институтам, территориальному единству, государственной целостности стран и затрудняют выстраивание системы региональной безопасности.

В настоящее время на Кавказе существует, по меньшей мере, три «тлеющих конфликта» – карабахский, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский, что провоцирует риски безопасности России, занимающей активную позицию в военно-политической сфере безопасности региона и являющейся одновременно его частью.

Неразрешенные противоречия и конфликты в регионе способствуют повышению интереса военно-политических сил к использованию терроризма с целью ослабления противоборствующей стороны. Террористическая угроза в Кавказском регионе сопровождается распространением оружия, стимулируется деятельностью инструкторов-идеологов, сопряжена с наркопреступностью.

4. *В определении и обосновании основных направлений политики по обеспечению безопасности России в Кавказском регионе.*

Для надежного обеспечения безопасности государства в Кавказском регионе и с точки зрения нейтрализации внешнего конкурирующего влияния, представляется, что отношения со странами региона РФ следует строить исходя из политических и экономических интересов государства, тогда как военная составляющая курса государства должна служить обеспечивающей базой достижения экономических целей.

Целесообразно активизировать деятельность, направленную на формирование в государствах региона пророссийской военной элиты, обеспечить налаживание должного уровня военно-экономического сотрудничества, в том числе, в рамках ОДКБ.

России необходимо регулировать деятельность СМИ и НПО на предмет педалирования «национального» и «религиозного» вопросов, создать сеть организаций, информирующих общественность Кавказского региона в русле национальных интересов РФ.

Основные научные положения, выносимые на защиту:

1. Военно-политические процессы входят в часть политической сферы, связанную с военно-силовыми факторами. К содержанию военно-политических процессов относятся действия и взаимодействия государств, их коалиций, иных участников политики по решению проблем войны и мира, урегулированию конфликтов, обеспечению безопасности с применением или угрозой применения военной силы.

2. Основными факторами, определяющими характер, масштаб, динамику и формы военно-политических процессов современности, являются политика милитаризма, политический гегемонизм, манипуляции этноконфессиональными противоречиями, использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях, терроризм.

3. К военно-политическим опасностям и угрозам безопасности России в Кавказском регионе относятся «замороженные» военные конфликты,

военно-политическая деятельность внерегиональных акторов, вооруженное противостояние на этноконфессиональной почве, а также военная деятельность террористических организаций и незаконных вооруженных формирований.

3. Приоритеты обеспечения безопасности России в Кавказском регионе должны заключаться в выстраивании коллективной системы региональной безопасности, минимизации деструктивной активности внерегиональных субъектов военно-политических процессов, борьбе с терроризмом во всех его проявлениях, противодействии политизации религии, снижению уровня межнациональной напряженности.

Теоретическая значимость работы обусловлена новизной научных результатов. Осуществленное исследование способствует более детальному политологическому анализу военно-политических процессов в Кавказском регионе. Приведенные в диссертационном исследовании положения позволяют ознакомиться с современным знанием и обобщениями научной мысли по исследуемой проблеме. Материалы исследования расширяют понятийно-категориальный аппарат военно-политологической науки.

Практическая значимость диссертационной работы. Изложенные в труде положения и содержащиеся в нем выводы, могут найти применение в ходе образовательного процесса в преподавании курсов политологии, геополитики, теории безопасности в высших военных учебных заведениях.

Результаты научного изыскания могут быть полезны исследователям, изучающим вопросы обеспечения безопасности государства, при дальнейшей разработке аспектов, касающихся выработки внешней и внутренней политики России в Кавказском регионе.

Материал диссертационного исследования может быть полезен компетентным органам власти СКФО России, органам государственной власти Российской Федерации, а также органам военного управления России, для анализа военно-политических процессов в регионе Большого Кавказа, в целях обеспечения безопасности российского государства.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы, полученные автором в процессе разработки диссертации, обсуждались на кафедре политологии Военного университета, а также использовались при проведении занятий со слушателями и курсантами Военного университета.

Содержание диссертационного исследования изложено в публикациях в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК; в публикациях материалов международных, научно-практических, межведомственных конференций и круглых столов (2011-2015 гг.); в публикациях в других научных изданиях. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования составляет 11,2 печатных листа.

Диссертация была обсуждена на кафедре политологии ФГКВБОУ ВПО «Военный университет» и рекомендована к защите.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами, внутренней логикой исследования. Представленная работа композиционно состоит из введения, трех разделов, заключения, библиографии и трех приложений. Список источников и литературы содержит 246 наименований.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Военно-политические процессы представляют собой интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения. С теоретической точки зрения интерес вызван тем, что, несмотря на многовековое существование феномена «военно-политический процесс», его категориальное определение остается еще незавершенным. С практической стороны научный интерес к военно-политическому процессу связан с постоянной его изменчивостью, многофакторностью причин, а нередко слабой предсказуемостью результатов.

Между тем, чтобы представить корректное исследование понятия «военно-политический процесс», логично прежде обратиться к осмыслению категории «процесс» в широком плане.

Известным ученым П. Сорокиным было дано следующее определение процесса: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или "эволюции", короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных и качественных характеристик»⁵.

Из определения следует, что серия социальных явлений может быть понята как процесс, если она сохраняет идентичность во времени, позволяющую выделить ее из других серий, если предшествующие явления обуславливают, хотя бы частично, следующие за ними явления и вызывают однородное положение вещей.

Совокупность процессов, происходящих в обществе, можно свести к нескольким десяткам видов социальных процессов. Среди социальных

⁵ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комм. и ст. В. В. Сапова. – СПб: РХГИ, 2000. - С. 80.

процессов, складывающихся на основе разнообразных видов социальной активности, политический процесс занимает особое место. Движение общества и любые локальные изменения, протекающие в общественной жизни, определяют характер последующих политических трансформаций, которые по своей природе могут быть обратимыми и необратимыми, направленными и ненаправленными, организованными, самоорганизующимися или спонтанными⁶.

Особенности политического процесса определены тем, что он входит в состав управленческого процесса, образуя собой его начало, раскрывает упорядоченность, последовательность действий, характеризует политическое влияние или давление, и неизменно завершается принятием руководящего решения.

Современные исследователи зачастую смешивают политический процесс с иными видами социальных процессов, например, с демократическим процессом, а нередко и с процессом государственного управления. Всё это создаёт немалые трудности для понимания политического процесса.

Современными российскими исследователями политический процесс характеризуется многовариантно. В качестве операционального определения мы будем использовать следующее: «Политический процесс - это последовательная и продолжительная по времени смена состояний политической системы и её подсистем либо изменение в них отдельных элементов, которые совершаются под влиянием внутренних и внешних условий жизни общества. Он характеризуется, как правило, конкретным порядком взаимодействия его компонентов и разными темпами на каждой из своих стадий»⁷.

Применительно к военной сфере политические процессы сужаются до своей видовой характеристики - процессов военно-политических. Военно-

⁶ См.: Новая философская энциклопедия. Т. 2. - С. 87.

⁷ Политология / А.Ю. Мельвиль и др. М.: МГИМО, 2008. - С. 82.

политический процесс представляет собой специфическую часть процесса политического. В этой связи следует выделять общее и особенное между ними. Общая «территория» политического и военно-политического процесса состоит в том, что цели и средства их часто совпадают, и это находит свое проявление в ее конечных результатах - победах или поражениях в войнах и в вооруженных конфликтах, военно-политических кризисах и других формах военно-силового противоборства, достигнутом соотношении военно-политических сил.

Различия состоят в способах и характере воздействия на объект военной политики. Если политический процесс осуществляется преимущественно мирными, невоенными средствами, то процесс военно-политический (особенно в условиях военного времени) имеет дело с наиболее крайними, острыми средствами и способами, а именно с действиями, предполагающими применение средств вооруженной борьбы⁸. Таким образом, военно-политические процессы возникают и развиваются в диалектике пересечения военной и политической плоскостей общественной жизни, которая может быть обозначена как «военно-политическая сфера».

Военно-политическая сфера имеет только ей присущие черты, и отделена от сугубо политической сферы жизни общества (область политической деятельности и властных отношений) и военной сферы (область военно-служебных отношений, профессиональной деятельности военнослужащих, особенности функционирования военной организации государства). Как «специфическая сфера социального и политического бытия» она представляет собой, по мнению отечественного ученого В.А. Амиряна, «единство политической и военной сторон, что придает ей новую, качественную определенность»⁹. Ее основная особенность – это непрерывная и необходимая взаимосвязь военной силы и политики. Это накладывает

⁸ См.: Военная политология: учебное пособие. Под ред. Н.И.Резника. М.: Красная звезда, 2006. - С. 295.

⁹ Амирян В.А. Методологические проблемы исследования военно-политической обстановки. – М.: ВПА, 1990. - С. 19.

отпечаток на все относящиеся к ней явления, включая военно-политические процессы.

Военно-политические процессы связаны с действиями и взаимодействиями государств, их коалиций, иных участников политики по решению проблем войны и мира, урегулированием конфликтов, обеспечению безопасности с применением или угрозой применения военной силы. Тогда, когда взаимодействия осуществляются с определенной последовательностью и имеют единую логику развития, направленность, такая последовательность событий может быть названа «военно-политический процесс». Получается, что военно-политические процессы входят в часть политической сферы, которая связана с военно-силовыми факторами.

Исходя из вышеизложенного, определим **военно-политический процесс как упорядоченную совокупность действий и взаимодействий военно-политических акторов по достижению политических целей в сочетании политических и военных средств.**

В современных условиях аналитико-прогностическое исследование военно-политических процессов становится все более сложным и трудоемким ввиду произошедшей «революции в военном деле», включенности в процессы все большего числа участников, распространения нелегитимных практик участия в них. Специалистами выделяются основные **подходы к исследованию военно-политических процессов:**

- институциональный;
- бихевиористский;
- системный;
- метод рационального выбора.

Последовательно рассмотрим каждый из обозначенных подходов.

Институциональный подход к анализу политических процессов является одним из основополагающих методологических подходов.

Институциональный подход ориентирован главным образом на институты насилия общественной системы, обеспечивающие

функционирование военно-политического процесса в конкретно-исторических условиях. Институциональный подход является весьма действенным инструментом при исследовании проблем военно-политического управления, он позволяет анализировать идеальные модели ассоциаций, формирующихся по поводу власти, реализацию и воспроизводство этих моделей¹⁰.

Таким образом, институциональный подход концентрирует внимание на ведущей силе развития военно-политических процессов – институтах, призванных выполнять общественные потребности – с одной стороны, регулировать протекание процесса – с другой.

Бихевиористский подход заключается в исследовании поведения акторов военно-политических процессов – как отдельных личностей, так и социальных групп. Военно-политический процесс в данном случае рассматривается как результирующий вектор поведения участвующих в нем субъектов, а его итог – как доминация волевых устремлений наиболее сильных участников процесса.

Бихевиористский подход был разработан американскими социологами Г. Лассуэлом и П. Лазарфельдом.

Г. Лассуэл обращал особенное внимание на аспекты милитаризации общества, на размывание границ между военными и гражданскими институтами власти, что вызвано, прежде всего, развитием военных технологий. С точки зрения ученого, военная элита и «специалисты по насилию», располагающие новейшими техническими средствами осуществления военно-политического давления и, освоившие современные средства и приемы манипулирования, достаточно часто принимают на себя ведущую роль в политическом процессе и становятся его акторами. Все это ведет по Лассуэлу к тому, что государство может превратиться в «военную диктатуру» (англ. «garrison state»).

¹⁰ См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М., 2000. - С. 102.

Ученый выделил функции пропаганды в военно-политическом процессе, которые он сформулировал следующим образом: «Мобилизация ненависти к противнику, сохранение дружбы союзников, сохранение дружбы и обеспечение сотрудничества нейтральных сил, деморализация противника»¹¹.

При анализе военно-политических процессов в политологии широко используется методологическая база *теории систем*.

Данный подход перенимает методологическую базу теории социального действия, одним из разработчиков которой явился Т. Парсонс. В дальнейшем Э.Гидденс, являясь одним из основоположников структурно-функционального подхода, сфокусировал внимание на перманентном взаимодействии всех общественных подсистем, включая политическую. В ходе всех процессов, в том числе, и военно-политических, осуществляется их самоструктурирование посредством взаимодействия идей, ценностей, каналов взаимовлияния, социальных статусов и иерархий¹².

Критики подхода отмечают, что политическое поведение акторов процесса рассматривается как производное от их функционального статуса, недооценивается самостоятельность и активность военно-политических субъектов, а также влияние социальных факторов. Тем не менее, изучение условий стабильности и эффективного функционирования сложной системы является важнейшей задачей исследований военно-политических процессов.

Системный подход, изучая в качестве субъектов процесса совокупность военно-политических акторов разного рода, уделяет важное внимание внутренним структурно-функциональным характеристикам среды, в которой протекает процесс. Это позволяет учитывать наиболее значимые функционально-ролевые структуры и выстраивать соответствующие модели их взаимодействий.

¹¹ См.: Политическая мысль Новейшего времени. Персоналии, идеи, концепции: Краткий справочник / Сост. Михайлова Е.М. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2010. - С. 18.

¹² См.: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – С. 40 - 80.

Применение метода рационального выбора для анализа военно-политических процессов предполагает концентрацию внимания исследователя на мотивах и корыстных интересах акторов военно-политических процессов. Вектор развития самих военно-политических интересов варьируется в зависимости политической выгоды, пользы, личном благе участника процесса. Таким образом, участие индивида в политике возможно лишь в случае, если возможные доходы от участия будут превышать издержки. Этот принцип получил название «максимизации выгоды». Основываясь на нем, американский политолог Э. Даунс предложил формулу рационального политического участия¹³.

Исследуя военно-политический процесс посредством метода рационального выбора, настоящее явление мировой политики оценивается как результат рациональных и прагматичных действий и взаимодействий его участников. Такая постановка вопроса определила широкое применение теории рационального выбора при исследовании категории «процесс» в не только в политологии, но и в современных научных изысканиях иных отраслей гуманитарного знания.

Проанализировав основные концептуальные подходы к исследованию военно-политических процессов, отметим, что каждый из представленных из них обладает как достоинствами, так и недостатками. И все же основным методологическим инструментом исследования военно-политических процессов остается системный подход.

Системный подход дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности и, следовательно, способствует нахождению корреляций между взаимодействующими элементами, помогает выявлению ключевых основ такого взаимодействия, закономерностей функционирования системы. Системный подход предполагает осмысление военно-политического процесса как сложного социального явления

¹³ См.: Политология: Словарь – справочник / М. А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – С. 328.

ценностно нейтрально, что является важной особенностью качественного научного исследования.

Настоящие обстоятельства обуславливают обращение диссертанта к методологической базе системного подхода, что позволит проанализировать пространственно-временные изменения в протекании военно-политического процесса, особенности взаимодействий, участвующих в нем субъектов и роль внеинституциональных факторов, а также учесть социокультурные различия участников политики.

Сквозь призму системного подхода военно-политический процесс логично рассматривать как саморегулирующуюся социальную целостность, постоянно взаимодействующую с внешней средой. Тогда как внешние внесистемные факторы чаще всего придают процессу деструктивное начало, приводят военно-политическую систему и отдельные ее элементы в неравновесное состояние, внутренние условия протекания процессов могут являться ключом к выявлению их природы, так как являются необходимыми компонентами их движения.

Но все-таки, помимо внешних факторов и внутренних условий движения военно-политических процессов, сами они имеют особенности, отличающие их от процессов иного порядка – например, экономических или социокультурных. Выделим и охарактеризуем эти отличительные черты военно-политических процессов.

Главным и обязательным характерным признаком военно-политических процессов является наличие *взаимосвязей и взаимодействий, как политических, так и военно-силовых компонентов в различных их вариациях и формах.*

В военно-политических процессах произвольно или непроизвольно участвуют множество людей, образующих отдельные социальные группы, государств, нередко организующих коалиции, незаконные вооруженные формирования. В результате отстаивания политических интересов и стремления обрести власть, создаются устойчивые связи и взаимодействия

между всеми разнородными участниками, возникают правила, нормы, формируются принципы их деятельности, создаются и воссоздаются политические институты. Таким образом, военно-политические процессы - это процессы, протекающие в военной форме, но имеющие политическое содержание – локальные, региональные войны, вооруженные конфликты, а также процессы, протекающие в политической форме, но имеющие в своей сути военное содержание – переговорный процесс по вопросам войны и мира, разоружения, безопасности в целом.

Следующим отличительным свойством нашего объекта исследования является то, что *военно-политический процесс имеет объективно-субъективную природу*¹⁴. Некоторые ученые даже полагают, что военно-политические процессы – это настолько комплексное явление социально-политической жизни, что характеризуются «трудностью отделения субъективного от объективного»¹⁵. Можно предположить, что это касается тех процессов, которые характеризуют особенности военно-политического мышления и сознания (например, милитаризм).

Субъективная сторона военно-политических процессов проявляется в том, что такого рода процесс является результатом сложения постоянно действующих, но зачастую разнонаправленных действий направляющих его субъектов. Каждый отдельный военно-политический процесс имеет собственный «сценарий» развития, в зависимости от совокупности влияющих на него факторов. В ходе всей этой совокупности взаимодействий проявляются различные его аспекты и сопряженные с процессом явления, воспроизводятся или создаются соответствующие политические институты. Военно-политический процесс имеет целенаправленный характер и зависит от волевых устремлений, участвующих в нем акторов, осмысления ими интересов, выработки стратегии поведения. Получается, что эмоционально-

¹⁴ Военная политология: учебное пособие / Под ред. И.С. Даниленко и А.И. Позднякова. - С. 112.

¹⁵ Военная политология: учебное пособие / Под ред. Н. И. Китаева, Е.И. Рыбкина. - С. 173.

психологические, мировоззренческие, интеллектуальные, волевые условия и стимулы личности во многом определяют содержание и ход протекания военно-политического процесса.

С этой точки зрения, военно-политические процессы мало чем отличаются от политических процессов. Их субъектами предполагается выработка «замысла, идеи, процесса, разработку его теории либо концепции», определение «идеальной и реально достижимой цели», а также «темпов, сроков, масштабов процесса, конкретного его проекта и плана», «субъектов управления и исполнителей», «задач для них», выбор «необходимых средств ресурсов, методов осуществления политического процесса»¹⁶.

Объективный характер военно-политических процессов заложен в причинно-следственной связи военно-политического процесса с независимыми от воли и сознания людей источниками и факторами. К их числу могут относиться наличный баланс сил, исторические предпосылки, тенденции международной обстановки, особенности технологического прогресса, реально существующие противоречия между участниками процесса и иные. В силу указанных обстоятельств любой военно-политический процесс - это часть объективной социально-политической реальности.

Одним из характерных свойств военно-политических процессов, связанных с эволюцией их характера, является то, что в современных условиях *военно-силовой элемент в военно-политических процессах не всегда связан с вооруженными силами в их институциональном оформлении.*

Динамика современных международных событий доказывает, что это вполне могут быть действия оппозиционных или внешних сил по захвату и удержанию власти; действия гражданского населения, когда они раскалываются на противостоящие группировки и прибегают

¹⁶ Политология: Энциклопедический словарь/ Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. Ун-та, 1993. - С. 294-295.

вооруженному насилию, действия сепаратистских, террористических, различного толка экстремистских групп. Таким образом, силовой компонент военно-политических процессов не всегда связан с вооруженными силами и их деятельностью по реализации боевого потенциала. Кроме того, появление, вернее актуализация так называемых «гибридных войн» в современных условиях представляет наглядное свидетельство увеличения «объема» не прямых действий в военно-политических отношениях.

Подвергнув декомпозиции основные отличительные признаки военно-политического процесса, сделаем вывод, что военно-политический процесс по своей сущности представляет собой синтез политической и военной сторон социальной активности ее субъектов, направленной на реализацию с помощью средств вооруженного насилия или угрозы их применения политических целей. Это всегда упорядоченная совокупность взаимодействий, характеризующаяся определенной последовательностью и направленностью. Такая совокупность действий связана с осуществлением государством военной политики, например, ведением войны, урегулированием вооруженного конфликта, военным строительством, в ходе которых создаются и воссоздаются соответствующие политические институты. Автор соглашается с учеными, которые определяют, что к содержанию военно-политических процессов относится цепь таких явлений, как война, политика, государство, военно-политическая деятельность¹⁷. Последовательно рассмотрим данные элементы.

Война, относится к тем социальным явлениям, в которых политические аспекты тесно переплетены с военными. Образно выражаясь, политика и война имеют между собой генетическую связь. Война в качестве особой формы протекания военно-политических процессов может быть рассмотрена в трех основных ипостасях:

¹⁷ См.: Лутовинов В.И. Военно-политические процессы в мире и в России: Учебное пособие. М.: Издательство РАГС, 2004. - С. 7.

- как средство, используемое для достижения политических целей. В таком аспекте содержание и сущность войны раскрывается через политику лидеров, правительств, государств и иных субъектов, обладающих возможностями использования военного насилия;

- как процесс противоборства, вооруженная борьба двух и более противостоящих социальных субъектов. В этом случае она раскрывается через деятельность вооруженных сил, армий, военачальников;

- как определенное состояние общества во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и соответствующих ему способов и средств при решении любых социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом, ко всем его сферам и отношениям, к населению, к социальным организациям и институтам¹⁸.

При анализе военной и политической составляющей в военно-политическом процессе преобладают труды, исследующие соотношение политики и военной составляющей в пользу первой. Дело в том, что военно-политический процесс – это прежде всего явление политики и военная составляющая в нем проявляется как рефлексия на необходимость продолжения политики государства по обеспечению собственной безопасности посредством задействования военной организации.

По Клаузевицу, например, война состоит из «насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку»¹⁹.

¹⁸ См.: Анисимов В.М. Социально-философские проблемы смысла войны// Теоретическое наследие К. Клаузевица и современность. М., 1994. - С. 39-46.

¹⁹ Клаузевиц К. О войне: В 2-х т. – М.: Госвоениздат, 1936. – Т. 1. - С. 137.

Однако определение сущности войны только политикой в современных условиях не представляется достаточно разумным. Это связано с тем, что:

- в онтологическом аспекте политика не всегда предшествует войне (пример – первобытное общество);

- в логическом аспекте происходит отождествление причины и следствия, если рассматривать войну только в продолжении политик;

- в гносеологическом аспекте в этом случае сущность войны сводится к сущности политики, далее к сущности экономики и так далее без конца, а сущность самой войны как формы вооруженного насилия остается невыясненной²⁰.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что политика по-прежнему играет важнейшую роль в подготовке и развязыванию войн и военных конфликтов, однако войну следует рассматривать шире - в контексте экономических, духовных, социальных факторов.

Историческая ретроспектива доказывает, что характер диалектических взаимосвязей между войной и политикой в разные временные периоды постоянно менялся. В середине XIX века в Академии Генерального штаба России руководствовались аргументами: «вся политика войны состоит в том, чтобы, увидев неприятеля, наносить ему возможный вред. Что же касается до военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине и правилам военного искусства и военной службы, не должны быть допущены»²¹.

На протяжении всего предыдущего века военное начало доминировало над началом политическим. И это несмотря на то, что сфера приложения военной стратегии ограничена, поскольку стратегия «не исследует вопроса о

²⁰ См.: Смульский С.В. Теоретико-методологические аспекты анализа сущности и причин войн // *Философско-методологические аспекты анализа сущности и причин войн// Философско-методологические проблемы анализа современных войн и военных конфликтов*. М., 1996. - С. 64-72.

²¹ Свечин А. А. Клаузевиц. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. - С. 276.

том, как следует устраивать страну, воспитывать народ и управлять им для достижения наибольших военных успехов...»²².

Как указывает исследователь В.И. Лутовинов, проявлением доминанции военного начала над политическим стали существенные особенности военно-политических процессов в условиях противоборства двух сверхдержав и мировых систем, к которым он относит:

- устойчивые представления о возможностях путем войны решать традиционные споры – территориальные, идеологические и т.п.;

- в политике безопасности военному фактору отдавалось преимущество перед дипломатией, экономикой (создание, так называемых поясов безопасности как со стороны США, так и со стороны СССР);

- милитаризация и идеологизация политики. Ослабление политического контроля над военной областью, попытки военных диктовать свою волю в политической стратегии, принимать решения в узких военных интересах;

- использование военной силы без должного учета политических, национальных, морально-религиозных, этнических условий и традиций;

- стремление военных кругов подчинить себе экономику, не считаясь с интересами гражданского общества;

- балансирование на грани ракетно-ядерной катастрофы всего человечества и др.²³

Получается, что в двадцатом веке человечество было одновременно субъектом и объектом глобального разрушительного насилия. Если основываться на строгих цифрах, то в двадцатом столетии войн было больше, чем в 18 и 19 веках вместе взятых. Так, например, за 40 лет до второй мировой войны произошло 88 войн, а после ее окончания - 127 войн, большинство из которых приводили к той или иной интервенции,

²² Клаузевиц К. О войне: В 2-х т. – М.: Госвоениздат, 1936. – Т. 1. - С. 137.

²³ См.: Лутовинов В.И. Военно-политические процессы в мире и в России: Учебное пособие. М.: Издательство РАГС, 2004. - С.17.

характерной для «холодной войны»²⁴. Если в 50-е гг. прошлого века в среднем за год велось 9 войн, то к 70-м гг. этот показатель вырос до 14, то в 90-е гг. он превысил 40²⁵.

В таких условиях в начале нового века для всего человечества возникла настоятельная необходимость ограничить военное насилие в мире и решать кризисные ситуации и конфликты средствами мирного, прежде всего, политического характера. С осознанием этого положения, в военно-политических процессах конца двадцатого века начинают проявляться следующие тенденции:

- развязывание очередной мировой войны угрожает всему человечеству стать жертвой катастрофических последствий применения ядерного оружия;
- мировая общественность, мировое сообщество стремится к объединению своих усилий в борьбе против агрессоров;
- все больше войн становятся непопулярными, не имеют широкой поддержки масс, а потому не достигают своих целей;
- все большее распространение получает распространение зон мира;
- развиваются наднациональные институты, сдерживающие использование военной силы: ООН, ОБСЕ и др.²⁶.

К политикам мирового масштаба пришло понимание, что средства вооруженной борьбы не решают многие существующие противоречия тогда, когда в мире сконцентрировалось гигантское накопление силы, многократно превосходившее потребности государств в обеспечении собственной безопасности. И все-таки эти изменения не привели к отказу от военного насилия в достижении политических целей. Геополитическое противоборство усиливается, оружие совершенствуется и разрабатываются новые концепции ведения войн.

²⁴ Бутрос-Гали Б. Этнические конфликты угрожают безопасности народов: Выступление в Вашингтоне на открытии семинара по этническим конфликтам//Перспективы, 1994, № 3. - С. 12.

²⁵ Щипков В.А. Введение в военную конфликтологию. М., 1996. - С. 6

²⁶ Лутовинов В.И. Военно-политические процессы в мире и в России: Учебное пособие. М.: Издательство РАГС, 2004. - С.17-18.

Большинство российских аналитиков выражают согласованную позицию, что в обозримом будущем наиболее вероятный тип военных конфликтов – это локальные войны, вооруженные конфликты, а также ассиметричные войны²⁷.

Им соответствуют оценки зарубежных военных специалистов, которые полагают, что мир вступил в эпоху локальных конфликтов, иррегулярных по своему содержанию и формам, а характер боевых действий принципиальным образом изменится уже в ближайшей перспективе. Это будет совокупность проводимых последовательно-параллельных операций по стабилизации, обеспечению внутренней безопасности, принуждению к миру, переходу к миру, удержанию мира и реконструкции социально-политической структуры государства²⁸. Это приводит к выводу, что на современном этапе мирового развития изменяется сущность современных войн, вооруженных конфликтов, трансформируются их формы и характер, методы и средства борьбы²⁹.

Получается, что ослабление угрозы крупномасштабной войны в современном мире вовсе не означает, что военная составляющая в политике перестала существовать. Ситуация только усложняется диверсификацией образов ведения военных действий и интенсификацией технологических возможностей, которые могут быть применены в военном деле. Таким образом, на современном этапе мирового развития вполне могут развиваться военно-политические процессы, концентрирующие в себе глобальную разрушительную силу. Это значит, что даже самая незначительная конфронтация интересов в социальной, политической, экономической или духовной сферах может нести в себе потенциал военного противостояния.

В целом, соединение политики и войны, обеспечивается совокупностью закономерных и устойчивых взаимосвязей между ними, а

²⁷ См.: Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М. 2002. - С.18-21.

²⁸ Об этом см.: Comprehensive Lessons Learned. White Paper. Army capabilities Integration Center. 9 June 2009.

²⁹ См. напр.: Бельков О.А. Понятие «война» и его абберрации в отечественном дискурсе // Власть, 2009. - № 9. - С. 4-8.

значит, анализ военно-политических процессов не может замыкаться строго на военных или политических факторах. Корректнее сказать, что в военно-политическом процессе существует двусторонняя связь между политикой и войной. Центральным звеном этой связи является определяющая роль политического руководства по отношению к военной стратегии. Политика, политические цели оказывают решающее влияние на характер ведения войны, ее содержание, являются фактором мобилизации всех сил и средств общества для достижения победы. И вместе с тем, с началом войны судьба политики становится в зависимость от хода и исхода военных действий, побед или поражений. Действия политического руководства во многом обусловлены успехами или неудачами вооруженных сил. Последовательная смена таких действий, обусловленная единой логикой, представляет собой военно-политическую деятельность.

Военно-политическая деятельность, как и военно-политический процесс, является производной от деятельности сугубо политической. Тогда как политическая деятельность является более объемным понятием, логично сказать, что военная деятельность – процесс подготовки и реализации социального вооруженного насилия для достижения определенных политических целей, как специфическая разновидность политической деятельности.

Политическая деятельность тогда перетекает в область военно-политического, когда действия субъектов политической действительности, опираясь на достигнутый уровень военно-теоретического, военно-политического и военно-доктринального знания и используя их в качестве регулятивов собственной практики, образуются в последовательные ряды в достижении политических целей. Такая постановка вопроса предполагает рассмотрение военно-политической деятельности как организационно-практического процесса взаимодействия субъекта и объекта военной политики или их множества, направленного на реализацию интересов, связанных с военной безопасностью личности, общества, государства. Это

является причиной того, что поэтому круг участников, задействованных в этой сфере, весьма ограничен.

Основываясь на приведенных теоретических моделях, сделаем вывод, что по сущностным признакам, свойствам и характеристикам военно-политическая деятельность государства выступает специфическим видом социальной деятельности; она имеет осознанный, программно-целевой характер и осуществляется на основе логико-гносеологических и рационально-теоретических процедур познания военно-политической действительности; она учитывает динамику складывающейся в мире и его регионах военно-политической обстановки.

Анализ содержательной стороны военно-политического процесса показывает, что оно определяется факторами, которые характеризуют уровень развития социальных и экономических отношений, состояние духовно-идеологической сферы общества и тех концептуальных моделей, которые сосредотачивают в себе общие представления о мировых процессах военно-политического характера. Следовательно, содержание политического процесса создают разные по уровню, масштабам и направленности действия субъектов политики, основным из которых является государство.

Государство вырабатывает военную стратегию и реализует военную политику. В соответствии с жизненно важными национальными интересами государство в сфере внутренней и внешней политики оно формулирует приоритетные военно-политические цели, а также определяет и создает средства их возможной реализации (политические, экономические, технические, собственно военные, информационные и некоторые другие). Но эти средства приходят в движение не хаотично, а в рамках определенной военной организации государства.

Военная организация государства - совокупность органов и структур исполнительной власти, созданных и действующих в соответствии с конституцией и законами государства и предназначенных для обеспечения безопасности личности, общества и государства; имеющих право

применения силовых методов и средств вооруженной борьбы и осуществления специальных операций в рамках и случаях, установленных законом Российской Федерации.

Согласно Военной доктрине РФ Вооруженные Силы составляют ядро военной организации государства и основу обеспечения его безопасности³⁰. Кроме этого, в военную организацию государства включены и другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы военного управления. В нее входит часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности страны.

Руководство военной организацией государства осуществляют конкретные субъекты военной политики. В зависимости от специфики объектов, характера угроз жизненно важным интересам, целей и задач обеспечения военной безопасности государство легитимирует конкретные субъекты военно-политического процесса. Таким образом, государство является основным субъектом и движущей силой военно-политических процессов. Государство обладает достаточными ресурсами – материальными, нематериальными, организационными – для проведения военной политики. Однако это не отменяет возможность включения в военно-политическую деятельность иных политических акторов.

Исследователи отмечают, что в современных условиях участниками военно-политических процессов выступают «внутригосударственные регионы (административно-территориальные образования-кантоны, федеральные земли, республики, штаты и т.п.); религиозные организации и движения; международные преступные и террористические

³⁰ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976). Гл. 1 ч. 8 п. «к». //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. – Дата доступа: 14.05.2015.

группировки...»³¹. Получается, что в военно-политические процессы может быть вовлечено гражданское население, когда оно раскалывается на противостоящие структуры; его субъектами могут выступать незаконные вооруженные формирования, которые прибегают к насилию в достижении политических целей, иными словами, когда они имеют достаточно ресурсов для осуществления военно-политической деятельности. Подобные субъекты мировой политики используют различный набор практик для достижения целей, которые по своему характеру могут быть как легитимными, так и нелегитимными.

Тенденция расширения нелегитимных практик участия в военно-политических процессах является вызовом безопасности любому государству на планете. Стремление насильственно трансформировать политические режимы в конкретных регионах ведет к обострению международной обстановки в отдельных регионах, нарастанию конфликтного потенциала в мире в целом, что, безусловно, представляет собой потенциальные угрозы безопасности Российской Федерации.

Итак, современные военно-политические процессы с расширенным составом участников включают деятельность, которая осуществляется помимо официальных институтов власти и протекает как в рамках правового поля, так и вне его. Они содержат не только действия, соответствующие принятым в обществе нормам и правилам политической игры, но и те, которые противоречат установленным стандартам в отношениях с государственной властью, например, криминальные действия политиков в сфере власти, деятельность различного рода экстремистских организаций. Субъективные устремления участников подобных военно-политических процессов связаны с их реальными интересами и направлены на завоевание или удержание политической власти, на сохранение или преобразование

³¹ Современные международные отношения и мировая политика / А. В. Торкунов, И. Г. Тюлин, А. В. Мельвиль и др., МГИМО (У) МИД России. М.: Просвещение, 2005. - С. 248.

общественных отношений. Результаты их военно-политической деятельности выражаются в реальных изменениях социально-политической действительности. Это приводит к тому, что военно-политические процессы сегодняшнего дня становятся все менее управляемыми.

Известным ученым Майклом Николсоном был сформулирован «парадокс участия»³², сущность которого состоит в том, что чем меньше количество и степень разнородности участников взаимодействий, тем более упорядоченной является система военно-политических отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же военно-политическая сфера пополняется новыми акторами, то прогноз, следовательно, совершение эффективных действий и управление ими, становится все более трудным.

Основываясь на вышесказанном, зафиксируем, что исследуемое явление как объект управления является крайне сложным феноменом. Это повышает ценность научных знаний, полученных эмпирическим путем, что является одним из условий повышения результативности управления.

В случае недостатка достоверной информации об объекте или пренебрежительное отношение к научным методам проектирования управленческой деятельности актор нередко стремится к использованию таких ресурсов воздействия на военно-политический процесс, которые могут создать иллюзию урегулированности проблемы.

Множественность политических акторов, стремящихся к управлению военно-политическими процессами, многозначность их политических интересов и ценностных ориентаций привносят в систему управления военно-политическими процессами внутреннее противоречие. Дело в том, что властные воздействия государственных структур, партий, групп интересов и других участников политики на один и тот же процесс могут

³² См.: Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах / Жирар М. (рук. авт. колл.) // Индивиды в международной политике. М., 1996. - С. 133-136.

инициировать разнонаправленные формы политической активности, нередко приводящие к конфликтам.

Важной особенностью управления военно-политическими процессами является то, что акторы, стремящиеся к воздействию на ход политических событий, нередко сами оказываются их вовлеченными участниками. Двойственное положение актора в системе управления, когда он одновременно выступает и в роли субъекта, и в роли объекта управленческой деятельности, придает этому виду управления целый ряд качеств, отличающих его от других видов управленческих отношений в обществе. Стремясь воздействовать на военно-политические процессы, акторы опираются на правовые и информационные механизмы, используют политические технологии, позволяющие влиять на мотивацию участников политических событий. Все это означает, что проблема управления военно-политическим процессом является одним из сложных теоретико-методологических аспектов их научного исследования и практической деятельности.

Проведенный анализ дает основание заключить, что рост числа и многообразия «акторов вне суверенитета», иными словами, негосударственных субъектов военно-политических процессов и меняет прежнюю картину взаимодействий на мировой арене³³. Современные военно-политические процессы становятся все более транснациональными. Некоторые из них можно отнести к тем, которые требуют координации и объединения усилий субъектов политики на уровне крупных регионов, государств и мирового сообщества в целом, а другие носят парцеллярный характер. Получается, что по «пространственному размаху» военно-политические процессы логично классифицировать как:

- *глобальные (мировые);*
- *межгосударственные (региональные или субнациональные);*

³³ См.: Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey, 1990.

- локальные(местные).

Поскольку в центре нашего исследования находятся военно-политические процессы в Кавказском регионе, становимся подробнее на анализе регионального политического процесса.

Содержание регионального политического процесса обуславливается соотношением политических сил в регионе, сложившимися между военно-политическими акторами, отношениями в сфере реализации военной политики, и, конечно, их практической военно-политической деятельностью. В то же время существенное влияние на региональный военно-политический процесс могут оказывать отдельные внерегиональные субъекты, обладающие достаточными ресурсами для изменения расстановки и соотношения политических сил. Немаловажен учет социокультурной среды региона, в особенности, его этнического и конфессионального состава. В совокупности вышеперечисленное определяет конкретное содержание региональных военно-политических процессов.

Такая постановка вопроса позволяет рассматривать *региональный военно-политический процесс* как совокупность действий и взаимодействий военно-политических акторов по поводу значимых политических интересов, реализации их политических ролей и функций в регионе с применением или угрозой применения насилия.

К режимам протекания военно-политических процессов военные политологи относят режим функционирования, режим изменения (развития), режим упадка³⁴. Проанализируем последовательно каждый из названных режимов.

Первый режим - это *режим функционирования*. Для него характерны устойчивость военно-политических институтов, отлаженное применение государственной властью традиционных средств политического и военного управления, вполне ожидаемые изменения военно-политической обстановки,

³⁴ См.: Военная политология: учебное пособие. Под ред. Н. И. Резника. М.: Красная звезда, 2006. - С. 296.

деятельности основных субъектов военной политики. В этом случае военно-политические процессы отражают простое воспроизводство сложившихся устойчивых военно-политических отношений. Традиции и преемственность в развитии связей участников военно-политических процессов обладают при этом неоспоримым приоритетом перед любыми инновационными изменениями.

Второй режим протекания политических процессов - это *режим изменения (развития)*. При этом структуры и механизмы военной политики государства выводятся на новый уровень, который позволяет адекватно отвечать на возникающие вызовы времени, военные опасности и угрозы и социальные требования населения по защите от них. Такой характер военно-политических изменений означает, что субъекты военной политики трансформируют цели и методы своей деятельности, соответствующие происходящим изменениям в военно-политической обстановке, меняющемуся соотношению сил внутри страны и на международной арене. В этом случае военно-политическое развитие сопровождается интенсивным взаимодействием макро- и микрофакторов среды безопасности. Реагируя на них, субъекты военной политики повышают способности применять гибкие стратегии и технологии нейтрализации и парирования военных угроз с учетом разнообразных политических интересов.

И, наконец, третьей разновидностью режима функционирования военно-политических процессов является *режим упадка*, распада военно-политической целостности. В данном случае военно-политические изменения (в способах артикулирования интересов в области отбора политической и военной элит, принятия военно-политических решений и т.п.) имеют негативный характер по отношению к нормам и условиям целостного существования системы безопасности. Энтропия и центробежные тенденции преобладают здесь над интеграцией. При этом атомизация субъектов военной политики и распад режима управления обеспечением военной безопасности носят необратимый характер. В результате принимаемые

решения утрачивают способность управлять и регулировать военно-политические отношения, а сама политическая элита (и, как правило, военная элита) теряет стабильность и легитимность³⁵.

Проведенный анализ дает основание заключить, что как сложное социальное явление военно-политический процесс представляет собой среднюю «результатирующую линию» многих разнонаправленных тенденций. Динамическое равновесие политической системы поддерживается путем постоянного состязания альтернативных «векторов» политик субъектов военно-политического процесса, которые агрегируют бесчисленное множество личных и групповых устремлений. Таким образом, военно-политический процесс - это противоборство, но противоборство не стихийное, а рациональное.

Основываясь на вышесказанном, военно-политический процесс следует рассматривать как логически разворачиваемую последовательность взаимодействий между его субъектами по разрешению противоречий в сфере урегулирования вооруженных конфликтов, в сфере обороны, обеспечения безопасности государства. Это позволяет сделать вывод, что развитие военно-политического процесса зависит от созидательной деятельности его участников, прежде всего, от военного руководства государства.

Современный мир противоречив и конфликтен и любая серьезная конфронтация интересов в социальной, политической, экономической или духовной сферах может нести в себе потенциал военного противостояния, а мозаика военной политики государств может кардинально меняться у той или иной страны на разных этапах исторического развития, под воздействием различных социально-политических факторов. Поэтому при анализе военно-политического процесса следует учитывать характер взаимодействия между его субъектами, который во многом зависит от масштаба, направленности, целей и интересов акторов, участвующих в нем. Без учета обозначенных

³⁵ См.: Военная политология: учебное пособие. Под ред. Н. И. Резника. М.: Красная звезда, 2006. - С. 297.

параметров исследования военно-политических процессов могут оказаться некорректными, а использование их в политической практике будет сопряжено с серьезными ошибками и просчетами.

Исследовательская необходимость обуславливает важность выделения **факторов, опосредующих развитие военно-политических процессов современности.**

Политика милитаризма существенным образом определяет динамику и характер военно-политических процессов. Милитаризм возникает в результате агрессивной политики государств, их коалиций и региональных организаций, выраженных в укреплении военной мощи для проведения внешней политики.

С точки зрения исследования Д.Л. Цибакова, милитаризм обладает двойственной природой. С одной стороны, международная стратегия государств и их союзов приобретает все более агрессивный характер, вовлекая в военные приготовления сферы жизнедеятельности, изначально не имеющие отношения к оборонной политике. С другой стороны – имеет место использование методов, технологий и практик военного происхождения для решения внешнеполитических проблем, не имеющих прямого отношения к вооруженному насилию³⁶.

В эпоху глобализации первым проявлением политики милитаризма выступают принятые в области военно-политического планирования нормативные правовые акты ведущих держав мира. Например, в одном из последних отчетов Министерства Обороны США зафиксировано: «Интересы Америки и ее роль в мире требуют наличия вооруженных сил, обладающих непревзойденными возможностями и готовности страны использовать их для защиты наших интересов и ради общего блага. США по-прежнему являются единственной страной, способной к переброске сил и ведению

³⁶ См.: Цибаков Д. Милитаризация и современное миротворчество// Обозреватель – Observer. - 2012. - № 3. - С.50.

крупномасштабных операций на больших расстояниях. США намерены сохранить это уникальное положение»³⁷.

Одним из объективных показателей милитаризации является увеличение затрат на военные нужды, которые значительно выше, требуемых для обеспечения безопасности. Например, примерно половина мировых военных расходов приходится на Соединенные Штаты, которые тратят на военные нужды 661 млрд. долларов. Это в 6,5 раз больше, чем Китай (второе место, 100 млрд. долл.), и в 12 раз больше, чем Россия (пятое место, 53 млрд. долл.). По состоянию на 2012 г. на долю Соединённых Штатов приходилось уже около 41 % общемировых военных затрат, а на военный бюджет РФ – 4,1 %³⁸.

Распространение политики милитаризма на региональном уровне обусловлено геостратегической важностью того или региона при неразвитости национального суверенитета составляющих его государств. Так, например, в разные годы правящие режимы некоторых государств Южного Кавказа стремились завершить формирование собственной государственности за счет приобщения к военной стратегии, реализуемой более сильными державами – Турцией, США и Россией. Это привело к глобальному сосредоточению на Кавказе военной силы, вовлечению государств региона в проекты под патронажем более сильных союзников, и усилило распространение на регион зоны влияния названных выше государств.

Другим аспектом, влияющим на характер и интенсивность военно-политических процессов, является **политика гегемонизма** в международных отношениях.

³⁷ Quadrennial Defense Review Report. US of America. Department of Defense. February 2010, P. 4-5.

³⁸ См.: Расчеты по военным расходам Китая и России выполнены специалистами Стокгольмского международного института исследования проблем мира при подготовке к изданию SIPRI Yearbook, 2010.

Гегемонистскую политику логично трактовать как стремление установить безусловное доминирование одних субъектов политического мира над другими, в том числе с помощью военной силы. Такого рода экспансионистская политика протекает в прямой и латентной формах в целях достижения государствами абсолютного доминирования и может проявляться как в региональном, так и в глобальном масштабах.

Гегемонистская политика государств ограничена на законодательном уровне. Так, еще в 1979 году Генеральной ассамблеей ООН была принята специальная резолюция «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях»³⁹. Тем не менее, принцип «все равны, но кто-то равнее» не утрачивает актуальности.

Политика гегемонизма сильных мировых держав встречает ответную реакцию со стороны развивающихся стран и иных негосударственных субъектов. В результате, наряду с государствами, коалициями государств, региональными и международными организациями, все более активную роль в мировой политике играют негосударственные акторы, зачастую действующие вне правового поля.

Военно-политическая составляющая гегемонизма в особенности ярко прослеживается в политике Вашингтона по трансляции своего влияния. Новый мировой порядок, на глазах мирового сообщества отстаивается и довольно последовательно и эффективно, а в последнее время, как в случаях с Ливией, Сирией, Украиной, весьма агрессивно.

Исследователи военно-политических аспектов безопасности Российской Федерации отмечают, что влияние американского гегемонизма на безопасность России проявляется в следующем:

- созданию военной инфраструктуры в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролировать этот регион Евразии, но и

³⁹ Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф. пол. наук Санжаревский И.И. Изд. 6-е, испр. и доп. Тамбов, 2014// Интернет-портал «Российское образование». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/624/62624>. – Дата доступа: 10.01.2015.

непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжью;

- приближении к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;

- переноса политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения⁴⁰.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что гегемонистская политика является фактором, влияющим на развертывание «зеркальных» военно-политических процессов по обеспечению безопасности государства и продуцирует нарастание конфликтного потенциала в мире.

Иным фактором, серьёзно влияющим на развертывание современных военно-политических процессов, следует назвать **распространение терроризма** в самых различных ее проявлениях.

Несмотря на то, что терроризм является трансграничным проектом, в мировой политической практике нет универсального, всеобъемлющего и конкретного определения терроризма, которое было бы принято большинством участников международного сообщества. В российском законодательстве зафиксировано следующее определение: «Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»⁴¹.

⁴⁰ См.: Подберезкин А.И. Будущие военно-политические угрозы России. Прогноз до 2030 и 2050 годов // Центр военно-политических исследований. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/node/27668>. – Дата доступа: 14.05.2015.

⁴¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму" (с изменениями и дополнениями от 31 декабря 2014 г.). Ст. 3. // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12145408/>. – Дата доступа: 14.05.2015.

Терроризм во всех его формах и по своим масштабам и интенсивности относится к числу опаснейших явлений современности. Это обусловлено отчасти тем обстоятельством, что корни терроризма заложены не только в политических и экономических, но и в исторических и этнокультурных проблемах.

Военно-политические процессы, обусловленные распространением терроризма, сегодня приобретают глобальное значение. Тогда как к объекту террористической деятельности относится мирное население, субъектами терроризма могут быть незаконные организованные формирования, мафия, представители наркобизнеса, военизированные или полувоенные повстанческие организации, частные военные компании; а также отдельные индивиды: лидеры племенных кланов, воротилы теневого бизнеса, полевые командиры, наемники⁴².

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что масштабы распространения терроризма практически не поддаются фиксации, ввиду формирования информационного общества⁴³. Возможности, которые открываются благодаря развитию средств массовой коммуникации и социальных сетей, приводят к прозрачности границ, и используются террористическими формированиями для достижения поставленных целей.

Структура террористических организаций в ряде стран схожа – основана на сетевом характере взаимодействия, имеющем в своем основании горизонтальные связи между членами организаций, - по такому принципу строится международная террористическая сеть. «Обмен опытом» между различными террористическими структурами зачастую осуществляется на фоне роста сторонников, большей частью, из числа молодежи и криминала. Одним из основных источников этого роста являются религиозные школы и

⁴² См.: Малинчук В.В. Негосударственные субъекты в контексте международных и национальных стратегий противодействия транснациональной преступности / В. Малинчук // Вестник Военного университета. - 2011. - № 4. – С. 85.

⁴³ См., напр.: Яковенко И. Терроризм // Нева. 2005. № 12. С. 164-165; Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С.А.Афонин и др. Под ред В.В.Яценко. – М.: МЦНМО, 2007. С. 19.

лагеря по подготовке наемников. В результате наложения идеологии религиозного экстремизма на террористические методы достижения политических целей, возникают «особые формы международной напряженности, искусственно раздуваемые средствами массовой информации до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные проблемы раздуваются до уровня глобальных»⁴⁴.

Это позволяет прийти к выводу, что экстремистская деятельность с применением средств вооруженной борьбы, которой присуща радикальная идеология, является одним из наиболее опасных проявлений терроризма. Большой частью религиозный экстремизм выступает как радикальный исламизм.

По определению ученого Александра Игнатенко, радикальный исламизм - это идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате⁴⁵. Именно поэтому исламизм именуется еще политическим исламом или политизированным исламом.

На современном этапе радикальный исламизм находится в состоянии экспансии – территориальной, этнической, социальной. Исследователи проблемы указывают, что именно радикальный исламизм в течении как минимум последних семи лет является главной движущей силой

⁴⁴ Савельев В.Н. Международный терроризм в системе глобальных отношений: религиозный аспект // Религиозный экстремизм и фундаментализм: справочное издание. М., 2008. - С. 27.

⁴⁵ Игнатенко А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре "Исламизм - глобальная угроза?" Института социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова 22 сентября 2000 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.niiss.ru/nb/News/ignatenko.htm>. – Дата доступа: 11.09.2014.

действующих на Северном Кавказе незаконных вооруженных формирований⁴⁶.

Наиболее тревожной представляется экспансия исламистских и в том числе непосредственно ваххабитских «сетей» в трех различных, но критически важных типах социальных сред: молодежь, бюрократия, криминальный мир. Появляется повод говорить о исламистском лобби и исламистских группировках на различных этажах власти. В ряде стран сложилась система «исламистского радикального образования», имеющая фактически сетевую структуру. Такие школы есть в Дагестане, Пакистане, Афганистане, странах Центральной и Восточной Европы, широко представлены на арабском Востоке. Так один из основателей «Имарата Кавказ» Доку Умаров уверен, что «джихад уже осуществляется везде, где живут мусульмане»⁴⁷.

Одним из наиболее ярких примеров террористических группировок, действующих под лозунгами радикального исламизма, является «Исламское государство Ирака и Леванта» - международная исламистская террористическая организация, действующая, большей частью, на территории Сирии и Ирака. С 2013 года фактически действует как исламское квазигосударство с шариатской формой правления.

По состоянию на 2014 год площадь контролируемой ИГИЛ территории оценивалась в 40-90 тысяч квадратных километров, а население на ней проживающее - в 8 миллионов человек, преимущественно состоящее из суннитов. В отрядах ИГИЛ состоит от 50% до 80% иностранцев, включая

⁴⁶ Амелина Я. А. Радикальный исламизм – одна из наиболее серьезных угроз государственному строю России// Интернет-портал «Ислам и общество».[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://islamio.ru/news/policy/radikalnyy_islamizm_odna_iz_naibolee_sereznykh_ugroz_gosudarstvennomu_stroyu_rossii/. – Дата доступа: 11.09.2014.

⁴⁷ Атаев А.В. Афганистан предлагает разработать совместный проект по защите госграниц // Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/4522/>. – Дата доступа: 21.06.2015.

большое количество россиян и представителей Центральной Азии⁴⁸. Общее число иностранцев - не менее 16 тысяч, из которых 4-5 тысяч – русскоязычные⁴⁹.

Доктринальной установкой этой террористической группировки является достижение победы во всемирном масштабе, и они будут насаждать свою форму правления вооруженной силой там, где это возможно. И на российском Северном Кавказе, и на Кавказе вообще⁵⁰. Если также учитывать, что лидеры организации, расценивают в качестве одного из врагов суннитского Халифата Россию, вырисовывается очень опасная картина, которая отражает многокомплексность угроз, исходящих от ИГИЛ.

Представляется, что взлет исламского радикализма можно связывать с рядом аспектов, к числу которых корректно отнести:

- неравноправное положение в мировой политике богатых ресурсами, но неразвитых экономически многонаселенных государств, с преимущественно исламским населением;
- многолетняя конфронтация с поддерживаемым Соединенными Штатами Израилем, которая открывается для мусульман-арабов рядом унижительных поражений;
- навязывание в качестве политического режима «ракетно-бомбовой» демократии, что происходит без учета исторических, культурных, религиозных особенностей мусульманских стран;
- скрытая поддержка, а иногда открытое «взрачивание» радикальных религиозных структур.

⁴⁸ См.: Ближний Восток: диагностика будущего года // Информационное агентство «Regnum». 27.12.2014[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1881238.html>. – Дата доступа: 11.06.2015.

⁴⁹ Более тысячи иностранцев прибывают в ряды ИГИЛ ежемесячно// Информационное Агентство "Vesti.az". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vesti.az/news/224002>. – Дата доступа: 11.06.2015.

⁵⁰ Куртов А. Только Саудовская Аравия поддерживает действия ИГИЛ в Ираке// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/smi/5969/>. – Дата доступа: 11.06.2015.

Такие действия провоцируют обстановку перманентной напряженности, порождает обратный эффект – перспективную «исламизацию».

Все вышперечисленное позволяет сделать вывод, что терроризм, подпитываемый идеологией радикального ислама - одна из наиболее серьезных угроз общественному порядку и государственному строю поликонфессиональной России. Военно-политические процессы, обусловленные распространением терроризма, требуют многоплановых, коллективных и согласованных мер международных коалиционных образований, усилия, которые должны быть направлены не на устранение последствий, а на искоренение причин явления. Практически это можно считать неосуществимым ввиду извлечения высокой прибыли из данного вида деятельности ряда весомых участников мировой политики.

Следующим фактором, опосредующим характер и направленность военно-политических процессов, и который был частично рассмотрен диссертантом выше, следует назвать манипуляции **этноконфессиональными противоречиями.**

Противоборство, базирующееся на социокультурной основе, является одним из значимых проявлений вооруженной борьбы между социальными общностями и государствами. Примером является то обстоятельство, что в большинстве вооруженных конфликтов сегодня проявляются межконфессиональные или этнонациональные противоречия. Такое положение дел во многом подтверждает гипотезу С. Хантингтона о существовании линий «цивилизационных разломов». Наиболее ярко такие линии проявляются в регионах, которые принято считать конфликтными и нестабильными – на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе, Средней Азии. С учетом того обстоятельства, что самые острые этноконфессиональные конфликты проявляются не внутри отдельных цивилизаций, а на их стыке, то линии цивилизационных разломов вполне можно назвать наиболее опасными с военно-политической точки зрения регионами.

Ведущей силой противоречий, базирующихся на этнической почве, является идеология национализма, требующая совпадения этнических и территориальных границ нового государственного образования, что является вызовом территориальной целостности существующего государства.

Национализм трактуется экспертами как политика угнетения одних наций другой, великодержавной нацией, отдельные элементы которой разжигают расовую и национальную вражду, проводят политику расовой и национальной дискриминации, ставят более слабые нации и народности в подчиненное и бесправное положение, в том числе, с применением военной силы⁵¹.

Военно-политическая сущность идеологии национализма проявляется в этносепаратистских процессах, стимулирующих вмешательство вооруженных сил государства с целью обеспечения его территориальной целостности.

Основным субъектом этнонациональных конфликтов является властная этногруппа общества. Мотивированные соображениями безопасности, статусной заинтересованностью, гегемонистскими амбициями и конкуренцией элит, такого рода конфликты имеют высокий потенциал насильственной борьбы. Достижение одной этногруппой желаемого положения в обществе ставит ее в конфликтные отношения с периферийными группами. В результате неизбежны повышенная кровопролитность, пособничество враждующим сторонам внешних сил, распространение местного конфликта за пределы границ государства, чередование соглашений и насилия в неизменяющейся структурной ситуации.

Исследователи проблемы указывают, что если правительство способно предотвратить или разрушить условия, содействующие этническому

⁵¹ См.: Национализм. Словарь политических терминов// Интернет-портал «Национальная энциклопедическая служба». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/275/word/nacionalizm>. – Дата доступа: 11.06.2015.

насилию, тогда конфликт может быть урегулирован мирными средствами⁵². Однако практика показывает, что конфликты на этнонациональной основе лишь в единичных случаях были урегулированы политическими средствами. Это происходит, потому что значимая доля такого рода конфликтов – затяжные, заключающие в себе серьезное, исторически сложившееся этнонациональное противоречие. Такое противоречие не может быть хотя бы урегулировано, пока отсутствует силовой контроль насильственной борьбы.

Учитывая факт, что Россия является страной, в которой представители различных этносов компактно сосредоточены в определенных географических регионах – ярким примером является Северный Кавказ, можно утверждать, что развитие военно-политического процесса, базирующегося на идеологии этнонациональной вражды, обуславливает возможность реальной мобилизации социальных масс на данной основе. Как отмечает В. В. Путин: «Попытки провоцировать межэтническую напряженность, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из нас»⁵³.

Кроме этнического фактора, следует учитывать и религиозный аспект в развертывании военных политик.

Ученый Шевцов В.М. указывает, что степень вероятности перерастания религиозных противоречий в вооруженную борьбу и механизмы нарастания или ослабления военной опасности определяют четыре условия:

1) накопление у населения оружия и его неконтролируемое распространение в «горячих точках»;

⁵² Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль: автореф. дисс. ... кандидата философских наук: 09. 00. 11 / Чернобровкин Игорь Павлович. Ростов-на-Дону, 2004. – с.25.

⁵³ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://xn--d1abbgfbaiiy.xn--p1ai/news/17118>. – Дата доступа: 11.06.2015.

2) создание неконституционных военных и военизированных структур, нередко ведущееся соперничающими политическими силами, часто криминальными группировками;

3) психологическая готовность людей к возможности военных столкновений, общественные настроения «ожидания» вооруженной борьбы;

4) политическая, религиозная воля лидеров, организующих вооруженные акции⁵⁴.

Опыт исторического развития российского государства и усиление геополитического противоборства в новом веке позволяет сделать вывод, что военно-политические процессы, обусловленные этнонациональными и межконфессиональными противоречиями, развивались и развиваются под влиянием комплекса глобальных вызовов и угроз. К традиционным формам и образам «другого» добавились новые особенности, усложняющие протекание конфликтов на социокультурной основе, а именно:

- изменение характера конфликтов (появление новых асимметричных войн);
- доступность и скорость распространения информации;
- изменение возможности своего осознавать «свою» идентичность и сравнивать ее с другими конфликтами (повышение уровня политического самосознания и образования)⁵⁵.

Таким образом, военно-политические аспекты этноконфессионального противостояния и деструктивные их последствия диктуют необходимость повышенного внимания политического руководства государства к сфере межэтнических отношений и установлению межконфессионального диалога. Чем дольше подобного рода противоречия остаются без внимания, тем в

⁵⁴ См.: Шевцов В.М. Этноконфессиональные конфликты: политический механизм урегулирования// Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pb.littera-n.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=294:2012-05-30-09-00-03&catid=36:2010-03-12-12-59-09&Itemid=58. – Дата доступа: 30.07.2015.

⁵⁵ См.: Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход / Д.В. Чернобров // Вестник МГИМО-Университета. - 2012. - № 6. - С. 47-53.

большей степени они провоцируют рост терроризма, бандитизма, различного толка экстремизма и иных угроз безопасности государству.

Одним из значимых факторов, влияющих на характер и формы военно-политических процессов, можно считать **использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях.**

В современную эпоху контроль над территорией сводится не только к силовому контролю, но подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства, к которому корректно относить средства массовой информации (СМИ) и коммуникации. Именно поэтому в современной политической науке информационное пространство рассматривается как «новое политическое пространство»⁵⁶, как общее или «неразделенное» пространство⁵⁷.

Манипуляции современными СМИ и «вбросы» в социальных сетях влекут за собой латентные и явные угрозы безопасности, с которыми может столкнуться политическое руководство любого государства.

Идеологическое воздействие через глобальную сеть Интернет, социальные сети, средства массовой информации (СМИ) опосредует восприятие обществом военно-политической обстановки как внутри страны, так и за ее пределами, а зачастую - инициирует военно-политические процессы различного масштаба – от вспышек вооруженного насилия на митингах, до серии полномасштабных региональных вооруженных конфликтов.

Все это позволяет сделать вывод, что вооруженная борьба сегодня имеет комплексный, системный характер, способствующий развитию и проявлению нового свойства - совместимости свойств, или, другими словами, их «гибридности». Это стимулирует развитие военно-политических процессов, в которых политические цели достигаются невоенными

⁵⁶ Международные отношения в «новых политических пространствах» / Под ред. А.Д. Богатурова М., 2011. - С. 169-191.

⁵⁷ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. - С. 389.

средствами (политическими, экономическими, информационными и другими), а военная сила используется ограниченно, лишь для оказания помощи внутренней оппозиции (в том числе, вооруженной)⁵⁸. От акторов военной политики это требует серьезных научных разработок в сфере военных и социальных технологий. И следует сказать, что некоторые государства в этом весьма преуспели.

Исследователи корпорации РЭНД, одного из мозговых центров Министерства обороны США, определяют высочайший уровень военно-технологического развития ведущих мировых держав как «революция в военном деле - парадигматический сдвиг в характере и способах ведения военных действий, в результате которого становится устаревшей или ненужной одна или несколько возможностей одного из доминирующих военных игроков, либо создаются одна или несколько ключевых возможностей в какой-либо сфере ведения военных действий, либо происходит и то, и другое вместе»⁵⁹.

Трансформация «классических» войн в конфликты иного рода, в которых нет выраженной линии боевого соприкосновения, в свою очередь, требует от государств адаптации стратегий военного строительства⁶⁰, радикальных преобразований в военно-экономической сфере, создания нового военно-производственного аппарата, а по существу новой технологической базы.

Анализ факторов, обуславливающих специфику военно-политических процессов показывает, что угрозы государству дифференцируются, приобретают комплексный характер, поэтому и обеспечение безопасности становится все более сложной социальной деятельностью и охватывает

⁵⁸ См. напр.: Бартош А. Гибридные войны будущего – прогнозирование и планирование// Интернет-портал «Независимое военное обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html. – Дата доступа: 11.06.2015.

⁵⁹ The Economist, July 20, 2002. A survey of the Defense Industry. - P. 7.

⁶⁰ Об этом см.: Батырь В.А., Шопинский В.И. Новый международно-правовой формат вооруженных конфликтов XXI века (итоги вооруженного конфликта в Южной Осетии и Абхазии). - С. 212.

внутриполитическую, геополитическую, экономическую, военную, этноконфессиональную, информационную и иные сферы.

Итак, военно-политические процессы современности приобретают качества комплексности, в результате и угрозы безопасности государству становятся многоаспектными. Они усиливают деструктивное влияние на безопасность государства под воздействием рядом обстоятельств.

Во-первых, значительно усложнился состав акторов мировых политических процессов, способных применять военные средства в достижении политических целей. В условиях «растекания» военной силы по всему миру, участниками военно-политических процессов теперь являются не только государства, но и «акторы вне суверенитета»: террористические организации, располагающие серьезной финансовой поддержкой гегемонов мировой политики, и спонтанно организованные социальные движения, способные быть разрушительной силой, и вооруженные националисты и религиозные экстремисты, стремящиеся к образованию самостоятельных государств по религиозному или этническому принципу и лидеры-фанатики, готовые на все ради достижения власти. Данный факт свидетельствует о расширении спектра угроз и необходимости выработки дифференцированных стратегий противодействия разнородным политическим силам.

Во-вторых, в двадцать первом веке изменился характер вызовов и угроз, которые неуклонно возрастают в связи с глобальной информатизацией общества. Информатизация мира меняет его качественно – и не только в техническом отношении, но и, главным образом, в социальном и духовном. Отсюда следует, что от темпов информатизации общества, ее характера, а, главное, от содержания информации во многом зависит безопасность личности, общества и государства. Хотя в обеспечении безопасности государства доминирующую роль играет все же военный потенциал, определяемый военной мощью и престижем вооруженных сил, других войск, военных формирований и органов, обеспечение безопасности в современном

мире глобализации – это целенаправленный процесс реализации всего комплекса мер дипломатического, информационного, военно-силового, экономического, идеологического воздействия.

В-третьих, военно-политические процессы набирают темпы в упорной борьбе и в различных формах, с применением различных средств, в том числе военных. В связи с этим необходимо учитывать вызовы и угрозы безопасности России, обусловленные сложившимся балансом военных сил на рубеже веков, которые тяготеют явно в пользу США и НАТО. Это подтверждается ростом военных расходов; повсеместным размещением военной инфраструктуры; появлением в разных странах ядерных разработок.

В настоящее время развитие современной военно-политической обстановки по периметру границ России и углубления противоречий геополитического характера между основными участниками мировой политики, военно-политические процессы, развивающиеся на фоне региональных особенностей и во взаимосвязи с ними, могут явиться источником опасностей и угроз безопасности Российской Федерации. В данной связи высоко актуальна задача формирования адекватной региональной стратегии и политики России по защите национальных интересов страны в геостратегически важных регионах. К одному из них относится Кавказский регион.

Выводы по 1 разделу

В первом разделе отражены концептуальные подходы к изучению военно-политических процессов, представлено их определение, рассмотрены сущностные черты и содержание военно-политических процессов; раскрыты особенности и факторы развертывания военно-политических процессов в современную эпоху.

Военно-политический процесс, по мнению автора, представляет собой упорядоченную совокупность действий и взаимодействий военно-

политических акторов по достижению политических целей в сочетании политических и военных средств.

На основании проведенного анализа основных характеристик военно-политических процессов целесообразно зафиксировать, что они становятся все более дифференцированными по арсеналу используемых средств. Увеличение военного потенциала сопровождается ростом военной активности мировых держав во внешней политике, концепция прав человека зачастую противостоит концепции суверенитета, и, следовательно, отказу от принципа невмешательства во внутренние дела государств. В современной мировой политике то используется как квазилегитимное основание для иностранной интервенции. В результате, в мире нарастает напряженность.

Кроме этого, военно-политические процессы современности имеют трансграничный характер, поскольку акторами военно-политических процессов выступают как государства и их коалиции, так и военно-политические блоки, террористические организации, незаконные вооруженные формирования, религиозные и националистические экстремистские группировки, протестные социальные группы и иные.

Современные военно-политические процессы испытывают, прямое и латентное влияние различного рода факторов. По мнению автора, к наиболее значимым из них относятся: политика милитаризма; гегемонизм в международных отношениях; этноконфессиональные противоречия; распространение терроризма; использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что аналитическая работа по исследованию сущности и содержания военно-политических процессов переплетается с изучением вопросов безопасности государства. Именно поэтому такие процессы должны явиться как предметом строгого научного анализа, так и глубинных эмпирических исследований.

В этом русле для России важное значение имеет тот факт, что ряд ее регионов, которые ранее, в период существования Советского Союза, не

имели границ с зарубежными государствами, после его распада трансформировались в пограничные внутренние геополитические пространства, к числу которых относится и Северо-Кавказский регион. Поэтому современные региональные военно-политические процессы, развивающиеся на Северном Кавказе, не изолированные от военно-политических процессов в Закавказье, а зачастую, и обусловленные ими, требуют анализа и экспертной оценки. Влияние региональных военно-политических процессов на безопасность РФ будут проанализированы автором в следующем разделе диссертационного исследования.

РАЗДЕЛ II. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ КАК ИСТОЧНИК ОПАСНОСТЕЙ И УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Регион мира может рассматриваться как относительно целостное территориальное образование, формирующиеся в тесной связи и взаимодействии природы, населения, хозяйства, целостность которого, определяется прямыми, обратными и преобразованными связями, развивающимися между подсистемами.

В современных условиях глобализации, роста миграций, расширения экономических связей имеет место рост неопределенности и подвижности границ, отделяющих отдельные территории друг от друга. Это означает, что любой регион является частью субрегиональной или мировой системы отношений. Такая постановка вопроса предполагает исследование региона не только как внутривнутриполитического самостоятельного и независимого образования, с присущими конкретному государству географическими, цивилизационными, экономическими, историко-культурными особенностями, но и как пространства, связанного со спецификой различных территорий и находящегося отчасти под влиянием со стороны внешних сил.

Соответственно, исходя из проблемы темы и логики исследования, диссертант будет придерживаться толкования региона, предложенного А.Д. Воскресенским: «регион - это совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально – временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными»⁶¹.

⁶¹ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под. ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Московский институт международных отношений (Университет). «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2002. – С. 28.

Рассмотрение военно-политических процессов в Кавказском регионе с исследовательской необходимостью предполагает первоначальное осмысление своеобразия настоящего территориального образования.

Ряд исследователей предлагает разделять Кавказ на три региона: «Северный, охватывающий национальные автономные республики Российской Федерации; Центральный – независимые постсоветские государства, а именно: Армению, Грузию и Азербайджан⁶²; Южный Кавказ – северо-восточные илы Турции и северо-западные останы Ирана»⁶³.

Автор придерживается несколько иной позиции, выдвинутой большинством отечественных ученых, и полагает, что как в географическом, так и политическом отношении Кавказ разделяется на два более или менее отличных друг от друга пространства: Северный Кавказ, входящий в состав Российской Федерации и Южный Кавказ, состоящий из отдельных независимых государств и государственных образований⁶⁴.

На территории Южного Кавказа располагаются такие государства, как Азербайджан, Армения, Грузия; одно не признанное мировым сообществом, но фактически самостоятельное государство, провозгласившее свою независимость от Азербайджана в 1991 году - Нагорно-Карабахская Республика; два новых государства, появившихся после событий грузино-южноосетинского конфликта августа 2008 года – Южная Осетия и Абхазия⁶⁵.

Северный Кавказ представлен Северо-Кавказским федеральным округом Российской Федерации, выделенным из состава Южного федерального округа указом президента России Д.А. Медведева от 19 января

⁶² Прим. авт.: очевидно, сюда же автор отнес бы Южную Осетию и Абхазию, появившиеся в качестве самостоятельных государств после августа 2008 г.

⁶³ См. напр.: Эйвазов Д. Территория, население, этносы и секьюритизация: к вопросу об эндогенных факторах безопасности в региональных системах Кавказа и Центральной Азии //Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5. – с. 122.

⁶⁴ Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе / Р.М. Эмиров. – М.: Логос, 2011. - С. 21.

⁶⁵ Признанные Россией, Никарагуа, Венесуэлой и Науру в качестве суверенных государств.

2010 года⁶⁶. К нему относятся Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика. Площадь территории округа составляет около 1 % площади территории Российской Федерации. СКФО имеет сухопутные границы с Абхазией, Азербайджаном, Грузией и Южной Осетией, водную - с Казахстаном. Также по суше округ граничит с Калмыкией, Ростовской областью и Краснодарским краем. На востоке федеральный округ ограничен Каспийским морем, на юге - Главным Кавказским хребтом и границами с Грузией и Азербайджаном.

Северный Кавказ и южнокавказские государства и государственные образования - пространство, для которого характерна совокупность взаимообусловленных проблем, объединяющих их в единую ресурсно-геополитическую сферу, которая служит связующим звеном между странами Причерноморья на Западе и Прикаспия – на Востоке. Вместе с тем, в современных условиях глобализации, роста миграций, расширения связей имеет место рост неопределенности и подвижности границ, отделяющих отдельные субпространства друг от друга, а внутренние и внешние аспекты конфликтности настолько тесно связаны между собой, что проявляются как на внутрорегиональном, так и на межгосударственном и межрегиональном уровнях. Поэтому подвергать научному анализу военно-политические процессы на Северном Кавказе в отрыве от процессов, происходящих в Закавказье, а в более широком контексте – изолированно от политики сопредельных мусульманских государств - некорректно.

⁶⁶ См.: Указ Президента РФ от 19.01.2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации» от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»// Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96431/. – Дата доступа: 10.12.2014.

Кавказский регион занимает важное место для безопасности России, поскольку общеизвестно, что он имеет высокий конфликтный потенциал. Это пространство с неоднозначным переплетением внутрирегиональных и глобальных интересов, которые определяют динамику и масштабы протекающих в нем военно-политических процессов. При этом своеобразии данных процессов определяется не только множественностью внутренних и внешних игроков региона, но главное - остротой противоречий между ними.

Настойчивое внимание к Кавказскому региону обусловлено во многом тем фактом, что это пространство - транспортный коридор, через который проходят коммуникации, соединяющие развитые центры Европы с многими сырьевыми ресурсами стран Азии. Это приводит к выводу, что укрепление позиций в военно-политической сфере безопасности Кавказа открывает доступ к транспортно-энергетическим проектам и шире - геостратегическому плацдарму. Территория региона, таким образом, может использоваться для транспортировки углеводородного сырья, являясь важным транзитным звеном в создании транснациональных маршрутов. В данной связи сложно переоценить геоэкономическое и военно-политическое значение Кавказского региона, территория которого потенциально уязвима для внешних влияний и угроз и является основной причиной инициации деструктивных региональных военно-политических процессов.

Как показывает опыт вооруженных конфликтов в регионе Кавказа, они обладают особенностью втягивать в себя в явной или скрытой форме другие государства, становясь тем самым потенциальными истоками региональных проблем военно-политического характера. Необходимость участия в таких конфликтах России, как геополитического центра, сужает для государства возможность маневрировать, как в политической, так и в иных сферах ее отношений с южнокавказскими государствами. Зачастую это ставит национальные интересы России в зависимость от сторон конфликта, личных амбиций политической элиты того или иного государства Закавказья, либо внешних субъектов политики.

Соревнование между региональными, западными и транснациональными политическими акторами по сосредоточению и удержанию влияния имеет глубокие корни. С точки зрения отечественных исследователей, «Кавказ - это суперважная развязка в структуре Евразии. Транзитная и смысловая. Геополитическая и историософская. Военно-стратегическая и политическая. Кавказ - это некое «средостение» макрорегиона. Господствующая высота, владея которой, можно созидать нужное и разрушать ненужное»⁶⁷.

Сегодня, как и в исторической ретроспективе, ситуация на Кавказе развивается под воздействием вмешательства разнонаправленных политических сил. Влиятельными приграничными к региону державами, участвующими в развертывании политики, можно считать Иран и Турцию. В качестве внерегиональной державы, наиболее активно принимающей участие в военно-политической жизни Кавказского региона, корректно назвать США. Что касается иных субъектов военно-политических процессов, то к ним эксперты правомерно относят транснациональные структуры, в частности, террористические организации, экстремистские группировки националистического и религиозного характера, незаконные вооруженные формирования, неправительственные фонды и организации, финансируемые из-за рубежа, региональные организации безопасности и военного сотрудничества, в частности, НАТО и ОДКБ⁶⁸.

Такая пестрая картина политических акторов в регионе позволяет сделать вывод, что это пространство с неоднозначным переплетением внутрирегиональных и глобальных интересов, которые определяют динамику и масштабы протекающих в нем военно-политических процессов.

⁶⁷ Мамиконян М., Подкопаева М. Господствующая высота // Интернет-портал «Центр Кургиняна». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=sch&cat=285&vip=15>. – Дата доступа: 10.12.2014.

⁶⁸ См.: Никонов В.А. Агенты влияния// Общественная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oprf.ru/publications/press/521/2383/>. – Дата доступа: 10.12.2014.

Несмотря на серьезную роль внешних факторов в формирование регионального политического климата, опасно нивелировать роль внутренних условий среды – экономических, исторических, социокультурных, которые являются отправными пунктами для инициации военно-политических процессов, представляющих опасности и угрозы современному российскому государству.

В этой связи представляется целесообразным представить и охарактеризовать потенциальные источники напряженности в Кавказском регионе, которые непосредственно влияют на современные военно-политические процессы.

Во-первых, специфика обустройства межгосударственных границ в регионе.

Государственные границы, в основном, формировались в результате территориальных реформ, проводимых Российской империей и советским руководством. После распада СССР и провозглашения независимых суверенных государств начался процесс делимитации⁶⁹ и демаркации⁷⁰ границ. Многие решения, формировавшие очертания границ, были приняты спонтанно; иные впоследствии были отменены. При формировании существующих пограничных линий в регионе учитывались интересы правительств и элит Грузии и Азербайджана, однако наиболее существенное влияние на образование современных границ оказала именно Россия.

Государственная граница Грузии. На начальном этапе согласования границ определение и оформление государственной границы Грузии было осложнено развитием грузино-абхазского конфликта. Особую остроту в российско-грузинских пограничных проблемах приобрел спор по поводу установления границы в Северной Осетии, касающийся полутора километров

⁶⁹ Прим. авт.: Делимитация - определение общего положения и направления государственной границы между сопредельными государствами путём переговоров.

⁷⁰ Прим. авт.: Демаркация - проведение линии государственной границы на местности с обозначением её специальными пограничными знаками.

в районе пограничной заставы Верхний Ларс, поскольку он имеет важное стратегическое значение в особенности, для России.

В последнее время правительство Грузии, ссылаясь на Договор 1920г., денонсированный российским правительством после установления советской власти в Грузии, стало выступать с территориальными притязаниями на ряд приграничных участков в районе Верхнего Ларса. Кроме отмеченных особенностей, делимитация российско-грузинской границы осложнена проблемами взаимоотношений официального Тбилиси с Абхазией и Южной Осетией. Россия признает, что территории Южной Осетии и Абхазии - есть суверенные государства, тем самым, оспаривает территориальную целостность Грузии.

С 1996 года ведутся работы по делимитации грузино-азербайджанской границы. После закрытой встречи с азербайджанской делегацией в июле 2005 г., председатель Департамента охраны госграницы Грузии генерал-лейтенант Б.Бицадзе отметил: «У нас есть административная граница, но мы не знаем, где проходит государственная граница»⁷¹. В 2011 году было согласовано 300 км границы⁷². Однако к 2014 году четкая линия не определена - некоторые отрезки грузино-азербайджанской границы все еще остаются спорными.

Государственная граница Азербайджана. После распада Советского Союза отношения между Российской Федерацией и независимой Азербайджанской Республикой осложнялись наличием спорных пунктов по бывшей Дагестанской АССР. Долгое время нерешенным оставался вопрос по приграничной полосе общей протяженностью 13,8 км. Демаркация осложнялась выступлениями лезгинских экстремистов Азербайджана, требующих объединения территорий, населенных лезгинами, а также наличием разногласий между государствами по вопросу о контроле над

⁷¹ Грузия – Азербайджан: пограничные недоразумения // Информационное агенство «REGNUM». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/482332.html. – Дата доступа: 10.08.2015.

⁷² См.: Грузия и Азербайджан согласовали 300 км границы // Информационное агенство NEW CAUCASUS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newcaucasus.com/index.php?newsid=4606>. – Дата доступа: 03.07.2015.

ресурсами Каспия. Граница между государствами установлена договором, подписанным в Баку 3 октября 2010 года⁷³.

Граница Армении с Азербайджаном закрыта в связи с нерешенным территориальным спором вокруг Нагорного Карабаха. Над территорией бывшей Нагорно-Карабахской автономной области и прилегающими районами Азербайджана при поддержке Вооруженных сил Армении был установлен контроль вооруженных сил непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Данное решение было квалифицировано Советом Безопасности ООН как оккупация (резолюции № 822, 853, 874 и 884)⁷⁴. При этом каждая из республик – и Армения, и Азербайджан - настаивает, что это ее исконная территория. Фактически на территории республики проживают армяне.

Государственная граница Армении. Территория Армении граничит с 4 государствами-членами ООН и одним непризнанным государством - Нагорно-Карабахской Республикой.

Как было отмечено выше, граница Армении и Азербайджана закрыта, также, как и граница Армении и Турции. При этом охрану государственной границы осуществляют Пограничные войска Армении, а также российские войска. Армянские пограничники отвечают за патрулирование границ с Грузией и Азербайджаном, в то время как российские войска продолжают контролировать армянские границы с Ираном и Турцией⁷⁵.

Государственная граница Южной Осетии. Вопрос определения прохождения государственной границы в Южной Осетии поднят на обсуждение 14 августа 2009 года – именно тогда начала работу комиссии по

⁷³ См.: Министры иностранных дел России и Азербайджана обменялись грамотами о госгранице// Информационно- аналитическое агенство «РОСБАЛТ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/07/18/870215.html>– Дата доступа: 03.07.2015.

⁷⁴ См.: The situation relating to Nagorny-Karabakh// Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/sc/repertoire/89-92/Chapter%208/EUROPE/item%2019_Nagorny-Karabakh.pdf. – Дата доступа: 03.07.2015.

⁷⁵ См.: Еще раз о совместной охране границы Армении// Интернет-портал «Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russia-armenia.info/node/2263>. – Дата доступа: 03.07.2015.

делимитации и демаркации государственной границы. Комиссия через МИД РЮО направила письмо в МИД Грузии с предложением о проведении соответствующей работы по делимитации и демаркации государственной границы между Республикой Южная Осетия и Грузией. Однако, в связи с отсутствием ответа от грузинской стороны, работы по демаркации и делимитации границы начаты комиссией в одностороннем порядке. В данной связи Министерством иностранных дел РЮО принято решение руководствоваться картами 1984 года и определять территорию Южной Осетии в границах бывшей Юго-Осетинской автономной области. Совокупная протяжённость югоосетинско-грузинской границы составляет около 400 км. Для охраны границы между Республикой и Грузией создано 20 пограничных застав на которых находятся 900 пограничников. 25 мая 2015 года в Южной Осетии принято решение закрыть государственную границу с Грузией⁷⁶. Договор о государственной границе между Южной Осетией и Россией подписан 18 февраля 2015 г.⁷⁷.

Государственная граница Абхазии. Абхазия признается как самостоятельное государство Россией после конфликта августа 2008 г., и с этой позиции страна граничит с членами ООН - Российской Федерацией и Грузией. 24 октября 2008 года Парламент Абхазии принял постановление «Об утверждении государственной границы Республики Абхазия». Однако и в настоящее время граница имеет неурегулированный статус ввиду непризнанности суверенитета Абхазии Грузией. С точки зрения Абхазии, данная граница является государственной, с точки зрения Грузии — административной. Граница на местности маркируется пограничной атрибутикой и заграждениями.

⁷⁶ См.: Южная Осетия временно закрыла границу с Грузией// Интернет-портал «PanARMENIAN.Net» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.panarmenian.net/rus/news/192748/>. – Дата доступа: 10.05.2015.

⁷⁷ См.: Южная Осетия и Россия подписали договор о государственной границе// Информационное агентство «Осинформ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://osinform.ru/49026-yuzhnaya-osetiya-i-rossiya-podpisali-dogovor-o-gosudarstvennoy-granice.html>. – Дата доступа: 10.05.2015.

Пограничные споры, имеющие исторический базис, существуют не только среди государств региона, но и внутри СКФО. Территориальные противоречия на территории российского государства обусловлены самой системой национально-территориального деления, а также религиозной составляющей на Кавказе, что будет детально рассмотрено ниже.

Во-вторых, этнорелигиозная многогранность Кавказа.

Описывая особенности социокультурного характера региона, Ю.А. Жданов пишет: «Кавказ хранит в себе мощные исторические традиции. На планете не существует другого такого региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды и таты, балкарцы и адыги, русские и евреи, аварцы и лезгины, кумыки и даргинцы, греки и украинцы, карачаевцы и осетины, чеченцы и ингуши; в одном Дагестане живет свыше сорока народов»⁷⁸.

Наиболее очевидная ситуация складывается в Армении, где 96 % населения исповедует христианство этническая принадлежность более чем 98 % населения - армяне⁷⁹. В Грузии около 88,5 % населения исповедует христианство, 10% - ислам, грузины составляют 83.8% населения, азербайджанцы - 6.5%, также проживают и иные народы⁸⁰. В Азербайджане проживает 91, 3 % азербайджанцев, лезгины составляют 2% населения страны, русские - 1.3%, армяне - 1.3%, причем все армяне сосредоточены в «сепаратистском Нагорно-Карабахском регионе»⁸¹. Большинство верующих -

⁷⁸ Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. №2. - С. 29.

⁷⁹ См.: The Middle East: Armenia // Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/am.html#Econ>. – Дата доступа: 10.05.2015.

⁸⁰ См.: The Middle East: Georgia// Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gg.html>. – Дата доступа: 10.05.2015.

⁸¹ См.: The Middle East: Azerbaijan// Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>. – Дата доступа: 10.05.2015.

мусульмане-шииты – 93, 4 %. Есть также мусульмане-сунниты (в северной части страны, в основном лезгины), православные (русская и армянская православные церкви) и иудеи (евреи)⁸².

В Южной Осетии население состоит из осетин, грузин и некоторых других этнических групп (в основном русские, а также армяне, евреи). Большая часть жителей – христиане. Многие осетинские семьи покинули регион в результате вооружённого конфликта начала 1990-х годов, найдя убежище на российской территории, в основном в Северной Осетии-Алании.

Важно отметить, что до августа 2008 г. осетинские и грузинские населённые пункты были перемешаны друг с другом, однако в результате последствий войны августа 2008 года большинство грузин покинуло села и бежало в Грузию⁸³. Можно предположить, что это является новой точкой этнополитического напряжения в Кавказском регионе. По данным на 2009 г., основную часть населения Южной Осетии составляют осетины – более 80 %⁸⁴.

Абхазия является мультиэтническим и поликонфессиональным государством. Этнические абхазы составляют около 50 % населения республики. Всего же в Абхазии проживают представители более 60 различных народов. В результате этнических чисток, проводившихся после грузино-абхазского конфликта 1990-х, большинство населения (в том числе большая часть грузинского населения — более 200 тыс. человек) было вынуждено покинуть Абхазию. По состоянию на 2008 год, часть беженцев

⁸² См.: The Middle East: Azerbaijan // Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>

⁸³ Прим. авт.: во время вооружённого конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года беженцами из зоны конфликта стали более 80 % грузинского населения и более 70 % осетинского населения.

⁸⁴ См.: Южная Осетия-Грузия// Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presidentrso.com/republic/>. – Дата доступа: 12.05.2015.

(около 45 тыс.) вернулась на места своего прежнего проживания — в основном, в Гал⁸⁵.

Рассматривая особенности социального состава Северо-Кавказского федерального округа России, отметим, что численность его населения по состоянию на начало 2014 г. составила 9, 59 млн. человек⁸⁶. Это самый маленький федеральный округ российского государства с высочайшей плотностью населения - 56,27 чел./км²⁸⁷, и единственный, в котором этнические русские не имеют абсолютного большинства населения округа.

Округ отличается сложным, многочисленным этническим составом различной религиозной принадлежности, сконцентрированным на относительно небольшой территории. По данным Росстата, в СКФО проживает свыше 45 этнических групп, среди которых около 30 % - русские, около 15 % - чеченцы, примерно по 5 % - ингуши, кабардинцы, осетины, лезгины, кумыки, даргинцы. Иные группы представлены менее значительным числом жителей⁸⁸.

Религиозный состав округа не менее сложен – здесь проживают православные христиане, мусульмане и иудеи. Удельный вес мусульман в структуре населения последние годы увеличивается: в настоящее время их численность составляет по разным оценкам от 12 до 16 миллионов человек⁸⁹.

⁸⁵ См.: Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев// Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/protect/PROTECTION/4889cc6c2.pdf>. – Дата доступа: 12.05.2015.

⁸⁶См.: Основные социально-экономические показатели Северо-Кавказского Федерального округа// Северо-Кавказский Федеральный округ. Инвестиционный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investkavkaz.ru/socio_economic_indicators;jsessionid=3EC15FB62FCA48EC6635E8EC7FE4CCEE. – Дата доступа: 12.05.2015.

⁸⁷ См.: Оценка численности постоянного населения на 1 января 2013 года// Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/opendata/dataset/7708234640-ca-08-001>. – Дата доступа: 12.05.2015.

⁸⁸См.: Население и образование // Северо-Кавказский Федеральный округ. Инвестиционный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investkavkaz.ru/population_education. – Дата доступа: 12.05.2015.

⁸⁹ См.: Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 2008. - С. 7.

На основании изложенных фактов, обозначим, что учет мультиэтничности и поликонфессиональности Кавказского региона важен не только для понимания и решения внутривнутриполитических задач России, но и выработки и совершенствования внешнеполитического курса в отношениях с соседними государствами. поскольку такое социокультурное разнообразие в пределах небольшой по площади территории обуславливает прямую зависимость состояния общественно-политической обстановки от ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Иначе говоря, сочетание культур, этносов и религий при исследовании военно-политических процессов в Кавказском регионе приобретает значимость и актуальность в тех ситуациях, когда этнонациональная проблема и религиозный экстремизм становятся источником различного рода противоречий, представляющих угрозу безопасности России.

В-третьих, демографический потенциал Кавказского региона.

Одним из важнейших факторов здесь выступают высокие темпы роста населения, которые объективно усиливают конкуренцию за жизненное пространство, рабочие места, ресурсы.

В Кавказском регионе на протяжении достаточно длительного промежутка времени наблюдалась смещенная демографическая картина: снижение смертности не сопровождалось существенным падением рождаемости (например, в то время, как численность населения СССР с 1940-1987 г. увеличилась примерно на 40 %, по Северо-Кавказскому району аналогичный показатель составил 57 %, а в национальных республиках показатели были еще выше⁹⁰. В регионе отсутствовал активный экономический рост что препятствовало появлению новых возможностей, которые смогли бы смягчить демографическое давление; но при этом осуществлялись серьезные социальные сдвиги, связанные, прежде всего, с урбанизацией.

⁹⁰ Экономическая география СССР. Ч.2. М.: Изд-во МГУ. - С. 80.

В настоящее время лишь в двух республиках Северного Кавказа фиксируется уровень рождаемости, находящийся выше порога демографического воспроизводства – в Чечне и Ингушетии. Но даже в этих республиках за несколько последних десятилетий рождаемость снизилась в 1,5 и 1,4 раза соответственно.

Все перечисленные факты логически приводят к выводу, что постепенный, но намечающийся в свое время экономический подъем в государствах Кавказского региона обусловил перенос конкуренции среди многочисленного населения с предметов первой необходимости на удовлетворение потребностей более высокого уровня. В результате мы являемся свидетелями выхода потенциала насилия, связанного с такой конкуренцией, который наиболее фактурно проявляется среди молодежи в сообществах с сохранением высокой рождаемости: «У нас никто вторым быть не хочет, поэтому стреляют много».

В-четвертых, неравномерность социально-экономического развития региона.

Непреложное значение для современного социально-экономического положения государств имели характер, формы и методы реализации экономических реформ, проведенных в республиках после распада Советского Союза. Реформы осуществлялись «на фоне и посредством злоупотребления при распределении и перераспределении ресурсов, пренебрежения субъектами частного капитала морально-этических и юридических норм, системы перекупок, контрабанды, уклонения от налогов и т.д.»⁹¹.

В многонациональных и полиэтничных республиках приватизация проводилась на этнической основе, распределение собственности шло по клановым, национальным, и прочим принципам, не имеющими ничего

⁹¹ Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе / Р.М. Эмиров. – М.: Логос, 2011. – С. 66.

общего с интересами подавляющей части населения, коллективов предприятий, потребителей или государства⁹².

Следует также учитывать, что Кавказ – это регион, переживший множество военных противостояний и войн, окруженный территориями с «горячими» конфликтами. Все вышеперечисленное не могло не найти свое отражение на структуре национальных экономик и пробелах в реализации социальной политики.

В совокупности вышеперечисленные обстоятельства привели к комплексу трудноразрешимых социально-экономических проблем, к числу которых правомерно относить: затянувшуюся стагнацию производства, высокую дифференциацию в структуре населения, кризисное состояние здравоохранения, системы социального обеспечения и образования, избыток трудоспособного населения. Отмеченные проблемы являются, в свою очередь причинами иного явления – миграции.

Мобильность многочисленных этнических групп логично связывать не только с современной неблагоприятной социально-экономической обстановкой в конкретном государстве или селе, но и с традицией отходничества⁹³, которая получила распространение в досоветское и советское время, а также с глубиной и продолжительностью постсоветского трансформационного периода. При этом эксперты оценивают реальные масштабы миграции как существенно превышающие официальные цифры. «Незарегистрированный поток мигрантов больше зарегистрированного»⁹⁴.

В условиях, когда миграционные потоки слабо регулируются, зачастую протекают нелегальным образом, происходит рост межэтнической напряженности и социальной нестабильности, учащаются проникновения на

⁹² См.: Липина С.А. Социальные корни криминализации экономики регионов Северного Кавказа// Интернет-портал «ВИПЕРСОН». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=506560&soch=1>. – Дата доступа: 12.05.2015.

⁹³ Прим. авт.: Отходничество – выезд на заработки в другие регионы.

⁹⁴ Мудуев Ш.С. Особенности миграционных процессов в Дагестане// Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. М., Ставрополь, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0137/biblio05.php>. – Дата доступа: 18.06.2015.

территорию суверенных государств лиц, осуществляющих подрывную и разведывательную деятельность. Высокую актуальность имеет вопрос «растекания» террористических угроз и экстремистских идеологий.

В-пятых, особенности складывания политических режимов в регионе.

Проблема эта теснейшим образом вплетена в более обширный блок, который касается так называемого «демократического транзита». Несмотря на то обстоятельство, что в политологии разработаны различные модели демократизации политических режимов⁹⁵, многие аспекты естественного становления демократии и «мягкой» трансформации режимов в государствах переходного периода⁹⁶, в частности, на Кавказе, по-прежнему являются неопределенными.

Вопрос приобретает особую значимость, если учитывать мнения ученых-кавказоведов. Так, по мнению Гаджиева К.С., «одну из важнейших причин создавшегося в регионе положения вещей следует искать в природе политических режимов, которые сложились в национальных республиках...нельзя сказать, что политические элиты национальных республик окончательно изжили родимые пятна советской системы, а также присущие менталитету народов черты, которые служат препятствием на пути формирования ценностей, институтов и отношений гражданского общества и политической демократии»⁹⁷.

Что касается северокавказских республик, входящих в состав российского государства, то в целом, за прошедшие со времени распада

⁹⁵ См. напр.: Тирских М.Г. Современные подходы к пониманию политического режима: анализ в свете юридического и политологического знания // Академический юридический журнал, 2008, № 3 (33). С. 4—11; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис, 2004, № 4. С. 8—9 и др.

⁹⁶ Прим. авт.: в данном случае речь не идет о насаждении «ракетно-бомбовой» демократии и государственных переворотах последних лет, имеющих место быть на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и отдельных государствах Северной Африки.

⁹⁷ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 139.

Советского Союза годы, во всех республиках произошли серьезные изменения на пути к рыночной экономической системе, политической демократии и правовому государству.

Принятие конституций и создание на их основе нормативно-правовой базы, а в дальнейшем – новых государственно-правовых институтов явилось рубежом, определившим развитие новой государственности на демократических началах. На этом основании можно утверждать, что по своей сущности все республики представляют собой демократические правовые государства с республиканской формой правления. При всем этом ситуацию в регионе нельзя оценить однозначно.

Невозможно оставить без внимания тот факт, что некоторые положения нормативно-правовых документов или их трактовка в политико-правовой практике не всегда отвечают демократическим принципам разделения властей, защиты прав и свобод человека, гарантии избирательного корпуса. Фактом является то обстоятельство, что институты, призванные реализовывать права и свободы граждан, не всегда могут действовать независимо от исполнительной власти республики. В результате, Северный Кавказ все еще остается одним из наиболее неблагополучных регионов с точки зрения соблюдения прав и свобод граждан. Чтобы понять истоки этого – вновь возвращаемся к особенностям национально-исторического, ценностного и социокультурного характера.

Политические режимы в республиках Северного Кавказа находятся в тесной взаимосвязи с политической культурой народов региона, которая характеризуется «приверженностью групповым, коллективистским нормам и ценностям. Большинству народов присущ этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установки на авторитаризм и клиентелизм, большая роль традиционных ценностей и др.»⁹⁸. Таким образом, местный менталитет диктует своеобразное отношение

⁹⁸ Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе / Р.М. Эмиров. – М.: Логос, 2011. - С. 192.

людей к властным структурам, а властные структуры, в свою очередь, осуществляют полномочия сквозь призму впитанного менталитета. В целом, в этом вопросе можно согласиться с К.С. Гаджиевым, по мнению которого «политические режимы национальных республик Северного Кавказа носят гибридный характер, причудливо сочетая те или иные элементы советского типа, современных вариантов авторитаризма и демократии».⁹⁹

Отсюда логично вывести одну из ключевых проблем, тормозящих развитие политической демократии и правового государства в северокавказских республиках. Проблема эта состоит в том, что в различных сегментах политики и экономики господствующее положение занимают своеобразные кланы, образованные на родственном или этническом принципе. В результате, властные и экономические ресурсы сплетаются в единое целое и это, по сути, блокирует систему сдержек и противовесов, призванную обеспечить взаимный контроль институтов власти. Этим можно объяснить отчуждение власти от общества и ее закрытость, а отсюда – пробелы в становлении демократического политического режима на Северном Кавказе.

Основываясь на вышесказанном, зафиксируем, что специфика Кавказского региона заключается в комплексе характерных черт. Здесь переплетается целый ряд исторических, экономических, политических и этноконфессиональных проблем. Очевидно, что их влияние на развертывание военно-политических процессов имеет множественный, в основном качественный характер, причем вес каждого из них далеко не однозначен.

Предмет и логика настоящего исследования предполагают рассмотрение современных военно-политических процессов в Кавказском регионе в контексте их влияния на безопасность Российской Федерации.

Антитезой безопасности выступают угрозы, поскольку без наличия угроз и опасностей нет необходимости говорить о безопасности.

⁹⁹ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 139.

В онтологическом, каузальном отношении безопасности предшествует опасность, угрожающая субъекту или системе и заставляющая их принимать специальные меры по самозащите. В определении этой категории можно согласиться с исследователем А. А. Сацутой: «Опасности - это объективно существующие возможности, совокупность условий и факторов, способных негативно воздействовать на социальный организм, нанести ему ущерб, вред, которые приводят к изменению свойств социального организма, ухудшают состояние, придают его развитию негативную динамику или параметры и даже могут вызвать разрушение и гибель социального организма»¹⁰⁰.

Угроза представляет собой высший уровень опасности, исходящей от явления (предмета), в котором тем или иным способом выражается не только его явное намерение (тенденция), но и способность, и готовность к непосредственному нанесению ущерба (вреда) объекту¹⁰¹. Применительно к военной сфере угроза – это состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)¹⁰².

В данной связи интересную и корректную параллель провел немецкий аналитик М. Штюрмер, который выразил соотношение «военная угроза» - «военная опасность» лаконично, одной фразой: «угроза снижается - опасность возрастает»¹⁰³.

¹⁰⁰ Сацута А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма // Вестник Военного университета. 2007. № 3. - С. 40.

¹⁰¹ См.: Першин А.А. К вопросу о категориально - понятийном аппарате в теории национальной безопасности // Власть. 2004. № 4. - С. 48.

¹⁰² См.: Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976) //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. – Дата доступа: 18.06.2015.

¹⁰³ Stummer M. Die Deutschen in Europa // Europa Archiv. 1989. P. 24.

Таким образом, угроза, как адресное намерение нанести ущерб, прямым образом связана с военно-политическими интересами и целями правительств, часть из которых отражена в официальных документах. По мнению диссертанта, именно характер угроз, обуславливающих развертывание военно-политических процессов на Кавказе, дает возможность определить и сформулировать деятельность Российской Федерации по обеспечению своей безопасности.

Для выявления степени остроты опасностей и угроз, обусловленных современными военно-политическими процессами на Кавказе, автор предлагает проанализировать военную политику государств Кавказского региона, концептуально оформленную в доктринах, концепциях, стратегиях. Для воплощения исследовательского замысла в жизнь, следует обратиться к эмпирическим методам анализа информации. Это позволит оценить «расстановку сил» и выявить потенциальные риски безопасности России, которые в большей долей вероятности проявятся в динамике региональных военно-политических процессов.

С нашей точки зрения, наиболее релевантной методикой оценки военно-политических отношений, относительно угроз национальной безопасности является контент-анализ нормативно-правовых документов, в которых содержатся позиция государства относительно проведения военной политики. Перейдем к результатам проведения *контент-анализа основных концептуальных документов* государств Кавказского региона.

Армения. Основные нормативно-правовые акты, содержащие информацию о военной стратегии государства и политики по ее обеспечению - это Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина Республики Армения.

Стратегия национальной безопасности Армении была принята 7 февраля 2007 года¹⁰⁴. Разработкой Стратегии национальной безопасности Армении руководила комиссия, работавшая в Вашингтоне при поддержке Конгресса США. Затем Стратегия прошла согласование в штаб-квартире НАТО, после чего была представлена в Российскую академию государственной службы при Президенте РФ для ознакомления¹⁰⁵.

Документ представляет собой «систему обеспечения стабильного развития и безопасности государства, общества и личности, государственной политики сохранения армянской идентичности». В Стратегии указывается, что страна не в состоянии самостоятельно противостоять внешней агрессии¹⁰⁶. Соответственно Армения рассматривает российское военно-политическое присутствие на своей территории как гарантию безопасности¹⁰⁷.

В конце 90-х гг. между республиками подписаны такие документы, как «Протокол о создании двусторонней коалиционной группировки войск», армяно-российский «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи», «Соглашение по вопросам совместного планирования применения войск (сил) в интересах обеспечения общей безопасности», «Декларация о стратегическом взаимодействии России и Армении в двадцать первом веке» и иные документы.

Вышеперечисленные соглашения и договоры обозначают стратегический характер партнерства, но при этом и наличие взаимных

¹⁰⁴ См.: Стратегия национальной безопасности Армении принята 07. 02. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/5304>. – Дата доступа: 13.11.2014.

¹⁰⁵ См.: Минасян С. Директор Департамента кавказских исследований Кавказского института СМИ / Интервью // Республика Армения. – 2007. – 10 февраля.

¹⁰⁶ См.: Стратегия Национальной безопасности Армении и методология ее разработки: интервью советника министра обороны Армении. // Интернет-сайт Интеллектуальная Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.org/armenia/snb_armen.htm. – Дата доступа: 13.11.2014.

¹⁰⁷ См.: НАТО и Армения// Информационно-аналитический портал НАТО. РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80azep.xn--p1ai/ru/armenia.html>. – Дата доступа: 13.11.2014.

обязательств на случай возникновения военных угроз. Очевидно, что это можно интерпретировать двояко. С одной стороны, Армянская республика полагается на стабилизирующую военную и иную мощь России. С другой, России при этом как бы вменяется ответственность за военно-политическую стабильность в регионе, что чревато втягиванием в возможное военное противостояние. Причем таким образом, что придется делать выбор между странами, с которыми поддерживаются достаточно хорошие двусторонние отношения. Даже небольшой приоритет одной из сторон вполне может привести к ориентации в сторону геополитических оппонентов России, что однозначно усложнит общие условия обеспечения безопасности нашей страны.

Известно, что Армения и Азербайджан находятся в состоянии «замороженного конфликта» из-за Нагорного Карабаха, в основе которого лежит историко-культурное соперничество с элементами национальной розни, а также территориальный спор. Это отражено и в Военной Доктрине: «Армения является гарантом и обеспечивает безопасность непризнанного государственного образования - Нагорно-Карабахской Республики, что вытекает из историко-территориальной, духовно-религиозной, этнической и культурной идентичности Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики и, в связи с этим, необходимости обеспечения безопасности населения Нагорного Карабаха, подвергающегося постоянной угрозе физического уничтожения, которая обусловлена устремлением Азербайджанской Республики разрешить нагорно-карабахский конфликт силовым путем»¹⁰⁸.

В соответствии с Доктриной приоритетными направлениями международного военного и военно-технического сотрудничества для Армении являются:

¹⁰⁸ См.: Военная Доктрина Республики Армения// Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191773/>. – Дата доступа: 13.11.2014.

- стратегическое сотрудничество с Российской Федерацией. Республика Армения создает с Российской Федерацией постоянно действующие совместные силы, такие, как Объединенная группировка войск (сил) Вооруженных Сил Республики Армения и Вооруженных Сил Российской Федерации;

- активное и практическое участие в ОДКБ и ее программах;
- сотрудничество с НАТО и с партнерами из числа государств-членов НАТО в рамках Совета евроатлантического партнерства и программы "Партнерство во имя мира"¹⁰⁹.

Симптоматично, что направления эти, с учетом развития современной военно-политической обстановки в мире, противоречат друг другу. Тогда как по факту Российская Федерация является гарантом безопасности Республики Армения, официальный Ереван заявляет, что Армения готова к тому, чтобы партнерство с НАТО стало одним из приоритетных направлений внешней и оборонной политики Армении. С точки зрения обеспечения безопасности России, это необходимо проанализировать в деталях.

Во-первых, государство участвует в программе индивидуального партнерства с Альянсом и подписала соответствующие обязательства, основной целью которых является интеграция страны в европейские структуры и организации. Подтверждением является заключенное в январе 2007 года соглашение между Министерством обороны Армении, Пентагоном и Европейским командованием США о том, что Армения должна стать страной для проведения на ее территории совместных с НАТО учений¹¹⁰.

Кроме этого, в январе 2007 года в Армении был открыт Институт стратегических исследований им. Драстамата Канаяна, средства для

¹⁰⁹ См.: Военная Доктрина Республики Армения// Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191773/>. – Дата доступа: 13.06.2015.

¹¹⁰ См.: Военно-техническое сотрудничество // АРМС - ТАСС. – 2006. - № 32. – 7-13 августа. – С. 48-49.

строительства которого выделены комитетом «Дро»- 450 тыс. долл.¹¹¹. Институт входит в состав рабочей группы консорциума оборонных академий и институтов, ведущих исследования по проблемам безопасности в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира».

Следует отметить также, что в отчете МИД Армении по итогам работы в 2013 г. по линии взаимодействия с НАТО были учтены следующие мероприятия: продолжение политического диалога, сотрудничество в вопросах управления чрезвычайными ситуациями, миротворчества, общественной дипломатии и политики обороны. Особо подчеркивается армяно-натовское сотрудничество в управлении чрезвычайными ситуациями и миротворчестве¹¹².

В данной палитре необходимо зафиксировать и ряд интенсивных встреч официального характера: 8 апреля 2013 г. Армению посетила заместитель генерального секретаря НАТО Колинда Грабар-Китарович; 23 апреля глава МИД Армении принял участие во встрече Североатлантического Совета на уровне глав МИД стран-участниц Международных Сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF); 24 июня в штаб-квартире НАТО делегация Армении приняла участие в заседании НАТО-Армения-Североатлантический совет, на котором обсуждался отчет Программы действий индивидуального партнерства Армения-НАТО на 2011-2013гг.; 17-18 октября Армению посетил специальный представитель НАТО на Кавказе и в Центральной Азии Джеймс

¹¹¹ См.: Национальный институт стратегических исследований МО Армении стал членом рабочей группы одного из ведомств НАТО// Интернет-портал «Today- news». – 2007. – 23 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://today-news.biz/news/id_48367. – Дата доступа: 13.06.2015.

¹¹² См.: Армения и НАТО продолжают сотрудничество в управлении чрезвычайными ситуациями и миротворчестве. // Интернет-портал «Еркрамас». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/2014/01/22/armeniya-i-nato-prodolzhayut-sotrudnichestvo-v-upravlenii-chrezvychajnymi-situaciyami-i-mirotvorchestve/>. – Дата доступа: 26.04.2015.

Аппатурай; 18-22 ноября в республике прошла «неделя НАТО»¹¹³. Такие мероприятия в последние два года проводятся в рамках Программы действий индивидуального партнерства Армения-НАТО. Сейчас армянское внешнеполитическое ведомство разрабатывает аналогичную программу на 2015- 16 гг.

И наконец, следует учитывать тот факт, что дальнейшие шаги по укреплению и совершенствованию армии продолжают развитие концепции перехода армейской сферы от советской модели к модели «современной армии», под которой однозначно подразумевается натовская модель. В частности, начиная с 2008 года и в соответствии с Военной доктриной реализуется «Процесс стратегического пересмотра обороны».

Пересмотр обороны представляет собой совокупность мер по пересмотру оборонной системы и его функционирования, цель которого оценить оборонительную систему государства в настоящем времени и в обозримом будущем с точки зрения умения противостоять ожидаемым угрозам и вызовам, а также выявить в этом плане ответственность (несоответственность) системы. В современных условиях выполняется последняя пятая фаза пересмотра стратегической обороны¹¹⁴.

Удивительно, но при всем этом Армения не только позиционирует себя как активного участника ОДКБ, но и совершает шаги по развитию сотрудничества в этом направлении.

Подобная политика Армянской Республики вызывает недоумение и с российской стороны, так и со стороны Запада.

Например, когда 24 декабря 2013 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Москве утверждена «дорожная карта»

¹¹³ Армения и НАТО продолжают сотрудничество в управлении чрезвычайными ситуациями и миротворчестве// Информационный портал «Армения- ONLINE». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armenia-online.ru/armnews/98719.html>. – Дата доступа: 26.04.2015.

¹¹⁴ См.: Пересмотр стратегической обороны Республики Армения// Министерство обороны Республики Армения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mil.am/1298096716>. – Дата доступа: 26.04.2015.

в связи с членством Армении в Таможенном союзе¹¹⁵, это создало новую тактическую ситуацию, связанную с реактивным реагированием на данное событие ЕС и США. Оно было названо зарубежными специалистами «неожиданным» с учетом того, что Армения намерена активизировать практическое и политическое сотрудничество с НАТО с целью большего сближения с альянсом. Однозначен факт, что для Российской Федерации подобное лавирование Армении усиливает риски оказаться вовлеченной в региональные конфликты, причем как существующие, так и потенциально возможные.

Нагорно-Карабахская Республика. Напряженность в регионе Кавказа, связанная с проблемой Нагорного Карабаха, а также попытки урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта при помощи международного сообщества, обуславливают необходимость рассматривать государственное образование как субъект военно-политической сферы. При этом важно понимать, что Нагорно-Карабахская Республика, не признана международным сообществом в качестве суверенного государства. Согласно резолюциям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, документам Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Организации Исламской Конференции, а также 53 стран-членов Совета Европы, территория, контролируемая НКР, является частью Азербайджана, а США называют Карабах «сепаратистским регионом Азербайджана»¹¹⁶.

И все-таки включенность Нагорного Карабаха в систему военно-политических отношений необходимо анализировать, поскольку республика фактически существует как государственное образование. Например, военно-политическая деятельность регламентирована рядом законодательных

¹¹⁵ См.: В Москве утверждена дорожная карта по присоединению Армении к ТС// Информационно-аналитическое агенство «Interfax», 24 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/348683>. – Дата доступа: 26.04.2015.

¹¹⁶ Central Intelligence Agency (CIA) // The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html> . – Дата доступа: 26.04.2015.

документов, в частности, законами «О безопасности», «О воинской повинности», указы президента «Положение об Армии обороны», «Положение о Совете безопасности» и др. Согласно им, система военной безопасности имеет два уровня: внутригосударственный и внегосударственный. Первый предполагает поддержание и дальнейшее повышение уровня боеготовности Вооруженных сил, а второй рассматривает оказание военной помощи со стороны Армении.

В данной связи заметим, что в военной сфере Нагорно-Карабахская Республика сотрудничает исключительно с Арменией. В настоящий период актуальны межгосударственные соглашения «О военном и военно-техническом сотрудничестве», «О координации действий в сфере организации противовоздушной обороны», «О сотрудничестве в области подготовки военных кадров».

Логично предположить, что специфика такого сотрудничества обусловлена следующими обстоятельствами:

- статус Нагорно-Карабахской Республики признается только Арменией;
- численность постоянного населения в Нагорном Карабахе на начало 2013 года составила около 146, 6 тыс. человек, подавляющее большинство которых - армяне¹¹⁷;
- единственная дорога, связывающая Карабах с внешним миром - автострада Горис (Армения), построенная на средства армянской диаспоры;
- национальная принадлежность подавляющей части личного состава армии Карабаха – граждане Армении.

Интересен факт, что армянские власти признают, что от них Нагорный Карабах получает вооружения и оснащение, но отрицают, что в Республике дислоцированы подразделения армянской армии.

¹¹⁷ См.: Государственная власть // Официальный сайт Президента Нагорно-Карабахской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/nkr/statepower>. – Дата доступа: 06.05.2015.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют сделать заключение, что на деле военную деятельность Нагорно-Карабахской Республики следует рассматривать как часть военной политики Армении.

Азербайджан. Основным документ по обеспечению военной безопасности государства, Военная Доктрина Азербайджана, была принята в 2010 году. Документ был разработан в соответствии с концепцией национальной безопасности страны, принятой в 2007 году и в целом носит оборонительный характер.

В соответствии с Доктриной, основным фактором, оказывающим отрицательное воздействие на национальную безопасность Азербайджанской Республики, является «оккупация Республикой Арменией части территории Азербайджанской Республики, проведение в свое время Арменией политики этнической чистки в регионах, населенных азербайджанцами, и оккупированных территориях Азербайджанской Республики, продолжение акта агрессии, имеющего своим результатом разрушение экономической и социальной инфраструктуры». Это отражается на всей внешней политике Азербайджана, которая направлена на отстранение Армении от региональных проектов.

При этом периодически из Баку звучат заявления, что если переговоры не дадут результатов, то Азербайджан готов вернуть неподконтрольные территории военными мерами¹¹⁸. И это несмотря на то, что еще в 2008 г. на трехсторонней встрече лидеров Армении, Азербайджана и России, президенты приняли решение работать над мирным разрешением проблемы непризнанного государства.

Кроме этого, в Военной доктрине подчеркивается, что любая политическая, военная, экономическая и другая поддержка, оказываемая Армении и созданному ею на оккупированных территориях Азербайджана

¹¹⁸См.: Если Азербайджан применит силу, Армения ответит признанием// Интернет-портал km.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/glavnoe/2006/03/03/kommentarii-dnya/esli-azerbaidzhan-primenit-silu-armeniya-otvetit-priznaniem-stat>. – Дата доступа: 06.05.2015.

сепаратистскому режиму с целью официального признания результатов оккупации, оценивается как действие, направленное против Азербайджана¹¹⁹. Такие заявления напрямую затрагивают, по крайней мере, два аспекта военной безопасности России. Во-первых, вопросы военно-технического сотрудничества России и Армении; во-вторых, потенциальное участие России в решении кризиса по Нагорному Карабаху.

Военная доктрина не позволяет размещать на территории страны зарубежные военные базы, исключая случаи, предусмотренные международными соглашениями, ратифицированными Азербайджаном. Между тем в случае коренных перемен военно-политической ситуации, Азербайджан оставляет за собой право на временное размещение на своей территории зарубежных военных баз или же другой формы зарубежного военного участия.

Что касается сотрудничества Республики с военно-политическими организациями, то представляет интерес пункт 35.5. Военной Доктрины, где указано: «В сфере усиления двустороннего и многостороннего военно-политического сотрудничества и внесения вклада в международную безопасность необходимы усилия по созданию системы безопасности в Евроатлантическом пространстве, включая регион расположения Азербайджанской Республики, продолжение на основе взаимных интересов сотрудничества с НАТО»¹²⁰.

В данной связи отметим, что Азербайджан неоднократно высказывал позицию о важности вступления в Североатлантический альянс, но все еще не является его членом. При этом государством подписаны соответствующие обязательства, согласно которым основной целью внешней политики страны

¹¹⁹ См.: Принята военная доктрина Азербайджана// Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/169904/>. – Дата доступа: 06.05.2015.

¹²⁰ Мамедов С. Военная доктрина Азербайджана носит оборонительный характер // Интернет-портал «Независимое военное обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-06-25/13_azerbaijan.html. – Дата доступа: 06.05.2015.

является полноценная интеграция в европейские структуры и организации¹²¹, что соотносится и с Военной доктриной. Например, в пункте 61 отмечается: «на сегодняшнем этапе и в среднесрочной перспективе одним из основных приоритетов в устройстве, развитии и подготовке Вооруженных сил и других вооруженных формирований государства является всеобъемлющее использование в рамках программы НАТО "Партнерство во имя мира" возможных средств партнерства с НАТО»¹²².

Вместе с тем, в доктрине нет упоминаний и о сотрудничестве с ОДКБ, что трактуется официальными представителями как реакция Азербайджана на активное участие в ОДКБ Республики Армения¹²³. Это позволяет сделать вывод, что в ближайшей перспективе о вхождении Азербайджана в ОДКБ не может быть и речи.

С учетом того, что 2006 г. Азербайджан и США подписали двустороннее соглашение, в рамках которого российское оборудование и военная техника должны быть заменены системами, произведенными в странах- членах НАТО¹²⁴, логично предположить, что военно-техническое сотрудничество России и Азербайджана будет только сокращаться. Здесь же отметим, что наиболее активное сотрудничество по вопросам военной безопасности Азербайджанская Республика развивает с Турцией и США. В частности, с 1996 года в Азербайджане работают турецкие военные советники, а в Турции проходят стажировку и переподготовку азербайджанские военные. В 1997 году между государствами подписан протокол о сотрудничестве в области безопасности, а в 2002 г. – новое соглашение о военном сотрудничестве. Турция с 1999 г. регулярно выделяет финансовые средства на модернизацию азербайджанских Вооруженных Сил,

¹²¹ См.: Военно-техническое сотрудничество // АРМС-ТАСС - 2006. - № 32. - 7- 13 августа. - С. 48-49.

¹²² См.: Там же.

¹²³ См.: Принята военная доктрина Азербайджана // Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/169904/>. – Дата доступа: 11.05.2015.

¹²⁴ См.: Военно-техническое сотрудничество // АРМС-ТАСС. – 2006. - № 3. – 16- 22 января. – с. 10.

в 2007 г. общая сумма помощи со стороны Турции превысила 170 млн. долл.¹²⁵.

Что касается сотрудничества со Штатами, то Азербайджан принимает участие в программе США «Каспийский страж», в рамках которой Центральное командование США, Казахстан и Азербайджан координируют свои действия по укреплению системы безопасности на Каспии в стремлении обеспечить безопасность нефтяных и газовых объектов и путей транспортировки углеводородов¹²⁶.

И все же некоторые аналитики выдвигают позиции, что перспективы стратегического партнерства Азербайджана и США являются весьма туманными¹²⁷. Однако отметим завуалированный, но немаловажный аспект, уточняющий ситуацию.

Совсем недавно Министерство обороны США сообщило, что из списка опасных стран, за службу в которых американские военнослужащие получают дополнительные выплаты, исключены Бахрейн, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Оман, ОАЭ, и даже Узбекистан и Киргизия. Новые правила вошли в силу с 1 января 2014 г. На официальном сайте Пентагона о ситуации говорится следующее: «В некоторых странах уменьшилась в значительной степени непосредственная опасность для американских военных, присутствующая из-за гражданских войн, бунтов и военных операций. Поэтому прекращаются дополнительные выплаты военным, несущим службу в этих странах». При этом в списке сохранил свое место

¹²⁵ См.: Маркедонов С. Чего не может НАТО // Политком. ру- 2007. – 31 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politcom.ru/article.php?id=4091>. – Дата доступа: 11.05.2015.

¹²⁶ См.: Мамедов С. Баку мало простого партнерства с НАТО// Независимая газета – 27.09.2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2006.09.27/6_baku/html. – Дата доступа: 11.05.2015.

¹²⁷ См.: Посла США в Азербайджане больше интересует энергетика, чем проблема демократии. Интернет-портал Научное Общество Кавказоведов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/07/18/novuj-posol-usa-v-azerbajdzhane-pribudet-s-novymi-podhodami.html>. . – Дата доступа: 11.05.2015.

Азербайджан, оставшийся для Пентагона опасным государством из-за угрозы проведения на его территории или рядом с ней военных операций¹²⁸.

Подобные штрихи создают вполне ясную картину, если осветить специфику отношений Азербайджана с Ираном.

Несмотря на обширный потенциал сотрудничества, кроме переговоров военно-политических элит по проблемам безопасности Каспийского моря и военных отношений в широком плане, серьезных соглашений не достигнуто. Азербайджано-иранские связи в военной сфере затруднены в связи с интенсификацией партнерства Азербайджана и Израиля. Рассматривается тема использования военных объектов на азербайджанской территории, которые могут быть использованы израильтянами против Ирана. Так, в ряде публикаций западной прессы, особенно в британских изданиях, указывается на достижения соглашения между Тель-Авивом и Баку об использовании военных аэродромов этой прикаспийской республики для дозаправки самолетов израильских ВВС¹²⁹.

Это создаст еще одну проблему для России, которая активно развивает военно-технические и экономические связи с Исламской Республикой Иран. Потенциально такая война на южном рубеже государства, безусловно, окажет негативное влияние на отношения России и Азербайджана, России и Грузии, но кроме того, высветит наиболее проблемные вопросы, касающиеся социальной безопасности России.

Проведенный анализ Военной Доктрины Азербайджанской Республики позволяет сделать вывод, что в целом военно-политический курс Азербайджана строится по принципу мирного сосуществования со всеми

¹²⁸ См.: Мамедов Ф. Пентагон признал присутствие американских военных в Азербайджане// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://haqqin.az/news/15126>. – Дата доступа: 11.05.2015.

¹²⁹ См.: Азербайджан и Иран обсудят военное сотрудничество// Интернет-портал Международное сотрудничество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsazerbaijan.ru/international/20130819/299257680.html>. – Дата доступа: 11.05.2015.

государствами. Тем не менее, Нагорно-Карабахский конфликт явился причиной разрыва связей между Арменией и Азербайджаном, что, в случае эскалации Нагорно-Карабахского конфликта, негативно отразится на безопасности России, поскольку невозможно будет оставаться безучастной стороной.

Грузия. основополагающим документом, который отражает видение путей безопасного развития грузинского государства, фундаментальных национальных ценностей и национальных интересов, описывает угрозы, риски и вызовы, является Концепция национальной безопасности Грузии, принятая парламентом 23 декабря 2011 года¹³⁰.

Согласно Концепции внешняя политика Грузии ориентирована на развитие отношений с соседями, а также с США, Украиной и Турцией. Кроме этого, в документе указывается необходимость интеграции с Европой и евроатлантическими структурами.

Исходя из этого, вполне логично, что сотрудничество Грузии и России в военно-политической сфере не развивается в связи с конфликтом августа 2008 г., как, впрочем, и с Арменией. Тем не менее, Армения, будучи военно-политическим союзником России в Закавказье, публично и на высоком уровне отказалась от поддержки российской позиции в конфронтации с правящим в Грузии режимом Саакашвили¹³¹. Это можно связывать с тем обстоятельством, что Ереван на сегодняшний день практически полностью зависит от грузинского транзита.

Отношения с Арменией и с Азербайджаном, при первоначальном рассмотрении, расположены в одной плоскости, однако это касается общих определений, таких как экономическое сотрудничество, стабильность и благосостояние в регионе. Заметим, однако, что в части, касающейся

¹³⁰ См.: Концепция национальной безопасности Грузии // Министерство Иностранных Дел Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=12. – Дата доступа: 10.04.2015.

¹³¹ Армения-Грузия: рабская дружба// Интернет-портал «LADNO.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladno.ru/zabugrom/16583.html>. – Дата доступа: 10.04.2015.

Азербайджана, указывается, что отношения между странами развиваются как «стратегическое сотрудничество». Отмечается важность мирного разрешения нагорно-карабахского конфликта и «более активного вовлечения международного сообщества в мирный процесс»¹³².

Наиболее активное военно-политическое взаимодействие Грузии налажено с Турецкой Республикой. Так, после встречи министров обороны Грузии, Турции и Азербайджана в августе 2014 г., было принято решение проводить совместные военные учения для повышения боеспособности вооруженных сил дважды в год, организовывать совместные семинары и конференции, развивать трехстороннее сотрудничество в сфере военного образования и техники. Также была достигнута договоренность об организации встреч экспертов для изучения перспективных сфер сотрудничества. По итогам прозвучало официальное заявление министра обороны Грузии, который так охарактеризовал вектор сотрудничества: «Разработка совместного плана по усилению обороноспособности входит в интересы Грузии, Азербайджана и Турции»¹³³.

С учетом продекларированного стратегического характера сотрудничества с США, а также в условиях реального наращивания военного потенциала США в Грузии, она потенциально может стать плацдармом для проведения военной кампании против Ирана.

Одним из магистральных направлений политики национальной безопасности Грузии, согласно Концепции, является евроатлантическая интеграция. Грузия рассматривает НАТО, как «основу архитектуры евроатлантической безопасности и главный механизм обеспечения

¹³² Концепция национальной безопасности Грузии// Министерство Иностранных Дел Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=12. – Дата доступа: 10.04.2015.

¹³³ Обороноспособность Грузии, Азербайджана и Турции соответствует интересам Европы // Интернет-портал Вестник Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Oboronosposobnost-Gruzii-Azerbaydzhana-i-Turtsii-sootvetstvet-interesam-Evropy.html>. – Дата доступа: 11.04.2015.

стабильности и безопасности евроатлантического пространства»¹³⁴. Таким образом, Грузия стратегически ориентирована на страны НАТО. Полагая, что только союз с данным блоком позволит противодействовать укреплению позиций России на Кавказе. Очевидно, что признание суверенитета Абхазии и Южной Осетии надолго осложнило отношения между нашими странами. В этом смысле нельзя не учитывать реальные и потенциальные угрозы безопасности России со стороны Грузии, поддерживаемой странами Запада.

Относительно отношений с Россией в документе подчеркивается: «Создание комиссии НАТО-Грузия после российско-грузинской войны 2008 года и начало осуществления ежегодной национальной программы, а также открытие (в Тбилиси) союзнического офиса НАТО, дали новый импульс отношениям Североатлантического альянса и Грузии»¹³⁵.

Это позволяет сделать вывод, что дальнейшее наращивание грузинско-натовского сотрудничества будет всячески приветствоваться (вплоть до создания впечатления, что Грузия де-факто уже в НАТО), однако перспективы получения полноценного членства Грузии в НАТО весьма проблематичны. Несмотря на все устремления Грузии войти в НАТО, анализ имеющейся информации дает основание утверждать, что перспективы полноценного членства этой страны в Альянсе не просматриваются, поскольку в настоящий момент у Грузии не урегулированы территориальные проблемы.

В целом же, если анализировать развитие ситуации по вступлению Грузии в НАТО, то вырисовывается некоторый водораздел, приходящийся на 2014 г. Этот год важен для Альянса в связи с выводом сил Коалиции из Афганистана и, шире, - из Центральной Азии, что приведет к необходимости

¹³⁴ Концепция национальной безопасности Грузии // Министерство Иностранных Дел Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=12. – Дата доступа: 11.04.2015.

¹³⁵ Концепция национальной безопасности Грузии // Министерство Иностранных Дел Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=12. – Дата доступа: 11.04.2015.

тактической перестройки взаимодействия стран-членов Североатлантического союза и, как следствие, переоценке приоритетов.

Новым моментом в военно-политической сфере Грузии является ориентация на применение вооруженных сил под эгидой Европейского Союза.

28 ноября 2013 г. в Вильнюсе на саммите Евросоюза наряду с парафированием Договора об ассоциативном членстве в Европейском Союзе, Грузия подписала и другой рамочный договор, предполагающий участие в операциях по урегулированию кризисных ситуаций на международном уровне. Это означает, что грузинский контингент формально может участвовать в миротворческих операциях и операциях по поддержанию мира.

Кроме действующей Концепции, прозвучало официальное заявление нового министра обороны Ираклия Аласания о начале разработки военной доктрины¹³⁶, в центре которой будет принцип «круговой обороны». Логика развития событий заставляет грузинских военных переходить на принципы формирования Вооруженных сил, которые будут более подготовлены к участию в миротворческих операциях за рубежом в составе коалиционных сил при необходимости реагирования на кризисные ситуации в мире. Получается, что Грузия оставляет за собой право вести только оборонительные войны на региональном уровне.

Если отвлечься от политизации российско-грузинских отношений, то данное решение отражает понимание грузинским руководством факта радикального изменения военного баланса в регионе, вызванного наращиванием здесь военного присутствия России. С этой точки зрения, значительно сокращены риски безопасности нашему государству.

Южная Осетия. На современном этапе в Южной Осетии действует Военная доктрина, которая носит исключительно оборонительный характер.

¹³⁶ См.: Министр обороны Грузии начинает работать над новой доктриной. Информационно-аналитический портал «Грузия online». 26.10.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apsny.ge/2012/mil/1351272027.php>. – Дата доступа: 11.04.2015.

Оборону государства Южной Осетии обеспечивают Вооруженные Силы Республики Южная Осетия, но не только. В соответствии с подписанными на 2015 г. договоренностями гарантом безопасности граждан Южной Осетии и нерушимости ее границ выступает Россия – в Южной Осетии дислоцирована 4-ая база Министерства обороны Российской Федерации и подразделения Погрануправления ФСБ России¹³⁷.

Более того, в настоящее время ставится вопрос об армейской интеграции Южной Осетии и Российской Федерации. Правовой базой для позитивного решения такого вопроса является договор о союзничестве и интеграции между Южной Осетией и Россией от 20 мая 2015 г.

Комментируя настоящее обстоятельство, командующий 58-й армией Южного военного округа генерал-лейтенант А. Гурулев отмечает, что вооружённые силы Республики Южная Осетия в скором времени могут стать особой составной частью общевойсковой армии ЮВО РФ: «В настоящее время идет ратификация данного вопроса. Согласно положениям договора, югоосетинская армия становится единой с российской армией вооруженной силой с единой подготовкой, едиными задачами. Сейчас главная задача в Южной Осетии - не допустить вторжения противника, захвата республики»¹³⁸.

Следует заметить, что реальное военно-политическое и военно-техническое взаимодействие Южной Осетии и России в полной мере соответствует новой Военной Доктрине России, подписанной в конце 2014 г., в которой сотрудничество с молодыми республиками – Южной Осетией и

¹³⁷ См.: Послание к народу и Парламенту Республики Южная Осетия «От восстановления – к развитию»// Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://presidentruo.org/?p=4395#more-4395>. – Дата доступа: 05.06.2015.

¹³⁸ Вооружённые силы Южной Осетии могут стать составной частью ВС РФ// Интернет-портал «Военно-политическое обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/52993.html>. – Дата доступа: 05.06.2015.

Абхазией - рассматривается в качестве приоритетов для Российской Федерации.

Абхазия. Что касается Абхазии, то в настоящее время существует широкий ряд нормативно- правовых актов, регламентирующих политику государства в отношении обеспечения военной безопасности. Это законы «Об обороне», «О статусе военнослужащего», «О военном положении» и иные нормативно-правовые акты¹³⁹. Указанные документы освещают широкий спектр вопросов, от стратегии реформирования и модернизации абхазской армии до социального положения резервистов. Тем не менее, в государстве не утверждена официальная военная доктрина, хотя еще в 2010 году Президент Абхазии Сергей Багапш заявил о необходимости ее разработки¹⁴⁰.

Между Абхазией и Россией подписан ряд документов в сфере военно-политического сотрудничества, в частности: «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и Республикой Абхазия», «Соглашение между РФ и Республикой Абхазия о сотрудничестве в военной области», Соглашение между РФ и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия», «Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Абхазия о военно-техническом сотрудничестве»¹⁴¹.

Таким образом, Республика Абхазия (как, впрочем, и Республика Южная Осетия) находятся под военной защитой России, которая гарантирует их независимость. Вместе с тем, вряд ли стоит полагать, что Грузия смирится с потерей данных территорий. В этой связи вполне очевиден тренд данной

¹³⁹ См.: Нормативно-правовая база// Министерство обороны Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdapsny.org/documents/base/>. – Дата доступа: 05.06.2015.

¹⁴⁰ См.: Военная доктрина будет разработана в Абхазии// Интернет-сайт «Руборд». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusbg.com/voennaya-doktrina-budet-razrabotana-v-abhazii.html>. – Дата доступа: 05.06.2015.

¹⁴¹ См.: Соглашения// Официальный сайт Министерства обороны Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdapsny.org/documents/agreement/>. – Дата доступа: 05.06.2015.

страны в сторону Североатлантического блока, а также устойчивой антироссийской риторики. Причем настоящее снижение напряжения между Россией и Грузией не должно вводить в заблуждение относительно долгосрочного охлаждения отношений и военно-политического оппонирования.

Итак, анализ показывает, что региональные процессы во многом связаны с конфликтом вокруг Нагорного-Карабаха и неурегулированным статусом Абхазии и Южной Осетии, деятельностью незаконных вооруженных формирований, активной позицией США в регионе Кавказа. Сложившаяся военно-политическая обстановка неоднозначна, концентрирует в себе широкий пласт противоречий и характеризуется разногласиями между участниками военной политики в регионе.

Безусловно, анализ официальных документов привнес чрезвычайно важную информацию для понимания сложившейся системы военно-политических отношений в регионе. Для того, что исследовать содержание военно-политических процессов в Кавказском регионе и их влияние на национальную безопасность России, диссертант обратилась к экспертным методам, поскольку специалисты делают заключения относительно своего компетентного осмысления исследуемой действительности. Соответственно, автор инициировала и провела экспертный опрос «Военно-политические процессы в Кавказском регионе и безопасность России»¹⁴².

В части, касающейся динамики военно-политических процессов на Кавказе и остроты опасностей и угроз, исходящих из региона, были зафиксированы показатели, дополняющие и расширяющие информацию контент-анализа. Для подтверждения тезиса обратимся к данным, полученным в ходе опроса.

¹⁴² Прим. авт.: Программа, содержание, бланк анкеты экспертного опроса «Военно-политические процессы в Кавказском регионе и безопасность России» представлены автором в Приложениях № 1- № 3 диссертационного исследования соответственно.

Первоначально экспертам был задан вопрос, уточняющий их восприятие протекающих в Кавказском регионе военно-политических процессов.

Данные, полученные в ходе опроса, показывают, что большинство респондентов расценивают военно-политические процессы как опасности безопасности России - более 77 % респондентов, - а оставшаяся часть опрошенных ответила, что такие угрозы логично назвать угрозами безопасности современной России.

Обращает внимание тот факт, что ни один из опрошенных экспертов не высказал позицию, что региональные военно-политические процессы не влияют на безопасность российского государства.

Эксперты полагают, что противоречия между Арменией и Азербайджаном, претензии Грузии на возвращение своего статуса в Абхазии и Южной Осетии могут перерасти в военный конфликт. Относительно позитивные оценки с развитием региональной ситуации специалисты связывают с пророссийской политикой Армении, Абхазии, Южной Осетии, а также активной позицией Чеченской Республики. Также отмечается и смягчение политик Грузии в отношении России.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют предположить, что в настоящее время снижены только военные угрозы, а политические угрозы лишь ослаблена за счет поддержки узкого круга лидеров региона, при их смене наблюдаемая стабильность будет нарушена.

Экспертам был задан вопрос о перспективах двустороннего военного сотрудничества России и государств Кавказа.

Полученные данные свидетельствуют, что эксперты видят высокую вероятность сотрудничества России и Армении – 93 % теоретиков и 77 % практиков. Вероятность сотрудничества РФ с Азербайджаном усреднена, а оценки ученых и государственных служащих в высокой степени рассогласованы – 36 % практиков оценивают эту вероятность как высокую, в то время, как 46 % теоретиков дают противоположное мнение и определяют

вероятность сотрудничества РФ и Азербайджана как низкую. Возможность сотрудничества РФ и Грузии оценивается как низкая - около 93 %, и средняя – 7 %. Ни один из экспертов не высказал оценку, что вероятность сотрудничества высока.

Сотрудничество РФ и Южной Осетии позитивнее оценивают практики – 93 % из них полагают, что вероятность сотрудничества высокая, а 7 % - средняя, тогда как среди теоретиков оценки - 65 % и 29 % соответственно. Вероятность сотрудничества Абхазии и России также не поддается сомнению. Среди практиков высокой вероятностью сотрудничества назвали 86 %, средней – 14 %. Среди теоретиков оценки несколько пессимистичнее – 71 % и 23 % соответственно.

Для военно-политических процессов, в контексте безопасности России одним из определяющих направлений является развитие двустороннего сотрудничества РФ и государств региона. Его необходимость эксперты оценили полярно.

Часть экспертов считает, что без поддержки России некоторые государства региона просто не выживут, в частности, Армения, Абхазия и Южная Осетия. Обращается внимание, что для России Армения – единственный полноправный региональный союзник, не считая частично признанных мировым сообществом новых государств, с которыми Россия все теснее связывает свои интересы.

Специалисты отмечают, что Грузия последовательно ориентируется на США, поэтому невысоко оценивает возможности использовать возможности сотрудничества с Россией, которая хотя нуждается в развитии транспортных коммуникаций в Армении через Грузию, реально невысоко оценивает возможности сотрудничества с Грузией. Достаточно неясные оценки связаны с Азербайджанской Республикой. Эксперты полагают, что Азербайджан лавирует в отношении с Россией, считая, что сотрудничество с США повышает вес республики.

Иная часть экспертов высказала тезис, что, несмотря на существование серьезных противоречий, России жизненно необходимо налаживание контактов и осуществления военного сотрудничества со всеми государствами на Кавказе – необходимо лишь уточнить степень (уровень) самого сотрудничества. При этом требуется использовать все рычаги взаимодействия, в особенности, образование, военно-техническое сотрудничество, экономику.

Представляется, что такой вектор рассуждения в полной мере обоснован. Необходимо усиливать все направления сотрудничества с государствами региона, поскольку до настоящего времени формированием символов в регионе занималась не Россия, а Штаты. Не только военно-технические аспекты сотрудничества, но и грамотно выверенная политика «soft power» с продолжением в «smart power» привела к созданию и успешному функционированию сетей НПО, «правозащитных движений», образовательных центров, и, конечно, деятельности религиозных идеологов (все чаще посредством Интернета с территории США). В результате формируется общественное мнение и на Кавказе, в России и мире в целом, и говорить о вероятности сотрудничества с некоторыми из государств региона на настоящем этапе нет возможности. Более того, настороженная, а нередко и откровенно враждебная риторика заставляет размышлять о геополитических блокадах и интервенциях.

Анализ данных, полученных в ходе контент-анализа документов и экспертного опроса, приводит автора к выводу, что развитие современных военно-политических процессов в Кавказском регионе обуславливает необходимость ситуационного анализа обстановки, непрерывного системного анализа опасностей и угроз, обусловленных такими процессами. На современном этапе военно-политическая ситуация в регионе характеризуется рядом процессов:

1. Республика Армения и Республика Азербайджан позиционируют друг друга в качестве потенциальных противников, что связано с

конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Это уже сегодня является условием для применения военной силы в регионе, а в дальнейшем может привести к обострению межгосударственных отношений, и, как следствие, резкому усугублению региональной военно-политической обстановки с вовлечением широкого круга участников конфликта, в том числе, Российской Федерации. Вместе с тем Грузия продолжает рассматривать территории Южной Осетии и Абхазии как «оккупированные», в то время как Российская Федерация признала настоящие субъекты мировой политики в качестве самостоятельных независимых и суверенных государств.

2. Азербайджан, Армения и Грузия наращивают темпы военного строительства. Государства оставляют за собой право развертывания на своей территории военных баз и инфраструктуры иностранных государств и иных форм зарубежного участия, что может быть использовано в целях политического и военного давления на Российскую Федерацию. В дальнейшем это не исключает воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов.

3. Наблюдается усиление сотрудничества государств Кавказского региона США и Организацией Североатлантического договора, что отражено в доктринах и концепциях Армении, Азербайджана и Грузии. Форматы сотрудничества варьируются от заключения двусторонних соглашений о сотрудничестве до проведения широкомасштабных военных учений. Данное обстоятельство не исключает демонстрацию военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками.

4. В регионе расширяются масштабы деятельности террористических группировок, неконвенционных вооруженных сил, военный потенциал которых уже сейчас вполне сопоставим с военным потенциалом некоторых кавказских государств. С учетом нестабильной обстановки в Афганистане, обострения ситуации в Сирии, вооруженным противостоянием на Украине, не исключена возможность перетекания наемнических войск и бандформирований на Кавказ.

5. Серьезное влияние на безопасность региона оказывают экстремистские движения, действующие под эгидой идеологий национализма, шовинизма, религиозного экстремизма, что указывается в концептуальных документах ряда кавказских государств. Опыт вооруженных конфликтов на Кавказе доказывает, что именно политизированная этничность и манипуляции религиозным фактором несут в себе угрозу общественным институтам, территориальному единству, государственной целостности стран и затрудняют выстраивание системы региональной безопасности.

Рассмотрев сложившуюся систему военно-политических отношений на Кавказе, а также обозначив особенности военно-политической обстановки, перейдем к последовательной декомпозиции военно-политических процессов в Кавказском регионе и выявлению опасностей и угроз безопасности России, обусловленных ими.

Во-первых, серьезную опасность представляет наличие «замороженных» военных конфликтов¹⁴³.

Военный конфликт в соответствии с Военной доктриной России определяется как форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая

¹⁴³ Прим. авт.: в научной литературе также встречаются обозначения «законсервированный» конфликт, «тлеющий» конфликт и т.д. Понятия используются как тождественные.

крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)¹⁴⁴. Отсюда следует, что военный конфликт включает в себя все столкновения противоборствующих сторон.

Военные конфликты зачастую провоцируются и разжигаются другими политическими акторами, которые оказывают военную и политическую поддержку силам, борющимся против правительства. Это приводит к затяжной вооруженной борьбе низкой интенсивности или периодическим вспышкам насилия. В результате возникает ситуация в международных отношениях, когда вооруженный конфликт между сторонами прекращается без подписания мирного договора или иного политического разрешения конфликта, что корректно трактовать как «замороженный» военный конфликт. В научной литературе и публицистике этот термин обычно используется для описания неразрешенных территориальных конфликтов, в том числе — на пространстве Кавказского региона¹⁴⁵.

Сейчас на Кавказе существует, по меньшей мере, три «тлеющих конфликта» – карабахский, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский. Перейдем к последовательному рассмотрению их специфики.

Карабахский конфликт, имеющий давние исторические и культурные корни, приобрёл новую остроту в годы перестройки, на фоне резкого подъёма национальных движений в Армении и Азербайджане. В начале 90-х гг. межгосударственная конфронтация привела к масштабным военным действиям за контроль над Нагорным Карабахом и некоторыми прилегающими территориями. Как отмечает политолог С. Корнелл: «Из всех

¹⁴⁴ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976). Гл. 1. Ст. 6 п. «г». //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. – Дата доступа: 17.03.2015.

¹⁴⁵ См. напр.: Tisdall S. This dangerous new world of self-interested nations // «The Guardian». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/22/frozen-conflict-spreads-across-globe>. – Дата доступа: 17.03.2015.

кавказских конфликтов карабахский конфликт имеет наибольшее стратегическое и общерегиональное значение. Этот конфликт — единственный на территории бывшего Советского Союза, в который непосредственно вовлечены два независимых государства. Более того, в конце 1990-х годов Карабахский конфликт способствовал формированию на Кавказе и вокруг него противостоящих друг другу группировок государств»¹⁴⁶.

В настоящее время Нагорный Карабах рассматривается как не признанное мировым сообществом, в том числе, Россией, но фактически самостоятельное государство. Нагорно-Карабахская Республика обладает собственными вооруженными силами и разрабатывает ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих их применение. Вплоть до сегодняшнего дня на территории Кавказского региона продолжают вспыхивать военные насилия из-за территории Нагорного Карабаха.

Грузино-абхазский конфликт — следствие неурегулированных межэтнических противоречий, подпитанных вмешательством внешних сил. Конфликт принял острую фазу в связи с ростом нестабильности и ослаблением центральной власти в конце 80-х гг. в СССР. В августе 1992 года напряжённость вылилась в открытый вооружённый конфликт, в результате которого абхазские силы в сентябре 1993 года установили контроль практически над всей территорией Абхазии, а половина населения Абхазии, спасаясь от боевых действий, была вынуждена покинуть территорию проживания.

Попытки политического урегулирования последствий конфликта предпринимались с 1993—2008 гг. под эгидой ООН и в рамках СНГ. В 2008 г. Грузия предприняла попытку установить военный контроль над территорией Абхазии, в результате чего в конфликт вмешались российские

¹⁴⁶ Корнелл С. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения / Азербайджан и Россия Общества и государства // Интернет-портал «Sakharov-center». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm. – Дата доступа: 17.03.2015.

миротворцы, находившиеся в зоне конфликта. Вооруженное насилие было остановлено, но агрессия грузинского руководства привела к фактическому разрушению переговорных процессов и механизмов постконфликтного урегулирования. Среди ключевых проблем, которые до сих пор не нашли решения, — принятие сторонами обязательства о неприменении силы и предоставление гарантий безопасности, вопрос о международно-правовом статусе Абхазии и обеспечение права на безопасное и достойное возвращение на территорию Абхазии ее жителей.

Как и во время грузино-абхазского конфликта, обострение осетино-грузинских отношений было вызвано резкой активизацией национальных движений в связи с ростом нестабильности и ослаблением центральной власти в конце 80-х гг. в СССР. За период с 1989 г. напряжённость в регионе, где грузины составляли около трети населения, трижды (1991 г., 2004 г, 2008 г.) перерастала в масштабные кровопролитные столкновения, сопровождавшиеся многочисленными жертвами и разрушениями.

В целом же следует сказать, что в грузино-абхазском и грузино-южноосетинском противостоянии этническая самоидентификация народов, вовлеченных в конфликты, приобрела ярко выраженный политизированный характер. В результате этого большая часть грузин из Южной Осетии и Абхазии вернулись в Грузию, а абхазы и осетины стали гражданами новых государств, что в корне изменило баланс сил в Кавказском регионе. Произошло серьезное наращивание в регионе вооруженных сил России. По состоянию на 2015 г., несмотря на низкую вероятность, все еще сохраняется возможность активизации деятельности вооруженных сил Грузии с проведением частичной или общей мобилизации с целью возврата территорий Абхазии и Южной Осетии в состав грузинского государства.

Авторские размышления следует подтвердить эмпирическими данными. Это обуславливает необходимость обратиться к информации, полученной в ходе экспертного опроса о вероятности возникновения или эскалация существующих военных конфликтов.

Опрошенные эксперты полагают, что с большой долей уверенности можно прогнозировать обострение нерешенных противоречий как между Арменией и Азербайджаном, так и между Грузией и молодыми республиками Абхазией и Южной Осетией. В целом же респонденты сходятся во мнении, что причины, которые лежали в основе возникновения военных конфликтов в регионе, полностью не устранены, их тление имеет место, а значит и возможность, силу различных порой непредвиденных обстоятельств, полностью исключать нельзя.

С целью конкретизации направления эскалации напряженности, экспертному сообществу был задан вопрос, из каких государств и государственных образований в перспективе 3 лет могут исходить угрозы безопасности Российской Федерации.

Наивысший ранг опасности присвоен Грузии. Это вполне ожидаемо в связи с проводимой в последние годы политикой. С учетом того, что государство себя позиционирует как союзника США и НАТО, проводника интересов их интересов на Кавказе. Беспокойство вызывает обстоятельство, что эта позиция поддерживается значительным числом жителей Грузии.

Специалисты отмечают, что определение статуса Абхазии и Южной Осетии возможно только с применением военной составляющей, если стороны будут придерживаться избранной позиции. Не исключаются ими и провокации после вывода войск НАТО из Афганистана.

Второй по значимости ранг присвоен Азербайджану. Эксперты считают, что именно из данного государства вполне могут исходить военные угрозы безопасности России. Это соотносится с характером военного сотрудничества государства, которое показывает, что в ряд поставок республике входят, в основном, наступательные вооружения: самоходные артиллерийские установки (САУ) «Мста-С» и «Вена», пусковые установки реактивных систем залпового огня «Смерч», танки Т-90С, боевые машины пехоты БМП-3, различные машины для обслуживания, запасные части.

Относительно Нагорно-Карабахской Республики высказываются следующие позиции, что угрозы со стороны непосредственно Нагорно-Карабахской Республики не могут возникнуть, а вот эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном по этому поводу вполне возможна.

Вышеперечисленные факты позволяют сделать следующие выводы.

Военная агрессия Грузии в отношении России или Абхазии и Южной Осетии, находящихся де-факто под патронажем России, сейчас маловероятна. Несмотря на агрессивную военную политику Грузии времен президентства М. Саакашвили, контент-анализ ее обновленной Военной доктрины показывает, что в центре доктринальной концепции положен принцип ведения только оборонительных войн на региональном уровне¹⁴⁷. Это объясняет серьезное снижение военных расходов в последние годы, что отражает намерение грузинского руководства создать малозатратную армию. Это выглядит как рефлексия на радикальное изменение баланса сил в регионе, вызванного наращиванием здесь военного присутствия России.

Гораздо менее оптимизма в отношении Нагорно-Карабахского конфликта. Официальные власти Азербайджана позволяют себе некорректные в адрес армянских властей заявления, а Армения, не скрывая, содержит нагорно-карабахские вооруженные силы. Государства входят в различные в военно-политическом отношении организации. Нагорный Карабах при всем этом – лакомый кусок для обеих стран. С учетом поддержки данного государственного образования Республикой Армения – стратегическим партнером Российской Федерации – актуализируется вопрос о позиции российского государства в случае обострения противоречий относительно статуса и функционирования данного государственного образования.

¹⁴⁷ См.: Министр обороны Грузии начинает работать над новой доктриной// Информационно-аналитический портал «Грузия online». 26.10.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekhokavkaza.com/archive/news/20121026/3235/2759.html?id=24753077>. – Дата доступа: 21.01.2015.

Наиболее опасным государством из стран Закавказья с военно-политической точки зрения является Азербайджан. Республика держит абсолютное первенство по темпам роста военных расходов и всячески стремится укрепить свое присутствие в экономической и военной инфраструктуре Кавказа. В настоящее время он единственный может проводить независимую политику по выстраиванию системы своей военной безопасности. В данных условиях возрастает возможность «размораживания» нагорно-карабахского конфликта, что влечет угрозы безопасности России, прежде всего, в военной сфере.

Помимо прочего, с учетом темпов и характера военного строительства в регионе не исключена возможность втягивания Грузии и Азербайджана в антииранские акции, поскольку ситуация неурегулированной и напряженной. Наиболее опасным в данной связи представляется «нанесение по Ирану военного удара. В данных условиях тыловая поддержка антииранским операциям может осуществляться и с кавказского направления, поскольку военная инфраструктура уже подготовлена. Все вышперечисленное создает еще одну дополнительную угрозу безопасности региона, примыкающего к границам России и являющегося одновременно его частью.

Во-вторых, военно-политическая деятельность внерегиональных акторов.

Кавказ является важнейшей инфраструктурной территорией, позволяющей Европе диверсифицировать поставки сырьевых ресурсов. Речь идет о строительстве путей транспортировки энергетических ресурсов в обход России. Такой подход объективно предполагает осуществление политики экономического и политического контроля над Кавказским регионом, что обуславливает необходимость анализа политики государств, придерживающихся позиции контролировать обстановку в сфере своих «жизненно важных интересов».

Рассуждая о Кавказе как о «Евразийских Балканах», Зб. Бжезинский указывает: «США, преследуя масштабные стратегические цели в Евразии,

заинтересованы не только в разработке ресурсов «Евразийских Балкан», но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала в геополитическом пространстве региона»¹⁴⁸.

В данной корректно проанализировать параллель «национальные интересы США - угрозы безопасности России». Такая связка понятий определяет рассматриваемую систему в иерархическую структуру, вполне прозрачную для формулирования дальнейших выводов.

Обратимся к концептуальным документам Соединенных Штатов Америки, в которых зафиксированы приоритетные национальные интересы.

В Стратегии национальной безопасности США главным императивом является «удержание глобального лидерства»¹⁴⁹. Следуя логике поставленной задачи, выделим следующие:

- расширение зон американского военно-политического и экономического влияния с последующим закреплением в них и превращения их в плацдармы для дальнейшей экспансии;
- расширение и укрепление проамериканских военно-политических блоков и экономических союзов;
- обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии;
- установление контроля за путями транспортировки стратегически важных минеральных и углеводородных ресурсов¹⁵⁰.

Приведенные данные убедительно доказывают, что США и их союзники в дальнейшем будут провоцировать очаги напряженности в Кавказском регионе.

¹⁴⁸ Бжезинский Зб. Зыбучие пески гегемонии. Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2. Март - апрель. - С. 187.

¹⁴⁹ National Security Strategy of the United States of America, May 2010// The White House. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. – Дата доступа: 21.01.2015.

¹⁵⁰ См.: National Security Strategy of the United States of America, May 2010// The White House. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. – Дата доступа: 21.01.2015.

Автор полагает, что основные направления политики США на Кавказе по отношению к РФ будут развиваться следующим образом:

- получение гарантированного доступа к природным ресурсам региона;
- установление и сохранение политического, экономического и военного контроля над государствами региона в целях реализации политики сдерживания России;
- использование территорий новых независимых государств для размещения военных контингентов как инструмента военно-политического давления на РФ;
- приобретение на территориях Кавказских государств рынка сбыта американской промышленной продукции;
- обеспечение присутствия Соединенных Штатов в транспортных коридорах и контроля над газо- и нефтепроводами с целью диверсификации доставки энергоресурсов и товаров в обход России.

С учетом вышеизложенного целесообразно рассматривать Кавказский регион в основном как зону столкновения российско-американских интересов, опираясь на четко структурированные данные об этом географическом пространстве.

Авторские размышления целесообразно подкрепить эмпирическими данными, полученными в ходе экспертного опроса.

Специалистам был задан вопрос: «В какой мере политика Вашингтона влияет на развитие современных военно-политических процессов в Кавказском регионе?».

В ответе на данный вопрос более 87 % экспертов рассматривают роль США на Кавказе как «значительную» или «определяющую». Они консолидировано полагают, что провокация дестабилизации обстановки на Кавказе входит в зону национальных интересов Америки. Отмечается, что для США, пытающихся влиять на политику России в сфере ее геостратегического положения, сохранение напряженности на Кавказе входит в зону национальных интересов. Делается ставка и на

этноконфессиональную неоднородность региона, нерешенность вопросов, касающихся спорных территорий.

Военно-политические процессы на Кавказе, как отмечалось выше в немалой степени опосредованы деятельностью других субъектов - региональных организаций военно-политического характера. Таковым, прежде всего, является блок НАТО. В этой связи закономерен вопрос относительно наличия или отсутствия военных угроз опосредованных сотрудничеством государств Кавказского региона с НАТО.

Анализируя полученные в ходе экспертного опроса данные, следует отметить поляризацию мнения экспертов-практиков и экспертов-теоретиков. Как показывает тенденция исследования, мнения государственных служащих отличаются скептицизмом в сравнении с мнением представителей научного сообщества. Не является исключением и данный вопрос. Так, 29 % экспертов-практиков полагают, что сотрудничество НАТО и государств Кавказского региона представляет для России критическую степень тревоги, в то время, как среди теоретиков этот показатель в шесть раз ниже - около 5 %. Примерно равная доля экспертов-практиков и экспертов-теоретиков полагают, что такое сотрудничество можно расценивать как высокую степень риска – более 50 %.

В своих пессимистичных оценках эксперты отмечают, что несмотря на усиление Черноморского флота, в силу повышения активности США, НАТО имеет возможности серьезно обострить обстановку в Кавказском регионе, особенно при возникновении американских баз в Грузии.

Тогда как двусторонне сотрудничество государств Южного Кавказа и НАТО является фактом, с которым России приходится мириться, то вхождение государств, в соответствии с новой Военной Доктриной, будет представлять прямую внешнюю угрозу для российского государства. Это обусловило выявление экспертных позиций относительно степени вероятности вхождения государств Кавказского региона в Североатлантический альянс.

Опрошенные эксперты-практики видят вполне умеренную вероятность вхождения некоторых государств региона в Альянс. Высказываются позиции, что с усилением Черноморского флота России по мере модернизации базы в Севастополе, США и НАТО будут искать возможностей компенсации утерянных позиций в этом регионе. Лучшей возможности, нежели создания базы в Грузии, нет.

В данной связи следует отметить, что Грузия не войдет в НАТО, пока российские солдаты находятся на двух грузинских сепаратистских территориях - в Абхазии и Южной Осетии»¹⁵¹. Такая позиция подтверждается оценками экспертов Германии и стран Восточной и Центральной Европы, наиболее активно лоббировавших вступление Грузии в Альянс. По их представлениям данный план уже «позорно провалился»¹⁵².

Получается, что в ходе диагностики в поле зрения экспертов попал особый класс так называемых «ложных коллективных солидарностей», которые являются следствием артикулирования коллективных интересов, которые не имеют объективного основания, а базируются на вымышленных, специально сконструированных общих чертах и проблемах.

Сегодня открыто декларируется, что двери членства в НАТО остаются широко открытыми для всех демократий, готовых и способных принять на себя ответственность и обязательства по членству, а также при условии, что вступление этих стран будет способствовать обеспечению общей безопасности и стабильности¹⁵³.

¹⁵¹ См.: Коган Ю. Страны Южного Кавказа и вопросы безопасности// Интернет-портал «BlackSeaNews». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/60786>. – Дата доступа: 01.03.2015.

¹⁵² Beste, Ralf, et al., 2008, Germany and the Caucasus Conflict, Merkel's Most Serious Foreign Policy Crisis, <http://www.spiegel.de/international/world/germany-and-the-caucasus-conflict-merkel-s-most-serious-foreign-policy-crisis-a-572726.html>. – Дата доступа: 01.03.2015.

¹⁵³ См.: The Atlantic Council of the United States// Официальный сайт НАТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/docu/nato_after_istanbul/nato_after_istanbul_en.pdf. – Дата доступа: 01.03.2015.

Не секрет, что деятельность Североатлантического альянса в регионе обсуждается в Вашингтоне. НАТО является проводником интересов США. В совокупности, все это подтверждает тезис автора о том, что Штатами инициируются, поддерживаются и финансируются процессы осознания народами Кавказа своей национальной, культурной и религиозной идентичности, либо стремления к независимости от России и основная цель Штатов – недопущение в регионе утверждения влияния РФ.

Итак, развитие военно-политических процессов на Кавказе тесно переплетается с экономическими интересами внерегиональных держав. Это приводит к следующим выводам:

Кавказский регион - самостоятельное геополитическое пространство, которое объединяет Северо-Восточную и Центральную Европу со странами Средиземноморского бассейна, формируя общее пространство политических и экономических интересов. В то же время, экономические интересы внерегиональных игроков, к которым логично относить Иран, Турцию и США, провоцируют развитие деструктивных военно-политических процессов в регионе, поскольку конфликтность, обусловленная внутренними причинами, подогревается внешними факторами.

Укрепление позиций в военно-политической сфере безопасности Кавказа открывает доступ к транспортно-энергетическим проектам и шире - геостратегическому плацдарму, что корректно назвать приоритетом политики США в регионе. Обеспечение должного уровня управления региональной ситуацией будет достаточно для контроля за добычей и распределением энергоносителей, включая и принятие решений о маршрутах альтернативных - в обход территории РФ – трубопроводов, а также для международной изоляции Ирана. Одновременно настоящие обстоятельства в полной мере противоречат развитию военно-политического и военно-экономического сотрудничества России.

Кавказский регион исторически является «зоной особых интересов России», ее «мягким подбрюшьем», и при этом - «зоной жизненно важных

интересов Соединенных Штатов». Это обуславливает перманентное пересечение экономических интересов названных держав на Кавказе. Таким образом, гегемонистские устремления, борьба субъектов мировой политики за сферы влияния становятся главными целями военно-политических акторов, претендующих на лидерство в Кавказском регионе. С учетом обострения мировой экономической и военно-политической ситуации, а также высказанных позиций экспертного сообщества, следует иметь в виду, что такого рода противоречия будут в высшей степени актуализированы в Кавказском регионе.

В-третьих, военная деятельность террористических организаций и незаконных вооруженных формирований.

Стимулом распространения терроризма и экстремистских идеологий на Кавказе стали события 1994–1996 гг. в Чеченской Республике. Именно в этот период началось проникновение в регион салафитского движения, наемников из Пакистана, Афганистана, Турции и некоторых арабских стран. В результате усилий международных военно-политических акторов некоторые северокавказские республики, стали по факту пристанищем убийц, торговцев "живым товаром", наркотиками и оружием. Это привело к вторжению в августе 1999 г. на территорию республики Дагестан банд чеченских и зарубежных террористов.

Несмотря на официальную отмену контртеррористической операции 16 апреля 2009 года, анализ показывает, что динамика терактов в регионе за последнее пятилетие имеет негативный характер. По сравнению с 2008 годом - практически в два раза, о чем убедительно свидетельствуют цифры из исследования дагестанского ученого К. М. Ханбабаева¹⁵⁴.

¹⁵⁴ См. напр.: Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: Астрель, 2007. - 544 с.

К основным территориям распространения терроризма в Кавказском регионе исследователи относят: 1. Нагорный Карабах; 2. Самцхе-Джавахети; 3. Кодорское ущелье; 4. Панкисское ущелье¹⁵⁵.

Данное обстоятельство можно объяснить, анализируя особенности ландшафта Кавказского региона. Горцы проживают там большую часть жизни, а некоторые и всю жизнь, и умеют не только скрываться и воевать на своей территории, но и вести сельское хозяйство в этих условиях, обустраивать быт и т.д. Таким образом, сложнейшие природные условия являются естественными для кавказцев, но чрезвычайно трудны для адаптации и ведения боевых действий организованными боевыми частями.

Одним из основных источников вооружения террористических группировок и незаконных формирований является захват оружия у сил правопорядка, армейских частей и подразделений; реже — его изъятие у разного рода охранных структур и населения. Участники незаконных формирований стремятся вооружиться системами оружия, которые находятся у противостоящих им сил.

С террористической деятельностью тесно взаимосвязан незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Наркотические вещества транспортируются с разных направлений, что обусловлено связью Кавказа с регионом Центральной Азии – через Каспий, Иран и Афганистан.

Официальные представители Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков заявляют, что ключевые маршруты перемещения наркотиков пролегают через акватории Черного и Каспийского морей с использованием морских портов Азербайджана (Баку), Ирана (Энзели, Ноушехр), Турции (Стамбул, Трабзон), Туркмении (Туркменбаши). Широко используется транзитный потенциал территории Грузии, в частности, «порты

¹⁵⁵ См.: Бленди Ч. Кавказский регион. Новые вызовы безопасности // Исследовательский центр по изучению конфликтов Великобритании. М.: Эксмо, 2009. - С. 52.

Батуми и Поти стали основными в наркотрафике, а грузинский город Кабулети - одним из ключевых пунктов трафика афганского героина»¹⁵⁶.

Остроту кавказскому терроризму и сегменту распространения наркотических средств и психотропных веществ придаёт нестабильность в Афганистане, связанная с выводом коалиционных войск НАТО. В данной связи увеличивается и наркотрафик через территорию Кавказа. Уже сейчас через этот регион ежегодно транзитируется до 10 тонн героина и более 20 тонн гашиша. В результате криминального транзита в регионе оседает до 1 миллиарда наркодолларов¹⁵⁷.

Имеет место тенденция к расширению влияния стран Ближнего и Среднего Востока на ситуацию в Кавказском регионе, и, в особенности, на отношения Российской Федерации с Кавказом и остальным исламским миром. Большею частью, вербовка идет со стороны неправительственных структур арабских и других мусульманских стран при определенной поддержке спецслужб западных государств. Например, на протяжении последних лет реализуется масштабный проект Кувейта «Аль-Васатыйя» (умеренность), основной целью которого является поставить под контроль дагестанские бандгруппы, обеспечить поступление финансовых средств из-за рубежа и организовать каналы переправки боевиков из Грузии и Азербайджана¹⁵⁸.

С целью подтверждения или опровержения авторских выводов, обратимся к проведенному экспертному опросу.

¹⁵⁶ Грузия становится крупным путем наркотрафика в Россию // Официальный сайт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2010/0301/15227181/detail.shtml>. – Дата доступа: 05.06.2015.

¹⁵⁷ См.: Иванов В.П. О задачах ОДКБ в создании единой евразийской системы антинаркотической безопасности. Сегмент «Большой Кавказ». Официальный сайт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_last/2013/1004/151526556/detail.shtml. – Дата доступа: 05.06.2015.

¹⁵⁸ Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе. / Добаев И.П. // Проблемы национальной стратегии. – 2009. - № 1. - с. 80.

В непрямой формулировке автором был задан вопрос, целью которого было выяснение представлений специалистов относительно угроз безопасности России, обусловленных современными военно-политическими процессами на Кавказе.

В ходе исследования было выяснено, что распространение терроризма в регионе трактуется специалистами как одна из наиболее значимых угроз безопасности российского государства. Эксперты позиционируют терроризм и его идеологическую основу – религиозный экстремизм - как наиболее серьезные факторы дестабилизации региональной обстановки. Отмечается, что для своих целей террористы и экстремисты уже сейчас могут использовать как уже готовые боезаряды из арсеналов ядерных государств, так и самостоятельно изготовленное ядерное взрывное устройство при наличии в их распоряжении специального расщепляющегося материала. Видится, что в дальнейшем деятельность по консолидации разрозненных подпольных террористических групп, инспирируя, в том числе, и извне, будет наращиваться.

Проблема усугубляется в связи с тем обстоятельством, что террористическая угроза в Кавказском регионе сопровождается распространением оружия, стимулируется деятельностью инструкторов-идеологов, сопряжена с наркопреступностью. Но основная опасность заключается в том, что терроризм поражает в основном молодежную социально-возрастную группу и направлен против мирного населения, не обладающего, ни силовыми, ни психологическими средствами противодействия. Следовательно, здесь в единый узел переплетаются внутренние и внешние угрозы безопасности России.

Анализ военно-политических процессов, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формирований и террористической угрозой позволяет сделать следующие выводы.

Военная деятельность незаконных вооруженных формирований и террористических групп является одной из наиболее значимых угроз

национальной безопасности государства, поскольку сопряжена с незаконным оборотом оружия, деятельностью наркоструктур, исламских фундаменталистов, наемников, незаконных вооруженных бандформирований. Вышеперечисленное обуславливает комплексность проблемы и сложность противодействия ей.

Поводом к растеканию террористической активности в Кавказском регионе является финансовая привлекательность террористических и нарко-проектов. Ситуация развивается под воздействием вмешательства разнонаправленных политических сил, подпитывается коррупцией, финансовыми вливаниями и в большинстве случаев военно-политические акторы стремятся использовать этот фактор как решающий, в целях удовлетворения собственных политических интересов.

Можно предположить, что в распространении терроризма определенную значимость играют государственно-политический и геополитический факторы. Существующие противоречия и конфликты в регионе способствуют повышению интереса военно-политических сил к использованию терроризма и экстремизма с целью ослабления противоборствующей стороны. Таким образом, полномасштабное сотрудничество по данным проблемам в Кавказском регионе является практически неосуществимым.

В развитии современных военно-политических процессов на Кавказе, следует учитывать внешний фактор - серьезное противостояние власти и оппозиции с 2010 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и военно-политический кризис, разразившийся в 2014 г. на Украине. В этих конфликтах принимают достаточно большое количество выходцев из Кавказского региона на стороне радикальных и националистических сил. В этой связи создаётся почва для утверждения в кавказских обществах радикальных идей, которые способны вызвать ухудшение ситуации на Кавказе. Эти обстоятельства обуславливают актуальность рассмотрения

региональных военно-политических процессов, связанных с социально-политическими факторами.

В-четвертых, вооруженное противостояние на этноконфессиональной почве.

На Кавказе насильственный этносепаратизм и религиозный экстремизм имеют одно из определяющих значений с точки зрения обеспечения национальной безопасности государств региона, поскольку этноконфессиональный фактор проявляется практически во всех конфликтных ситуациях в регионе.

Поликонфессиональность региона (азербайджанцы и выходцы большей части северокавказских республик – мусульмане, тогда как армяне и грузины, абхазы и осетины – православные) зачастую используется экстремистами как средство манипуляции и служит идеологической основой вступления молодежи в ряды террористов. Конкретной идеологией становится исламский радикализм. Аналитики полагают, что именно исламский радикализм в течении как минимум последних семи лет является главной движущей силой действующих на Северном Кавказе незаконных вооруженных формирований¹⁵⁹.

Здесь важно отметить, что деятельность нео-ваххабитских бандгрупп имеет все основные черты современного исламистского террористического движения, построенного по сетевому принципу. В подобных структурах организационно не проявлены руководящие центры и преобладают горизонтальные связи. К таким сетевым группировкам на Кавказе можно отнести террористические «джамааты». Между их базами налажена устойчивая связь, а действия могут согласовываться и координироваться¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Амелина Я.А. Радикальный исламизм - одна из наиболее серьезных угроз государственному строю России// Интернет-портал «Ислам и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://islamio.ru/news/policy/radikalnyy_islamizm_odna_iz_naibolee_sereznykh_ugroz_gosudarstvennomu_stroyu_rossii/. – Дата доступа: 11.10.2014.

¹⁶⁰ Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе. / Добаев И.П. // Проблемы национальной стратегии. – 2009. - № 1. - с. 81.

Как отмечает исследователь Амелина Я.А., уже сегодня намечается постепенное оформление «единого исламистского фронта» на Кавказе и Поволжье¹⁶¹. Так, например, в 2010 г. незаконные вооруженные формирования, мотивированные идеями политического Ислама, впервые с конца девяностых вновь проявили себя и в Поволжье.

Не меньшую значимость с точки зрения обеспечения безопасности государства представляет собой вопрос урегулирования межэтнических взаимодействий в регионе.

Наиболее остро противоречия на этнической почве актуализировались после 1991 г., когда споры между соседними этническими группами, провоцируемые политическими силами, стали причиной возникновения острых вооруженных и невооруженных противостояний в 90-х гг.: осетино-ингушского, армяно-азербайджанского, российско-чеченского, грузино-абхазского и грузино-осетинского.

В настоящее время высокую актуальность имеет «черкесский вопрос», чечено-ингушский конфликт, а также конфликт «этнических лезгин», который обострился в связи с делимитацией границ между Россией и Азербайджаном. Не менее важен учет на данный момент скрытых противоречий между кабардинцами и балкарцами в Кабардино-Балкарии, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии, аварцами и чеченцами-аккинцами, кумыками и даргинцами в Дагестане. Националистически ориентированные политики и идеологи умело используют взрывоопасную энергию этнического фактора там, где растут этноцентристские тенденции, которые мобилизуются для достижения политических целей.

¹⁶¹ Амелина Я.А. Радикальный исламизм - одна из наиболее серьезных угроз государственному строю России// Интернет-портал «Ислам и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://islamio.ru/news/policy/radikalnyy_islamizm_odna_iz_naibolee_sereznykh_ugroz_gosudarstvennomu_stroyu_rossii/. – Дата доступа: 11.10.2014.

Проанализируем особенности развития противоречий этнонационального характера на Кавказе.

Во-первых, существует феномен так называемой социально-этнической стратификации, или иерархизации этнических групп, где каждый из этносов занимает определенное положение в системе социальной стратификации, соответственно, в системе разделения власти и собственности. Как отмечают кавказские исследователи, наиболее остро это проявляется в современном Дагестане, где «борьба и распределение власти приобрели ярко выраженный этнический оттенок»¹⁶².

Во-вторых, возрождение этнического или национального самосознания сопровождается реанимацией тейповых, джамаатских, тухамных, фамильных и иных патриархальных связей, в которых главенствуют представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, обладающие властью и ресурсами. Какое-то время это позволяет контролировать этнические группы, кланы и территориальные общности, однако при перераспределении власти в разы возрастают масштабы вооруженного насилия.

В-третьих, в развитие темы этнонациональных противоречий вовлечен широкий ряд международных и неправительственных организаций. Показателен пример «черкесского вопроса», который является условным обозначением для обширного круга проблем, актуальных для адыгских (адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов, более или менее широких слоев национальных сообществ¹⁶³. За короткий срок произошло формирование сетевой структуры черкесского национального движения, состоящей из множества мелких неправительственных фондов,

¹⁶² Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе / Р.М. Эмиров. – М.: Логос, 2011. - С. 143.

¹⁶³ Сущий С.Я. Черкесский вопрос - основные проблемные зоны и их конфликтогенный потенциал// Официальный сайт Общественного института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bs-kavkaz.org/2012/01/cherkesskij-vopros-problemnyye-zony-konfliktogennyj-potencial/>. – Дата доступа: 11.10.2014.

образовательных организаций и культурных центров. Объединительной средой, где происходит основной информационный обмен, в таких случаях являются социальные сети, в результате чего создаются идеологически ангажированные версии «национальных историй» народов Кавказа. Появляется смысл говорить о этносепаратизме.

Кроме вышеперечисленного, важно учитывать, что противоречия социокультурного характера на Кавказе, хотя и имеют определенное сходство с аналогичными явлениями в мировой практике, все же порождены специфическими причинами. После распада Советского Союза свежа «народная» память войны - она еще не обращена в историческое измерение, а при наличии многочисленных региональных конфликтов и неурегулированности территориальных границ, процессов фальсификации истории, националистических лозунгов, все чаще звучащих в европейской части России, современный сепаратизм на начальной стадии имеет формы экстремизма и политического радикализма.

Доводы автора о значимости этноконфессиональной специфики региона были проверены эмпирическими данными в результате экспертного опроса. Так, специалистам было предложено определить приоритетность сфер, которые пятилетней перспективе будут подвержены реальным или потенциальным угрозам. Вопрос был задан в не прямой формулировке, чтобы у экспертов была возможность отразить конкретные собственные позиции и размышления в комментариях к нему. Полученные данные свидетельствуют, что эксперты оценивают обеспечение безопасности России как наиболее проблемное направление деятельности в пятилетней перспективе. Это обусловлено, с точки зрения специалистов, именно конфликтным потенциалом Кавказского региона, выражающимся в этноконфессиональных противоречиях, многие из которых не нашли своего разрешения до сегодняшнего дня.

Респонденты отмечают, что сепаратизм в регионе, поддерживается извне. Он усугубляется тем фактом, что на Кавказе существует ряд

неразрешенных военно-политических конфликтов, которые «консервируют» общую атмосферу напряженности. Отмечается, что противоречия социокультурного характера и манипуляции ими могут быть поводом к кровавым конфликтам в ближайшем будущем.

Такие оценки в полной мере подтверждают научные изыскания диссертанта. Следует иметь в виду, что в совокупности переплетение таких процессов может привести не только к серьезным военно-политическим последствиям, но и быть угрозой государственному единству и территориальной целостности России.

Итак, подведем некоторые итоги.

В Кавказском регионе, ввиду исторических причин, а также полиэтничности региона, существуют нерешенные противоречия этноконфессионального характера. Подобное положение вещей служит потенциальным источником социального противостояния, имеющего опасный экстремистский характер, и создает благоприятную среду для развития сепаратистских тенденций.

В Кавказском регионе наращивается вмешательство внешних сил, что в дальнейшем может привести к свержению легитимных органов государственной власти в государствах региона и установлению политических режимов, угрожающих интересам России.

Логично предположить, что на Северном Кавказе ситуация усугубится, если государство будет неспособно выполнить такие ключевые задачи, как создание условий для достижения материального благосостояния общества, согласия между различными этнонациональными и религиозными общностями, обеспечение контроля местных властных элит.

В целом, проведенный анализ военно-политических процессов в Кавказском регионе позволяет констатировать, что с точки зрения влияния на безопасность российского государства ситуация характеризуется:

- попытками вытеснения России из традиционных зон ее влияния;

- наращиванием военного потенциала и размещением объектов военной инфраструктуры вдоль границ России;
- стремлением к доминированию НАТО в осуществлении программ военно-технического сотрудничества;
- попытками нанесения ущерба военно-экономической инфраструктуре российского государства;
- террористической и экстремистской активностью незаконных вооруженных формирований;
- дестабилизацией социально-политической обстановки при манипулировании этнонациональным и религиозным факторами;
- отсутствием консенсуса между государствами региона относительно выстраивания региональной системы безопасности;
- вмешательством внерегиональных политических акторов в развитие военно-политических процессов на Кавказе.

Выводы по второму разделу

Характеристика внутренней среды региона явилась шагом, предваряющим анализ современных военно-политических процессов на Кавказе. Социокультурные, исторические и иные особенности региона являются средой, в которые являются потенциальным источником возникновения противоречий, обуславливающих военно-политические процессы. К ним корректно относить:

- *неурегулированность межгосударственных границ и наличие спорных территорий;*
- *многогранность Кавказа в этническом, религиозном измерениях;*
- *демографический потенциал Кавказского региона;*
- *неравномерный уровень социально-экономического развития в республиках;*
- *особенности складывания политических режимов на Кавказе.*

Эти специфические черты являются причиной того обстоятельства, что в Кавказском регионе проблемы милитаристской политики и гегемонизма, проявления религиозного экстремизма, национализма и терроризма, растекание оружия массового уничтожения, проявляются наиболее фактурно.

С целью выявления степени остроты опасностей и угроз, обусловленных современными военно-политическими процессами в Кавказском регионе на безопасность России, автором был осуществлен:

- *контент-анализ* концептуальных документов для определения фактора военной силы в современной внешнеполитической стратегии региональных военно-политических субъектов;

- *опрос экспертов* по проблеме «Военно-политические процессы в Кавказском регионе и безопасность России» (представлен в *Приложениях № 1-№ 3*).

Исходя из содержательного наполнения военно-политических процессов в Кавказском регионе, следует зафиксировать основные выводы.

Во-первых, в Кавказском регионе сложена неравномерная система военно-политических отношений, которая осложнена существованием непризнанного государственного образования – Нагорно-Карабахской Республики, а также частично признанных мировым сообществом государств – Абхазии и Южной Осетии. Это обуславливает возможность возникновения связанных с этим рисков и является причиной затруднения проведения взвешенной военной политики государств региона.

Во-вторых, немаловажную роль в развитии военно-политических процессов играют государства Иран и Турция, каждое из которых реализует собственную военную политику с учетом национальных интересов республик, что вносит определенный дисбаланс в деле выработки совместных решений государств Кавказского региона относительно проблем, являющихся его частью.

В-третьих, несмотря на территориальную удаленность, корректно позиционировать Соединенные Штаты являются активным участником

военно-политических процессов в Кавказском регионе. Данный вывод базируется на эмпирических данных: количестве заключенных двусторонних соглашений между США и государствами Кавказского региона, а также позициях экспертов, отличающихся в этом отношении высокой долей согласованности. При этом политика Соединенных Штатов противоречит национальным интересам России в Кавказском регионе.

В-четвертых, важную роль в развитии региональных военно-политических процессов играют организации военно-политического характера, а именно – Организация Североатлантического альянса и ОДКБ. При этом роль ОДКБ, как проводника интересов Российской Федерации и Армении, невысока, тогда как деятельность НАТО в высокой мере активизирована, что представляет непосредственную угрозу национальной безопасности России.

В-пятых, современные региональные военно-политические процессы связаны с факторами идеологизации различных межгосударственных противоречий. Настоящее обстоятельство не означает подмены существующих или потенциальных противоречий по территориальным, энергетическим, геополитическим и иным вопросам, идеологическими противоречиями. Данный аспект отражает ту идеологическую активность, которая направлена на разжигание вражды и воинственных настроений, провоцирование милитаристских процессов путем развязывания и оправдания войн и государственных переворотов на основе конфронтационной интерпретации любых межгосударственных противоречий с применением вооруженной борьбы.

На основании вышеизложенного следует зафиксировать, что расширение спектра опасностей и угроз, обусловленных региональными военно-политическими процессами, их масштабирование и углубление интенсивности, оказывают прямое и косвенное влияние на состояние безопасности России. Результаты исследования доказывают, что несогласованность внутренних игроков региона в координации своей

внешней политики становится одним из решающих факторов в формировании военно-политической среды безопасности Кавказа, стимулирует проникновение легальных и нелегальных, региональных и нерегиональных военно-политических акторов, которые преследуют собственные геополитические интересы, что, в свою очередь, оказывает влияние на состояние системы региональной безопасности.

Проведенный анализ военно-политических процессов на Кавказе, позволяет сформулировать приоритеты национальной безопасности России на Кавказе, которые будут изложены в следующем разделе.

РАЗДЕЛ III. ПРИОРИТЕТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Анализ военно-политической ситуации на Кавказе свидетельствует о высоком динамизме происходящих здесь изменений¹⁶⁴. Современные военно-политические процессы на Кавказе формируются под воздействием глобализационных процессов, процессов геополитического переустройства и формирования новых полюсов силы, что характеризуется противоречивыми тенденциями.

С одной стороны, наблюдается углубление интеграции региональных субъектов, хотя и на фоне обострения конкурентной борьбы центров за сохранение и расширение сфер контроля. С другой стороны, очевидна разнонаправленность политики региональных субъектов, которая характеризуется стремлением выйти из-под влияния традиционных полюсов силы, с тем, чтобы примкнуть к другим или сформировать собственные центры военно-политического влияния. Это обуславливает важность реализации всех мер дипломатического, информационного, экономического, военного и иного характера с целью гарантировать способность государства обеспечивать собственную безопасность.

Безопасность государства объективно связывается с деятельностью по защите того или иного объекта или системы в целом от внешних и внутренних негативных воздействий, угроз, опасностей, рисков, либо возможностью им противостоять. Это позволяет говорить о выполнении субъектом двух основных функций: функции защиты объекта, содержащего важнейшие ценности государства, и функции развития этого объекта.

¹⁶⁴ См. напр.: Сухопещенко К. Южный Кавказ и Центральная Азия: новые стратегии союзничества// Интернет-портал «Вести Кавказа». 24.04.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/YUzhnyy-Kavkaz-i-TSentralnaya-Aziya-novye-strategii-soyuznichestva.html>; Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в Кавказском регионе// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/2276#.VFsaHvmsWjk>. – Дата доступа: 11.05.2015.

В совокупности, выделенные составляющие обуславливают неразрывность и взаимообусловленность мер самого различного характера, которые должны быть предприняты для парирования или минимизации опасностей и угроз. Наиболее оптимальный способ обеспечения безопасности государства - это учет важности политических, экономических, социальных и социокультурных факторов, в дополнение к традиционным военным аспектам. Особое внимание должно уделяться партнерству, сотрудничеству и диалогу между странами Кавказского региона, выстраиванию коллективной системы безопасности.

Проведённый анализ содержания понятий безопасности государства, объекта обеспечения безопасности и военно-политических процессов как источников опасностей и угроз безопасности России в Кавказском регионе, позволяет определить приоритеты обеспечения безопасности государства, которые должны стать основой содержания внешней и внутренней политики Российской Федерации на Кавказе.

Итак, базируясь на специфике современных региональных военно-политических процессов, перейдем к последовательному формулированию приоритетов обеспечения безопасности России применительно к Кавказскому региону.

I. Выстраивание коллективной системы региональной безопасности

Анализ современных военно-политических процессов в Кавказском регионе показывает, что существуют факторы, способные при определенных условиях дестабилизировать сложившуюся хрупкую систему безопасности в Кавказском регионе.

Прежде всего, не урегулирована проблема Нагорно-Карабахской Республики. На данный аспект проблемы обращено внимание экспертов и, представляется, весьма небезосновательно. В условиях наращивания военной мощи Азербайджаном, он уже сейчас может проводить относительно независимую политику по выстраиванию системы своей военной безопасности. Опытные военные аналитики связывают данный процесс

именно с угрозой «размораживания» нагорно-карабахского конфликта¹⁶⁵. Представляется, что России в данной связи требуется обеспечить гласную превентивную поддержку Армении как надежного союзника в регионе Южного Кавказа и не допустить эскалации военной силы.

Следующий вопрос – ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии. Проблема «восстановления территориальной целостности Грузии» негласно считается в кавказском контексте проблемой двусторонних российско-грузинских отношений, фактором давления на Россию и выводится за рамки американского мандата на участие в решении вопросов региональной политики. В данной связи чрезвычайно важно исключить возможное педалирование данного вопроса со стороны международных сил и наращивать военно-техническое сотрудничество с молодыми республиками.

Важным условием сохранения внутрорегиональной стабильности является согласованность позиций всех государств Кавказского региона по предотвращению развития военного сценария вокруг Ирана. Аналитики полагают, что «боевые действия на иранском направлении, когда бы и в какой форме они не начались, не ограничатся территорией одного государства. Может быть спровоцировано, пусть и опосредованное, участие в конфликте центральноазиатских и кавказских соседей Ирана»¹⁶⁶. Таким образом, эта война создаст еще одну дополнительную угрозу безопасности региона, примыкающего к границам России и являющегося одновременно его частью.

Вызывает озабоченность военно-политические процессы в регионах, находящихся в непосредственной близости к Кавказу, в частности, обусловленные деятельностью «Исламского государства Ирака и Леванта».

¹⁶⁵См.: Израиль становится основным поставщиком оружия Азербайджану// Интернет-портал «Национальная безопасность». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalsafety.ru/n68598> . – Дата доступа: 11.05.2015.

¹⁶⁶ Российские эксперты об иранском кризисе // Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/1108-rossiyskie-eksperty-ob-iranskom-krizise>. – Дата доступа: 11.05.2015.

Безусловно, появление такого субъекта мировой политики еще не оказывает прямого влияния на военно-политическую обстановку непосредственно в Кавказском регионе, однако прогнозы экспертов по этому вопросу весьма неутешительны¹⁶⁷.

Можно предположить, что особую опасность группировка представляет для Азербайджана, большая часть населения которого исповедует шиизм, в то время как различного рода группировки, воюющие в Сирии и Ираке – сунниты. Кроме этого, организация недавно распространила карту стран, которые она намерена захватить и применить в них законы шариата. В карту включены территории Азербайджана и Турции¹⁶⁸. Очевидно, что на первой линии огня, будут два христианских государства Кавказа: Грузия и Армения. В конфликт автоматически включается и Российская Федерация, как гарант безопасности Армении, а также с учетом того, что большая часть населения северокавказских республик – мусульмане.

Таким образом, для обеспечения стабильности государствам региона логично вынести настоящую проблему на повестку дня. Деятельность ИГИЛ должна быть проанализирована экспертами - представителями всех государств Кавказского региона, на основании чего важно определиться с мерами по недопущению распространения идеологии ИГИЛ в регионе, а также превентивно выработать стратегию противодействия в случае проникновения боевиков ИГИЛ на Кавказ. Важно прийти к выработке единой позиции относительно мер борьбы с Исламским государством Ирака и Леванта.

¹⁶⁷ См.: «Исламское государство Ирака и Леванта» угрожает безопасности Южного Кавказа// Интернет-портал «Научное общество кавказоведов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/30/iraq-igil-ugrozhaet-bezopasnosti-uzhno-go-kavkaza.html>. – Дата доступа: 03.07.2015.

¹⁶⁸ См.: Терроризирующие Ирак боевики из группировки ИГИЛ планируют захватить Турцию и Азербайджан// Интернет-портал «AnalitikaUA.net». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://analitika.ua/net/2014/terroriziruyushhie-irak-boeviki-iz-gruppirovki-igil-planiruyut-zahvatit-turtsiyu-i-azerbaydzhan/>. – Дата доступа: 03.07.2015.

Иной вопрос, по которому должно быть достигнуто согласие между государствами региона, касается распространения оружия массового поражения. Уже на современном этапе требуется выработка и реализация комплекса мер по блокированию доступа всех участников военно-политической сферы региона к проектам ОМП. Это возможно лишь при реализации согласованной политики государств и государственных образований региона, консолидации действий по направлению ОДКБ, как фактора стабильности на Кавказе, а также при несомненном соблюдении норм международного права. Конкретными мерами могут явиться:

- экспертный обзор существующих мер коллективной безопасности по противодействию распространения оружия массового поражения в регионе Кавказа;

- совершенствование на этой основе международных договоров и соглашений, деятельности международных и региональных организаций по обеспечению противодействия распространению оружия массового поражения;

- детальный анализ национальных программ по обеспечению безопасности России с учетом потенциального «растекания» оружия массового поражения в Кавказском регионе;

- оптимизация усилий министерств и ведомств по противодействию военно-политическим процессам, связанным с распространением и производством оружия массового поражения.

В данной связи заметим, что современная ситуация, касающаяся распространения оружия массового поражения, требует включенности в процесс не только России и государств Кавказского региона, но мобилизации разноплановых усилий международного сообщества по контролю за производством и распространением оружия массового поражения.

Кроме этого, с точки зрения регионального баланса сил, вызывает тревогу деятельность Организации Североатлантического альянса на Кавказском направлении. Как показывает анализ ряда концептуальных

документов организации, в частности, «Гарантированный доступ к всеобщему достоянию»¹⁶⁹, «Возможные варианты будущей военно-политической обстановки в мире»¹⁷⁰, не исключено расширение географической, а также функциональной зон ответственности Альянса. В обновленной Стратегии Североатлантического союза, предусмотрено продолжение процесса трансформации блока из евроатлантической структуры в организацию, способную заниматься обеспечением безопасности в глобальном масштабе¹⁷¹.

Вышеперечисленное позволяет прийти к выводу, что деятельность Альянса на Кавказском направлении, включающая в себя ряд военных и невоенных вызовов, а именно, стремление обеспечить беспрепятственный доступ к глобальной транспортной инфраструктуре, контролировать сырьевые рынки, реализацию широкого военно-технического сотрудничества, порождает системные угрозы безопасности не только Российской Федерации, но и иным государствам региона. Такие основы деятельности следует рассматривать в совокупности с тем фактом, что НАТО действует, по сути, под эгидой США. Например, в одном из последних американских документов в области национальной безопасности – «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты для обороны XXI века», НАТО отведена ключевая роль в парировании военных угроз государству и достижения национальных интересов. В документе отмечается, что американское руководство готово задействовать военный потенциал Альянса в качестве ключевого силового института для

¹⁶⁹ См.: Assured Access to the Global Commons // Final report. Norfolk, 2011. April 3. P. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.act.nato.int/subpages/globalcommons-reports>. – Дата доступа: 03.07.2015.

¹⁷⁰ См.: Multiple Futures Project. Navigating towards 2030 // Final Report. London, 2009. April. P. 36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iris-france.org/docs/pdf/up_docs_bdd/20090511-112315.pdf. – Дата доступа: 03.07.2015.

¹⁷¹ См.: Встреча с офицерами, назначенными на высшие военные командные должности// Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46904>. – Дата доступа: 12.02.2015.

реализации стратегий Соединенных Штатов внешнеполитического и военного характера¹⁷².

Вышеперечисленные аспекты обуславливают необходимость активизации взаимодействия в рамках ОДКБ. Это представляется посильной задачей, поскольку Организация Договора о коллективной безопасности позиционируется в качестве структуры безопасности нового типа, ориентированной на совмещение трёх функций: противодействие традиционным внешним военным угрозам и нетрадиционным вызовам (борьба с наркотрафиком, незаконной миграцией, терроризмом и т.д.), а также миротворческая деятельность¹⁷³.

В условиях, когда официальными лицами фиксируется расширения зоны ответственности Североатлантического Альянса и роста его военных возможностей, нестабильная система региональной безопасности складывается со значительным перевесом в сторону НАТО. В Кавказском регионе государства-члены ОДКБ не реализует в полной мере возможности организации, что ярко показал конфликт августа 2008 г. Однако обстоятельства требуют, чтобы организация функционировала как интегрированная группа со стабильными связями между ее участниками. Для этого требуется:

- вынести на обсуждение вопрос, предполагающий прямую, либо опосредованную форму участия в ОДКБ Абхазии и Южной Осетии;
- разработать и утвердить общие концептуальные подходы к военному строительству, так называемые «стандарты ОДКБ». Это позволит повысить объемы российского военного экспорта и повысит влияние России в регионе;

¹⁷² См.: Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense // United States Department of Defense : website. Washington, 2012. P. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf. – Дата доступа: 03.07.2015.

¹⁷³ См.: Захаров В.М. К вопросу о миротворческом контингенте ОДКБ// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/1991-k-voprosu-o-mirotvorcheskom-kontingente-odkb>. – Дата доступа: 03.07.2015.

- утвердить межгосударственный язык общения, что будет способствовать развитию сотрудничества и в иных сферах (например, образовательной) существенно облегчит командование и управление войсками;

- выработать «концепцию общих угроз», в рамках которой будут определена иерархия общих угроз и вызовов государствам-членам организации.

Использование потенциала ОДКБ позволит в значительной мере укрепить российское военное влияние в регионе, активизировать развитие связей в военной сфере между государствами региона, нейтрализовать многие трансграничные угрозы, влиять на вопросы военного строительства на Кавказе. Возможности ОДКБ должны быть задействованы с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Вместе с тем, меры по расширению деятельности ОДКБ будут, безусловно, способствовать созданию более сбалансированной системы региональной безопасности на Кавказе.

Исходя из вышеперечисленного, можно сформулировать приоритеты стратегии России в деле создания стабильной системы безопасности в Кавказском регионе:

1. Удержание существующих опорных точек и военных плацдармов российского влияния.

2. Необходимость укрепления диалога с Южной Осетией, Абхазией, Арменией и выверенной дипломатии с Азербайджаном и Грузией.

3. Расширение военно-технического и военно-политического сотрудничества с государствами региона.

4. Укрепление таких структур, как ОДКБ, путем расширения внутриорганизационного сотрудничества, проведения военных учений, разработки механизма долевого финансирования мероприятий.

5. Своевременная разработка и принятие на вооружение высокотехнологичных средств ведения войны, по типам и количеству достаточных для гарантированного отпора агрессору.

II. Минимизация деструктивной активности нерегиональных субъектов военно-политических процессов

Военно-политическая обстановка в Кавказском регионе все более осложняется, что связано прежде всего со стремлением Соединенных Штатов вывести Россию из числа значимых геополитических игроков и сформировать геостратегический коридор для прямого выхода в Центральную Азию¹⁷⁴.

Такой вывод отечественных ученых вполне соотносится с мнениями американских военных аналитиков, которые рассматривают ведущие цели политики США в Кавказском регионе как:

- сдерживание России;
 - международная изоляция Ирана;
 - обеспечение такого уровня управления региональной ситуацией, который был бы достаточен для контроля за добычей и распределением энергоносителей, включая и принятие решений о маршрутах альтернативных (т.е. в обход территории РФ) трубопроводов;
 - поддержание и поощрение лояльности региональных союзников (Турция, Грузия и Азербайджан);
 - приобретение дополнительных возможностей для наращивания в случае необходимости американского военного присутствия, включая и заключение соглашений о размещении на территории стран региона военных баз и других объектов;
- б) укрепление региональной стабильности за счет поддержки процессов реинтеграции Абхазии и Южной Осетии в состав

¹⁷⁴ См.: Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в мире и некоторые военные угрозы России // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. д-ра экон. наук Г.Г. Тищенко, канд. экон. наук В.Е.Новикова; Рос. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2014. – С. С. 18-19.

Грузии, а Нагорного Карабаха - в состав Азербайджана с предоставлением им гарантий автономии¹⁷⁵.

Исключение или нейтрализация влияния Соединенных Штатов возможны при признании главными целями современной военно-политической стратегии Вашингтона на кавказском направлении противодействие интеграционным процессам России в евразийском пространстве. Это доказывает проводимая политика США в отношении Российской Федерации в Кавказском регионе, которая характеризуется следующими особенностями:

- стремлением США не допустить консолидации государств региона вокруг Российской Федерации как ведущей державы на постсоветском пространстве и появления в связи с этим сильного конкурента на мировой арене;

- необходимостью оказания сдерживающего воздействия на военное и экономическое сотрудничество России в Кавказском регионе в соответствии с планами реализации американских геостратегических интересов на постсоветском пространстве;

- использованием в своих целях противоречий между новыми независимыми государствами для создания очагов напряженности на Кавказе и ослабления влияния на них России;

- намерением добиться включения кавказских стран в евро-атлантические структуры в качестве альтернативы российской интеграционной идее.

Можно предположить, что такая стратегия Штатов будет реализована под прикрытием различных проектов укрепления режима региональной безопасности и международного контроля энергоресурсов Каспия.

¹⁷⁵ См.: R. Craig Nation. Russia, the United States, and the Caucasus. February 2007// Strategic Studies Institute (SSI). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub764.pdf>. – Дата доступа: 21.11.2014.

Интересен факт, что в годы блокового противостояния американский адмирал А. Берк писал относительно размещения военной инфраструктуры США следующее: «Наши войска и базы, корабли и силы авиации представляют собой трамплин для прыжка против Советской России. Они развернуты таким образом, что окружают Россию практически со всех сторон. Посмотрите на карту мира, и вы убедитесь, что они напоминают готового в любой момент захлопнуть челюсти огромного крокодила»¹⁷⁶. Представляется, что такая постановка вопроса сохраняется и сегодня. Деятельность США в Кавказском регионе является частью этой политики. В данной связи, текущую военную стратегию России на Кавказе с высокой долей вероятности можно назвать успешной.

Военно-политический баланс сил в регионе, изменившийся в корне после августа 2008 г., доказывает, что в военном отношении безопасность России надежно обеспечена. Создание и последующее наращивание самой крупной в РФ группировки войск, которое в определенный период связывалось с необходимостью проведения контртеррористических операций на Северном Кавказе, явилось мощным фактором блокирования потенциальной военной угрозы со стороны Грузии и стратегического сдерживания Турции (вне рамок НАТО) и Ирана. Вместе с тем, сегодня российская группировка обеспечивает проекцию силы (в сочетании с силами Черноморского флота РФ и Каспийской флотилии) на регион Ближнего Востока, Черноморский и Каспийский регионы, а также на Центральную Азию. Немаловажен и факт создания на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградской областей авиационных полков, часть из которых организационно вошла в структуру 1-й гвардейской

¹⁷⁶ Милитаризм: цифры факты. Справочник. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1985. – С. 16.

смешанной авиационной дивизии¹⁷⁷, а также модернизации боевых соединений в рамках оперативно-стратегического командования «Юг»¹⁷⁸.

Однако возникает иной вопрос. Военная стратегия Соединенных Штатов по отношению к конкурентам в современных условиях приобретает не «военное», а «информационное» измерение. Используются не столько военные методы достижения национальных интересов, сколько методы несиловой, бесконтактной информационно-психологической борьбы. Реализация национальных идей осуществляется через «стратегии непрямых действий» - технологии разрушения основ государственности и управления кризисами, которые оцениваются внешним наблюдателем как хаос¹⁷⁹. В данной связи уместна цитата одного из участников проекта США «Большой Ближний Восток» Ральфа Петерса: «Оккупация иностранных государств начинается с Голливуда и «Макдоналдса», а заканчивается появлением «Мак-Дональд Дугласа», ракетами «Томогавк» и установкой флага»¹⁸⁰.

Сегодня в Кавказском регионе ведется активная деятельность зарубежных неправительственных организаций и фондов, большинство из которых вовлекают население (большой частью - молодежь) в проекты

¹⁷⁷ См.: Первая гвардейская авиадивизия сформирована в ЮВО. // Информационный портал РИА-Новости. 10.12.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/defense_safety/20131210/983101092.html. . – Дата доступа: 21.11.2014.

¹⁷⁹ По определению В.В. Карякина, стратегия непрямых действий – это особая технология осуществления геополитической борьбы, ориентированная на завоевание господства над «вражеским» государством на основе установления всеохватывающего и при этом скрытого контроля над механизмом формирования и практической реализации внутренней и внешней политики страны, ее политико-управленческой, социально-экономической, оборонной, культурно-идеологической и другими ключевыми сферами, а также самими процессами ее дальнейшего развития путем использования для решения такого рода задач специально разработанных «непрямых» организационных воздействий и мероприятий «манипулирующего» и «подрывного» характера. См.: Карякин В.В. Хаосомятеж – символ наступившей эпохи// Интернет-портал «Национальная оборона». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml>. – Дата доступа: 21.11.2014.

¹⁸⁰ Maj. Ralph Peters, «Constant Conflict», Parameters. US Army College Quarterly, summer 1997, p. 14.

идеологической направленности, которые в дальнейшем и являются отправной точкой деструктивных военно-политических процессов.

Следует отметить, что деятельность таких структур размывает порог между военными и невоенными формами и способами противоборства государств, так как направлена на создание благоприятной информационной среды для оказания непосредственного влияния на социум как внутри страны, так и за рубежом. Можно согласиться с исламоведом Д. Халидовым, который полагает, что «элементы «стратегии» очевидны в России, в частности, на Северном Кавказе»¹⁸¹.

Однако неверно ограничиваться Россией - на территории всех государств Кавказского региона все более активно проявляется деятельность широкого спектра негосударственных структур, распространяющих идеологии различной направленности. Дипломат Ф. Станевский обращает внимание на то, что «Американский посол в Армении имеет в распоряжении 50 млн. долларов для финансирования антироссийских акций. Россия в этом смысле никакой работы не ведет, а она необходима»¹⁸².

Между тем, в Кавказском регионе уже сложены социально-экономические условия, при которых были дестабилизированы и в дальнейшем свергнуты политические режимы в Северной Африке, на Ближнем Востоке. К таким условиям представляется возможным отнести:

- высокие темпы роста численности населения с преобладанием молодежи в общей структуре;
- низкий образовательный уровень коренного населения, позволяющий манипулировать массами;

¹⁸¹ Халидов Д. Ш. Северный Кавказ: вялотекущая гражданская война // Интернет-портал «Военное обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://topwar.ru/1761-severnyj-kavkaz-vyalotekushhaya-grazhdanskaya-vojna.html>. – Дата доступа: 21.11.2014.

¹⁸² Станевский Ф. Выступление на конференции «Геополитические итоги «августовской войны»// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.riss.ru/actions/2073-geopoliticheskie-itogi-avgustovskoj-vojny#.UvTIufl_ujk. – Дата доступа: 21.11.2014.

- растущее недовольство коррумпированностью государственных служащих и силовых структур;
- высокий уровень социальной дифференциации и бедности;
- популяризация с помощью СМИ «иногo» образа жизни;
- наконец, широкое распространение Интернета и современных средств коммуникации.

В таких обстоятельствах государство в принципе не способно обеспечить безопасность граждан, поскольку «общество тогда находится в безопасности, когда оно имеет возможность жить и развиваться в условиях свободы, осуществлять свое право на политический, социально-экономический и духовный выбор. Но если общество лишено возможности жить в соответствии со своими фундаментальными ценностями, и уверенно развиваться, то едва ли правомерно утверждать, что оно находится в безопасности»¹⁸³. Поэтому чрезвычайно важно минимизировать или, по возможности, устранить деструктивное влияние внешних сил.

Итак, при оценке военно-политического процесса и порождаемых им угроз, чрезвычайно важно не упустить геополитическое содержание политики главных действующих субъектов. Это позволит подойти к выработке государственной политики, как во внешней, так и во внутренней области, системно, чётко обосновав стратегические цели, задачи, необходимые силы и средства, а также способы их применения для достижения целей и решения задач.

В условиях Кавказского региона в приоритете государственной политики должен находиться внешний дестабилизирующий обстановку фактор, каким в настоящий момент является влияние США. С учетом реализуемых Штатами стратегий, внимание должно уделяться срыву конкретных информационных операций противника, осуществляемому информационно-психологическому давлению, а также нейтрализации

¹⁸³ Тюшкевич С.А. Безопасность – императивное условие существования и развития // Военно-философский вестник. – 2012-2013. - N 6-7. - С. 52.

негативных последствий этого давления. Как отмечает И.А. Николайчук, необходима «организация слежения и периодического анализа качественных и количественных характеристик информационной обстановки»¹⁸⁴. Причем это актуально, как для Закавказских государств, так и для республик Северного Кавказа.

В целом, для отстаивания национальных интересов безопасности государства в Кавказском регионе с точки зрения нейтрализации внешнего конкурирующего влияния России следует выверить вектор сотрудничества и предпринять комплекс политико-дипломатических мер для наращивания взаимодействий в различных сферах.

Представляется, что отношения со странами региона следует строить, прежде всего, исходя из политических и экономических интересов государства, тогда как военная составляющая курса государства должна служить обеспечивающей базой достижения поставленных экономических целей.

Необходимо продолжить работу, направленную на формирование в государствах Кавказского региона позитивного имиджа России посредством «мягкой» и «умной» силы. Эксперты предлагают понимать такой комплекс мер как «способность государств привлекать на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности государственных институтов»¹⁸⁵.

Целесообразно активизировать деятельность, направленную на формирование в государствах региона пророссийской военной элиты. В частности, «предложить российскую стратегию реформирования подготовки военных кадров, расширить обучение офицеров в российских высших военных учебных заведениях на безвозмездной основе, по подготовке в

¹⁸⁴ Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Монография/ И.А. Николайчук; Рос. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2015.- С. 41.

¹⁸⁵ Nye J. The Means to Success in World Politics. NY. 2004.

российских учебных военных заведениях военных кадров, приступить к осуществлению ряда совместных проектов по созданию общей учебно-материальной базы»¹⁸⁶.

Можно предположить, что вытеснение основного геополитического соперника станет возможным в том случае, если Россия окажется способной предложить более привлекательные политические и экономические проекты, варианты военно-технического сотрудничества. В перспективе это позволит «направленно развивать» своих соседей и конкурентов». И реализация такой стратегии невозможна без опережающего развития человеческого потенциала – основы формирования новой экономики знаний, информационного общества¹⁸⁷.

III. Борьба с терроризмом во всех его проявлениях

Проблема терроризма является одной из наиболее сложных, поскольку сопряжена не только с террористической активностью, но также с религиозным экстремизмом, наемничеством, незаконной миграцией, наркопреступностью и иными проявлениями политической активности негосударственных субъектов военно-политических процессов. При этом противодействие террористической деятельности – это лишь одна сторона проблемы. Гораздо важнее бороться с причинами терроризма.

Антитеррористическая деятельность в любом случае включает в себя силовой компонент. Между тем его роль в государствах, противостоящих террористической угрозе, не равнозначна.

Российскую антитеррористическую политику на Северном Кавказе логично отнести ко второй группе. Подобная практика имеет серьезное теоретическое обоснование. Так, некоторые зарубежные эксперты полагают,

¹⁸⁶ Ермаков С.М. Военно-политические угрозы безопасности России со стороны НАТО// Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. д-ра экон. наук Г.Г. Тищенко, канд. экон. наук В.Е.Новикова; Рос. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2014. – С. 79.

¹⁸⁷ См.: Подберезкин А.И., Большова Н.Н, Подберезкина О.А. Современные университеты – кузница идей, технологий и креативного класса// Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2. - С. 231.

что «основным средством защиты от эскалации терроризма остается страх возмездия со стороны армии государства»¹⁸⁸.

В русле такой логики, террористы приравниваются к иным группам преступников, применительно к которым «как вероятность, так и жестокость наказания снижают ожидаемый выигрыш преступника, и, соответственно, вероятность того, что он совершит преступление»¹⁸⁹. Вместе с тем, данная политика не свободна от ряда противоречий.

Во-первых, специфика терроризма состоит в том, что извлечение корыстной материальной выгоды далеко не всегда является причинами вступления в ряды террористов (например, для террориста смертника причины носят нематериальный характер).

Во-вторых, террористы сильны поддержкой своих сторонников, их материальной и организационной подпиткой, дополнительным притоком новых членов террористических группировок. Это является причиной того, что ряды террористов пополняются борцами против жесткой политики государства. Как отмечают исследователи проблемы, «неясно, приводит ли реакция силового подавления терроризма к усилению поддержки власти или оппозиции»¹⁹⁰. Лидеры экстремистских группировок оказываются заинтересованными именно в такой антитеррористической политике государства. Что касается мирного населения, то оно в результате страдает и от политики подпольных групп, и от репрессивных мер со стороны властных структур, оказываясь, по факту между противоборствующими сторонами.

В-третьих, жесткий курс на борьбу с терроризмом может произвести так называемый «эффект бумеранга». Собственно, об этом заявляют и сторонники силового варианта: «реальная и масштабная угроза терроризма создает у властей сильный соблазн воспользоваться законными

¹⁸⁸ Лисин В.С, Яновский К.Э. Институциональные ограничения современного экономического роста. М.: Дело, 2011. С. 178.

¹⁸⁹ Там же. С. 176.

¹⁹⁰ Crenshaw M. Thoughts on relating terrorism to historical contexts// Terrorism in Context. P.21.

требованиями избирателей по ужесточению борьбы с преступниками террористами»¹⁹¹.

В-четвертых, жесткие меры борьбы с терроризмом не устраняют его идейную составляющую, которая и является причиной вступления в ряды террористов. Такой идейной составляющей в настоящее время все чаще избирается идеология исламского радикализма, что влечет еще более серьезные последствия. В общественном сознании формируется связь между исламом и экстремизмом, ответственность религии за террористические акты с огромными человеческими жертвами. Это очевидно, как из результатов социологических опросов¹⁹², так и из фактического обострения межконфессиональных отношений в Кавказском регионе. Нельзя не согласиться с утверждением, что «...в общественном сознании терроризм прочно ассоциируется с зеленым знаменем ислама и автоматом Калашникова»¹⁹³.

Таким образом, стратегия жестких силовых мер несвободна от недостатков. Однако силовой компонент в антитеррористической политике неустраним и необходим.

Между тем многочисленные российские исследователи все чаще склоняются к «экономической стратегии» противодействия терроризму. Они придерживаются позиции, что такие проблемы, как терроризм и религиозный экстремизм объясняются исключительно бедностью, безработицей и другими сугубо экономическими факторами¹⁹⁴. Однако вызывает сомнение обстоятельство, что, если предоставить населению рабочие места, террористическая активность будет поражена. Разумеется, создание

¹⁹¹ Лисин В.С, Яновский К.Э. Институциональные ограничения современного экономического роста. М.: Дело, 2011. С. 171.

¹⁹² См.: Эммануилов Р, Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М.: Мосты культуры, 2011. С. 58, 60.

¹⁹³ Хакимов Р.С. Джадидизм (реформированный ислам). Казань: Институт истории АН РТ, 2010. С.100.

¹⁹⁴ См.: Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. М.: Логос, 2011. - С. 77.

соответствующих экономических условий весьма важно для нейтрализации проблемы, однако недостаточно.

Представляется, что при такой постановке проблемы из поля анализа исчезает вопрос, социальный ресурс какого качества и будет ли задействован в реализации экономических проектов. Это приводит автора к необходимости зафиксировать основные социально-экономические факторы, продолжающие оказывать влияние на перетекание социально активного населения в лоно террористов.

Во-первых, неблагоприятный климат на рынке труда в регионе, который связан с опережающим ростом численности трудовых ресурсов по сравнению с количеством вновь создаваемых рабочих мест; отсутствием достаточного количества постоянных рабочих мест в сельской местности; определенными трудностями с трудоустройством и направлением на обучение отдельных социально-демографических групп населения (молодежь, женщины, инвалиды). Настоящие тенденции ведут к избытку рабочих мест. При этом, перманентной причиной снижения темпов экономического роста является отток образованной элиты из региона¹⁹⁵.

В условиях, когда уровень безработицы в регионе в 4-5 раз выше среднего российского уровня («Безработица для Кавказа — проблема номер один. При уровне безработицы в стране 5,2-5,3% в этом регионе она составляет 20-25%»¹⁹⁶), в структуре населения преобладают сельские жители, а по возрастному составу - дети и подростки до 16 лет. Многие жители трудоспособного возраста, которые остаются без работы, составляет молодежь до 30 лет. Экономическая нестабильность в свою очередь связана с усилением экстремистских настроений. В результате, молодое активное население включается в ряды террористов, наемников и наркобизнес.

¹⁹⁵ См.: Романов И.А. Территориальные приоритеты внутренней политики России: Дальний Восток и Северный Кавказ: Аналитические обзоры РИСИ. – М.: РИСИ, 2014. – Вып. 3. – С. 6.

¹⁹⁶ См.: Безработица на Кавказе в 4-5 раз выше среднего российского уровня // Интернет-портал «Kavkasia.net» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kavkasia.net/Russia/2012/1356045902.php>. – Дата доступа: 23.11.2014.

Во-вторых, немаловажным аспектом является качество и эффективность деятельности властных институтов. Известно, что генератором стабильного развития (или деградации) страны является ее правящий класс. Когда местные властные элиты национально ориентированы, все задачи устойчивого безопасного развития государства последовательно и успешно решаются; но при наличии коррумпированной высшей управленческого класса, настроенного на личное обогащение и, ни о каком поступательном развитии страны, и тем более о должном уровне безопасности не может быть и речи. Это обуславливает необходимость первостепенного сосредоточения внимания на кадровых решениях в северокавказских республиках.

Ученый Соловьев А.И. в данной связи отмечает: «Приватизация» власти узким слоем лиц сопровождается концентрацией власти, расширением зоны администрирования (включая огосударствление и бюрократическое рейдерство на всех ресурсных площадках), вытеснением из политики активных гражданских структур, снижением контроля за бюрократией»¹⁹⁷.

Думается, что основа такого распределения властных полномочий имеет свой «формат» на Кавказе, и заключается в приватизации функций в сфере безопасности, а также дисперсии источников выработки политических решений. В результате такие деятели все чаще вносят свой вклад в нестабильность, в отдельных случаях – связаны с преступными группировками и террористическими организациями.

В-третьих, не спадает активность ряда зарубежных структур, направленная на перетекание молодежи в ряды террористов и экстремистов.

По мнению отечественных исследователей, «для привлечения северокавказской молодежи вербовщиками экстремистских течений уже

¹⁹⁷ Соловьев А.И. Способность и состоятельность Российского государства: к постановке проблемы // Политическая наука, научный журнал/ РАН. ИНИОН. ЦСНИИ. М., 2011. № 2. – С. 137.

более чем двадцати лет используются две основные информационно-идеологические модели как бы два геополитических проекта для региона: 1) арабо-исламистский, он же панисламистский; 2) пантюркистский, или турецкий. Но это только кажущийся выбор, потому что за обеими модификациями давно стоят цели США-НАТО и проекта «Большой Кавказ»¹⁹⁸.

Все вышеперечисленное обуславливает недостаточность реализации «экономического» или «силового» подавления терроризма. С точки зрения автора исследования, эффективными могут быть лишь комплексные проекты, интегрирующие силовую, социальную и экономическую стратегии. Особняком стоит вопрос включенности и заинтересованности местных властей в успешной реализации антитеррористической политики государства.

Извлечь соответствующие уроки в данном направлении позволяет опыт Перу начала 1990-х гг., когда успехи в борьбе с террористической маоистской группировкой были достигнуты благодаря сочетанию силовых и экономических компонентов в проведении антитеррористической политики, а главным образом – благодаря проведенным в стране институциональным образованиям. Помимо серьезного силового компонента, предлагаемые реформы были направлены на снижение административных барьеров в хозяйственной сфере.

Протекание террористической активности на Северном Кавказе усугубляется неравновесностью военно-политической обстановки на Южном Кавказе и государствах, граничащих со странами региона – Турецкой Республикой, Исламской Республикой Иран; военно-политическим кризисом на Украине; опасностью, которую в себе заключает Исламское государство Ирака и Леванта. Значимость противодействия терроризму особенно важна в

¹⁹⁸ Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе/ Под ред. И.П. Добаева. 2010. С. 125.

связи выводом коалиционных сил НАТО из Афганистана. Иначе говоря, проблема комплексная и в этом отношении угрозы национальной безопасности России будут только возрастать.

С учетом того, что растет вероятность попадания террористам ядерного оружия, вышесказанное обуславливает необходимость противодействия экстремистской активности не только на территории России - высока актуальность выработки многоплановых, коллективных и согласованных мер региональных акторов, усилия которых должны быть направлены не на устранение последствий, а на искоренение причин террористической активности в Кавказском регионе. Это позволяет прийти к выводу, что террористическая угроза требует разработки нового правового базиса.

В новом звучании, представляется, специфическое значение терроризма нуждается в пересмотре и адаптации к новой среде безопасности, в которой доминируют контрповстанческие и контртеррористические операции. В данной связи С.Б. Иванов отмечает: «Позиция России по вопросу о необходимости борьбы с международным терроризмом четкая и однозначная - международный терроризм должен получить отпор везде и во всех его проявлениях»¹⁹⁹.

К этому следует добавить, что ситуация требует комплексного подхода к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, при котором предусматривались бы меры не только регулирующего и запретительного, но и профилактического характера²⁰⁰.

При борьбе с терроризмом и выработке приоритетов безопасности России следует учитывать, что субъектами военно-политических процессов, связанных с терроризмом и экстремизмом, являются неконвенционные или

¹⁹⁹ См.: Иванов С.Б. Вооруженные силы России и их роль в обеспечении военной безопасности страны // Интернет-портал «Federalbook.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-12/I/Ivanov.pdf>. – Дата доступа: 05.06.2015.

²⁰⁰ См.: Атрошков П.А., Лутовинов В.И. Противостоять религиозно-политическому экстремизму и терроризму// Интернет-портал «Ni-journal.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ni-journal.ru/archive/d540f25a/n4-2013/942bee79/e3442d3a/-print=1.htm>. – Дата доступа: 05.06.2015.

надгосударственные субъекты²⁰¹. Они определяют свои «правила игры» которые регулируют их деятельность вне признаваемых обществом и государством норм и конвенций. Такие субъекты военно-политических процессов варьируются от региональных или наднациональных правительств, неправительственных организаций, религиозных групп, коммерческих и криминальных структур до социальных движений и местных организаций и используют все имеющиеся ресурсы для упрочения своего влияния и стремятся заполучить еще более значимые рычаги воздействия.

На основании проведенного анализа, представляется возможным сформулировать наиболее приоритетные меры борьбы с терроризмом в Кавказском регионе:

- расширение взаимодействия между государствами и государственными образованиями Кавказа, органами государственной власти РФ, субъектов Северо-Кавказского региона и религиозных объединений по всем направлениям сотрудничества, связанным с проявлениями терроризма, включая религиозный экстремизм, наемничество, бандитизм и иные формы;
- блокирование действующих на данной основе и вновь создаваемых неконституционных военных и военизированных структур;
- принятие политическим руководством решительных мер по перекрытию каналов финансирования террористов из-за рубежа и из местных источников;
- совершенствование правовой базы, укрепление деятельности специальных служб, а также активизация идеологической работы по блокированию терроризма, как уголовного проявления;

²⁰¹ Прим. авт.: Под негосударственными субъектами обычно понимают группы или организации, которые находятся вне рамок формальных структур какого-либо государства, не ограничены государственными границами и действуют вне контроля какого-либо государства и не будучи преданными какому-либо государству. Примерами негосударственных субъектов выступают международные организации, политические партии, криминальные организации, неформальные вооруженные группы, такие как повстанческие или террористические организации, неформальные вооруженные организации и частные военные компании.

- принятие мер, препятствующих использованию Кавказского региона как «перевалочной базы» для распространения различных экстремистских течений, питающих терроризм.

IV. Противодействие политизации религии

Данное направление вынесено в приоритет обеспечения национальной безопасности России в Кавказском регионе, поскольку именно идеологический базис религиозного экстремизма является ведущей силой дестабилизации обстановки на Кавказе и влияет на векторы развития военно-политических процессов в нем.

Кроме этого, появился ряд обстоятельств, проявившихся в связи с активизацией в 2013 г. деятельности Исламского государства Ирака и Леванта, и требующих превентивной реализации мер по противодействию распространения идей радикального ислама в Кавказском регионе.

Религиозно-политические процессы последних лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения радикальных форм политизации ислама. Если на рубеже десятилетий распространение влияния «Имарата» было сосредоточено на «мусульманские» территории – Поволжье, Урале и Западную Сибирь, Татарстан, то последние год - два наблюдается появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей. Это следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании исламизма по территории страны. Если ее проигнорировать, то вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Безусловно, в борьбе с радикальным исламом силовой элемент несет основную нагрузку. Следует признать, что возвращением к стабильности на Кавказе за последнее десятилетие федеральная власть в большей степени обязана силовым структурам, чем гражданским общественно-политическим

организациям и их чиновникам. Это позволяет согласиться с аналитиками, которые полагают, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют «исламские аналитики»..., а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для «исламских диссидентов», как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских интернет-ресурсах, являются не чем иным, как оправданием ваххабизма»²⁰².

И все же меры запретительно-силового характера не позволяют органам власти в полном объеме контролировать этот вопрос, поскольку из-за доминирования силовой составляющей, религиозно-экстремистскими силами развязана борьба ответная – борьба против представителей правоохранительных органов. Поэтому воздействие репрессивными мерами логично позиционировать как способ борьбы с проявлениями, тогда как борьба с идеями должна проходить в рамках политико-правового и информационно-пропагандистского пространств. Именно это позволит лишить экстремистские группировки социальной базы. Рассмотрим каждое из направлений подробнее.

Существующая система российского законодательства содержит достаточно широкий набор правовых норм, позволяющих эффективно противодействовать религиозному экстремизму²⁰³. Однако на современном этапе противодействие растеканию идеологий радикального ислама сложно организовать ввиду объективных причин – экстремистами в полной мере используется интернет-пространство, в частности, социальные сети, где и происходит вербовка в ряды радикалов. Опасность заключается и в том, что вербуются, в основном представители молодежной социально-возрастной группы. Таким образом, этот сегмент является полем для устранения

²⁰² См. напр.: Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4.

²⁰³ См. напр.: ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ; ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 27.07.2006).

пробелов законодательства, что должно быть сделано в приоритетном порядке.

Кроме отмеченного обстоятельства, следует обратиться к правоприменительной практике. Она показывает, что в системе российского законодательства существуют проблемы, требующие корректировки закрепленных положений, усиления административно-управленческой и контрольно-надзорной деятельности, и, безусловно, обеспечения неотвратимости наказания, соразмерного тяжести содеянного виновным²⁰⁴.

Ситуация осложняется тем, что в государстве сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби»²⁰⁵. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему «гонений на ислам» в России в федеральном масштабе»²⁰⁶.

Показателен пример Дагестана, где 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против Российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам, от 10 до 17 % от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 г., когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек»²⁰⁷.

С точки зрения автора, это является крайне негативным моментом. Представляется, что государственные институты Российской Федерации должны выстраивать систему сотрудничества с традиционалистски

²⁰⁴ См.: Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. М.: Логос, 2011. - С. 125.

²⁰⁵ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. 2012. 25 июля

²⁰⁶ Об этом см.: Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. 2013. 20 февр.

²⁰⁷ Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bs-kavkaz>. – Дата доступа: 11.05.2015.

ориентированным духовенством, а не радикальным ее крылом. Только это предоставит дополнительные возможности в противодействии политизации религии.

В информационно-пропагандистском плане основная задача - это воспитание населения в духе национальной и религиозной терпимости, непринятия идеологии религиозно-политического экстремизма.

Важным направлением такой работы будет ликвидация религиозной безграмотности молодежи. Видится, что это должно явиться основной превентивной мерой по предотвращению внедрения в Россию идей религиозного экстремизма из-за рубежа и его распространения. Настоящий аспект является чрезвычайно важным, поскольку, как утверждают исследователи, «в регионе ощущается нехватка или даже отсутствие исламских богословов, способных на высоком профессиональном уровне разработать и предложить сообществу верующих религиозно-философские теории, выполненные с учетом новых мировых реальностей. Вся религиозная исламская литература, вышедшая в свет после 1991 г., является сугубо догматической или апологетической»²⁰⁸.

С учетом высокой доли верующий в государствах Кавказского региона, все вышеперечисленное приводит к необходимости подготовки высокообразованных служителей культа, создании новых исламских центров и совершенствование уже существующих, призванных осуществлять подготовку мусульманских священнослужителей в духе традиционной религии. В этом направлении следует совершенствовать систему религиозного образования в России, что должно осуществляться строго в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и исключать привлечение к образовательному процессу лиц с экстремистскими взглядами.

²⁰⁸ Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. М.: Логос, 2011. - С. 126.

Чрезвычайно важное направление в борьбе с радикальным исламом – это полномасштабный диалог с государствами Кавказа о формировании комплекса правил, при которых субъекты религиозного экстремизма будут ограничены в возможностях передвижения, осуществления пропагандистской деятельности и тем более официальной регистрации на территории любого государства региона.

Что касается начального этапа борьбы с распространением экстремистских идеологий в Кавказском регионе, то с точки зрения автора, приоритетные меры должны быть направлены на:

- внимание к усилению позиций и наращиванию деятельности проповедников радикального ислама, зачастую мигрирующих по государствам исламского мира;

- устранение прямого доступа к фанатичным лидерам и вербовщикам, организующим вооруженные акции и проекты радикального националистического толка;

- усиление позиций представителей традиционных религиозных общин, организация их диалога с социальными группами;

- «построение принципов работы национальных информационных органов таким образом, чтобы они осуществляли положительное влияние на консолидацию населения страны на решение стоящих перед ней геополитических задач и укрепление культурно-конфессиональной идентификации и консолидации населения»²⁰⁹.

- укрепление международных аспектов этноконфессиональной политики РФ на Кавказе.

V. Снижение уровня межнациональной напряженности

Мультиэтничность государств Закавказья и северокавказских республик обуславливает сосредоточение внимания на снижении уровня

²⁰⁹ Карякин В.В. Информационные войны и угрозы безопасности// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.riss.ru/analitika/2141-informatsionnye-vojny-i-ugrozy-bezopasnosti#.UvEJ3fl_ujk. – Дата доступа: 11.05.2015.

этнонациональных противоречий и блокирование этносепаратистских тенденций.

В условиях неблагоприятной экономической ситуации в Армении, агрессивные настроения стимулируются призывами и лозунгами, и по факту стали источником дестабилизации социальной жизни в регионе и военно-политического напряжения РФ.

Сохраняется внутривнутриполитическая нестабильность в Грузии, где ухудшается социально-экономическая ситуация. Существуют сепаратистские настроения в Самцхе–Джавахетии (с перспективой вхождения в состав Армении), в Квемо–Картли (с перспективой вхождения в состав Азербайджана), в Аджарии (с перспективой вхождения в состав Турции).

Сохраняется значительное число радикальных группировок на Северном Кавказе, где наблюдается тенденция сращивания этнонациональных сепаратистских движений с радикально-исламистскими. Как отмечает эксперт Амелина Я.А.: «В будущем это может привести к полному слиянию националистов с фундаменталистами при идейном преобладании последних». Логично предположить, что если события будут развиваться в таком направлении, то в пространстве региона резко увеличится вероятность возникновения конфликтов, в том числе и вооруженных, с перспективами их эскалации»²¹⁰.

Зафиксируем круг аналитических структур, участвующих в раздувании этнонациональных проблем на Кавказском направлении:

- 3 марта 2011 г. в Московском центре Карнеги (российский филиал известной американской организации по анализу проблем внешней политики «Фонд Карнеги за международный мир») был проведен семинар «Черкесский вопрос и Сочи». В озвученных докладах прослеживается единая нить: проведение Игр в Сочи – одна из наиболее очевидных причин роста

²¹⁰ Амелина Я. О росте исламистской угрозы на Северном Кавказе и в Поволжье в связи с приходом к власти в ряде стран салафитов// Интернет-портал «Этнорелигиозные исследования в Поволжье». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/14/393/>. – Дата доступа: 11.05.2015.

национализма на Северном Кавказе, в частности, черкесского национализма²¹¹.

- в феврале 2011 «Центр за американский прогресс», известный своей приверженностью к принципам либерализма, опубликовал доклад «За более инициативный подход США к конфликтам вокруг Грузии». К докладу содержатся оценки военно-политической ситуации вокруг грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов²¹².

- 31 марта 2011 г. политологическая организация «Центр стратегических и международных исследований» опубликовала аналитический обзор «Северный Кавказ: нестабильный рубеж России», посвященный ситуации на Северном Кавказе. В обзоре приводится общая динамика ситуации в сфере безопасности в регионе, прежде всего с точки зрения проявлений сепаратизма и экстремизма²¹³.

Таким образом, складывается картина не слишком изощренной, но отлично скоординированной информационно-пропагандистской кампании, предметом которой является раздувание этнонациональных противоречий и стимулирование этносепаратизма.

Кроме американских неправительственных фондов и организаций, активные действия в данной сфере фиксируются со стороны Турецкой Республики. Деятельность турецких неправительственных организаций носит не только образовательный, культурный и просветительский характер,

²¹¹ См.: Капаева А. В Европарламенте в Брюсселе пройдет День черкесской культуры // Информационное агентство «NatPress». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://natpress.net/index.php?newsid=8925>. – Дата доступа: 11.05.2015.

²¹² См.: Charap S., Welt C. A More Proactive U.S. Approach to the Georgia Conflicts. Washington D.C.: Center for American Progress, February 2011. 70 p. В июне 2011 г. Институт международных исследований МГИМО представил русскую версию доклада с экспертными комментариями: «Проблемы безопасности на Южном Кавказе: российско-грузинские отношения и перспективы долгосрочного урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов» // Аналитические доклады №3 (27), июнь 2011. М.: МГИМО, 2011. - 36 с.

²¹³ См.: Kuchins A., Malarkey M., Markedonov S. The North Caucasus: Russia's Volatile Frontier, Center for Strategic and International Studies, March 2011. 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://csis.org/files/publication/110321_Kuchins_NorthCaucasus_WEB. – Дата доступа: 11.05.2015.

и направлена, в основном, на эмансипацию этнического фактора в Турции, создание для выходцев из Кавказского региона благоприятных адаптационных условий, отстаивание прав и свобод. Среди них можно отметить:

- Федерация Кавказских обществ в Турции (KAF-DER), объединяет около 60 региональных организаций и является своего рода «кавказским интернационалом» в Турции»;

- Федерация Хасэ «Единство Кавказа», в которую входит около 20 различных организаций. В 2009 г. ими было подписано обращение к членам Олимпийского комитета с требованием «не проводить Игры в Сочи»

- Фонд «Кавказ» и его молодежное крыло «Кавказский форум». Обе организации выступали одними из учредителей лоббистской группы «Нет Сочи-2014». Активисты молодежной организации инициируют ежегодные протестные акции у российского посольства с требованием признать «геноцид черкесов».

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что многочисленные неправительственные организации, фонды и разного рода структуры, педалирующие расшатывание национального вопроса, являются прямыми субъектами формирования общественного мнения как в Закавказье, на Северном Кавказе, так и в центральной части России. Это вновь приводит к тезису, что недопустимо идти на поводу у сил, которые стремятся использовать этнический фактор как идеологический базис военно-политического процесса на Кавказе, и тем самым столкнуть Россию с государствами региона или потворствовать распространению радикальных идеологий внутри государства.

Механизм, обеспечивающий урегулирование этнонациональных противоречий, представляет собой сложную систему, компонентами которой являются:

- организационные структуры (институты власти и другие государственные учреждения, политические партии и движения,

общественные организации, религиозные объединения и самодеятельные образования населения);

- установления, регулирующие поведение индивидов, социальных групп и их институтов (международное право, национальное законодательство, общественная мораль, религиозные заповеди, профессиональная этика, идеологические установки, обычаи, традиции и др.);

- характер и способы действия (побуждение, сдерживание, принуждение конфликтующих сторон или – по другому основанию классификации – предупреждение, локализация, прекращение);

- принимаемые практические меры (декларации и заявления, санкции к одной или обеим противоборствующим силам, миротворчество, налаживание переговорного процесса, подавление и т.д.)²¹⁴.

Применительно к Кавказскому региону политика по обеспечению межнационального мира и гражданского согласия должна быть адаптированной к решению современных конфликтов на этнонациональной основе. Ее основы должны содержать:

1. Комплекс мер политико-правового характера. Опыт СССР, как и постсоветской России уже очевидно показал, что старые принципы национальной политики, дополненные мультикультурализмом, действуют лишь как механизм дезинтеграции. Результатом её проведения стало то, что граждане России уже сейчас отличаются невероятно низким уровнем гражданской солидарности и взаимного доверия. На современном этапе требуется определиться с комплексом конкретных политико-правовых мер. Здесь важно учитывать, что управление на Кавказе преломляется в обычаях и традициях народов этого региона, что отражается на гражданской активности

²¹⁴ Шевцов В.М. Этноконфессиональные конфликты: политический механизм урегулирования// Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pb.littera-n.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=294:2012-05-30-09-00-03&catid=36:2010-03-12-12-59-09&Itemid=58. – Дата доступа: 21.11.2014.

социальных групп, общностей, политических институтов как участников общественно-политической жизни. Тем не менее, законодательство субъектов Российской Федерации должно исключать любые разногласия с общефедеральным законодательством; способствовать укреплению единства народов России, а не провоцировать процессы этносепаратистского толка. Все это свидетельствует от необходимости отказа от неопределенных и размытых формулировок идеи национального самоопределения народов, поскольку право каждого народа на самоопределение в полиэтничном государстве входит в противоречие с принципом территориальной целостности государства.

2. Комплекс мер организационного и административного характера, который отразит твердость и последовательность реализации политики федеральных властей, а также способность местными властями понять поставленные задачи и правильно решать общезначимые для всех этнических групп региона проблемы. Негативным моментом является то обстоятельство, что многие принимаемые решения обусловлены высоким уровнем коррупции и клановостью в решении политических вопросов, высоким уровнем социальной дифференциации при распределении экономических благ. В результате, несмотря на наличие большого числа принятых концепций, планов, программ развития, энергия части представителей властной элиты (речь идет в данном случае российской части Кавказского региона) направлена на достижение не общенациональных, а узкогрупповых или личных интересов. В настоящее время, «безвластие власти» провоцирует региональный сепаратизм отдельных территорий и групп населения в его местнической националистической форме, поэтому стратегической задачей является ставка на реальный федерализм при развитии и совершенствовании системы местного самоуправления.

3. Комплекс мер социального характера. Необходимы конкретные действия, направленные на сокращение и устранение основных источников социальных бед, нестабильности и напряженности в семье и обществе:

нищеты, алкоголизма и наркомании, инфекционных и хронических заболеваний, организованной преступности и коррупции, терроризма, нетерпимости, национального и религиозного экстремизма²¹⁵.

Большую роль в данной связи может сыграть развитая система раннего предупреждения конфликтов, организация специальной социологической службы. Она призвана обеспечить сбор и обработку информации о потенциальных конфликтах, прогнозирование конфликтных ситуаций на ранних стадиях их зарождения, выработку заключений и рекомендаций по смягчению напряженности.

4. Комплекс мер информационно-идеологического характера по предупреждению этнонациональных конфликтов. Так, уже сейчас следует:

- исключить тему «кавказского вопроса» из вещания средств массовой информации, что позволит снизить уровень «антикавказской истерии» в массовом сознании россиян, добиться стирания стереотипов в отношении выходцев из республик Северного Кавказа и государств Закавказья.

- пересмотреть учебные курсы школ и вузов северокавказских республик на предмет педалирования «национального вопроса»;

- проводить перманентные работы по нейтрализации деятельности пропагандистов, озабоченных «национальным вопросом»;

- в регионе Северного Кавказа блокировать работу НПО, финансирующихся из-за рубежа;

- создать сеть фондов и организаций, информирующих общественность Кавказского региона в русле национальных интересов России²¹⁶.

²¹⁵ Шевцов В.М. Этноконфессиональные конфликты: политический механизм урегулирования// Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pb.littera-n.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=294:2012-05-30-09-00-03&catid=36:2010-03-12-12-59-09&Itemid=58. – Дата доступа: 21.11.2014.

²¹⁶ См.: Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в Кавказском регионе. Доклад на международной конференции «ОДКБ и безопасность Евразии»// Официальный сайт РИСИ. 01.11.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/events/4213/>. – Дата доступа: 05.06.2015.

Идеологический аспект военно-политических процессов, связанный с агрессивным национализмом, чрезвычайно важен, поскольку сегодня на повестке дня Российского государства стоит важнейшая задача - поиска идейно-смысловой базы национального бытия, ее верное отражение, создания подлинных исторических символов, с которыми народ должен соотносить свое будущее. В данной связи обеспечение межнационального согласия оказывается чрезвычайно актуальной задачей для безопасности российского государства в связи с учащающимися попытками использовать этнический фактор в расшатывании внутривнутриполитической ситуации и нагнетания напряженности с соседями на Кавказе

В целом же, проведенный анализ показывает, что современные военно-политические процессы в Кавказском регионе заключают в себе серьезный разрушительный потенциал. Некоторые их аспекты уже сейчас представляют угрозы безопасности Российской Федерации, другие корректно трактовать как вызовы нашему государству. Это обуславливает необходимость перманентного мониторинга военно-политических процессов на Кавказе.

Автор полагает, что в данном случае применима модель, предложенная ученым Брега А.В., которая заключается в выявлении рискогенных факторов безопасности государства в военной сфере.

При таком подходе первичной оценке должны подлежать: «военно-политическая стабильность; стабильность политической власти; влияние оппозиции на военную политику государства; доктринальные установки политической и военной элиты; социально-экономические условия и противоречия; внутренние политические конфликты; место и роль армии в политике; политическая лояльность населения и военной организации к власти; демократическая подотчетность военно-политического руководства гражданскому обществу; состояние оборонного сознания; доверие населения

к власти и военным институтам государства; религиозные и этнические противоречия»²¹⁷.

Комплексный учет данных факторов при анализе современных военно-политических процессов позволит системно оценить обстановку, выявить наиболее проблемные сферы, обозначить приоритетные направления при выработке государственной политики. Такой мониторинг рисков является необходимым, поскольку в условиях острого геополитического противоборства возрастает значимость реализации не точечных действий, а комплекса мероприятий по стратегическому сдерживанию противника. В данном случае превентивные меры позволят «держать руку на пульсе», тем самым, регулировать «градус напряженности» военно-политической обстановки как внутри государства, так и за его пределами.

Подведем некоторые итоги. В последнее десятилетие качественно изменился характер вызовов и угроз безопасности государства. Они намного возрастают в связи с глобальной информатизацией общества, которая меняет мир не только в техническом отношении, но и, главным образом, в социальном и духовном. Получается, что обеспечение безопасности в глобальной конкурентной борьбе сегодня определяется состоятельностью и эффективностью государства в различных сферах жизнедеятельности, поэтому обеспечение безопасности государства – многоаспектный процесс, который находится под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

В связи с прорывом в информационно-технологической сфере изменился магистральный вектор развития вооружения, военной и специальной техники, а значит и в целом – характер военно-политических процессов. Использование информационно-сетевых технологий в развитии военно-политической обстановки имеет устойчивый тренд к росту. Поэтому любые процессы, связанные с производством, хранением, распространением

²¹⁷ См. подр.: Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности государства: автореф. докт. ...политических наук: 23.00.02 / Брега Александр Васильевич. Москва, 2007. – с. 31-33.

информации, напрямую влияют на безопасность человека, общества и государства. Можно согласиться с писателем Ф. Форсайтом, который заметил: «Информация означает власть. Знание того, что происходит, и, что более важно, того, что произойдет, дает человеку больше власти, чем политическая должность и даже деньги». Этот тезис подтверждается современной политической практикой, когда при использовании информационно-коммуникационных технологий и тактики «сетевых войн», «революций Твиттера», по сути, был «переформатирован Ближний Восток, Север Африки и отчасти – постсоветское пространство.

Кавказский регион интегрирован в мировое сообщество и не изолирован от вышеприведенных тенденций. Специфика военно-политических процессов в Кавказском регионе показывает, что они во многом обусловлены множественностью идеологических базисов, зачастую навязываемых извне. Распространение идеологий происходит, в основном, в среде молодежи, бюрократи, криминального мира.

Существующие опасности и угрозы безопасности России, обусловленные военно-политическими процессами в Кавказском регионе, требуют осуществления целого ряда мероприятий, направленных на: формирование систем коллективной безопасности, минимизации внешнего деструктивного, зачастую, скрытого влияния военно-политических акторов, борьбой с неконвенционными субъектами военно-политических процессов, поддержание социальной стабильности посредством минимизации этнонациональных и межконфессиональных противоречий. В целом, от государства требуется точный расчет имеющихся ресурсов, расширение военно-дипломатического и военно-технического сотрудничества, активизация работы по повышению имиджа государства, как в Кавказском регионе, так и на международной арене. Такая линия продиктована объективной реальностью и только национальными интересами России.

Выводы по 3 разделу

Военно-политические процессы, развивающиеся в Кавказском регионе, предполагают существование ряда вызовов безопасности государства даже тогда, когда в военном отношении безопасность Российской Федерации надежно обеспечена. Это становится возможным, поскольку современная геополитическая динамика характеризуется агрессивностью в достижении политических целей, при которых нередко встречается нарушение или «переосмысление» норм международного права. При этом политика ряда государств основывается на стратегическом принципе, который был сформулирован начальником Генерального штаба кайзеровской Германии И. Мольтке, согласно которому агрессию порождает только слабость. Данные обстоятельства повышают значимость реализации всего комплекса мер дипломатического, информационного, экономического, военного и иного характера посредством которых возможно парировать угрозы национальной безопасности нашего государства и направленные как в область международных отношений, так и во внутривнутриполитическую сферу.

В условиях масштабирования деятельности теневых структур, неправительственных организаций, распространяющих лозунги политического радикализма, политика государственных властей должна быть дифференцирована и взвешена. Безопасность государства требует перманентного отслеживания деятельности внешних субъектов управления, подрывающих позиции российской власти на Северном Кавказе и в государствах Южного Кавказа.

России следует не только блокировать, но и инициировать собственные идеологические проекты в регионе, которые на Южном Кавказе фиксировали бы ее как региональный полюс силы. В масштабах российского государства основным проектом должно стать формирование единой российской нации с четким сознанием гражданского патриотизма. Существующая модель «общества без доминирующей культуры» губительна, она разрывает последние связи между русским народом и наличными формами российской государственности. Поэтому для России на повестке дня стоит важнейший

вопрос - единство и возрождение русской культуры и ее продвижение. Воссоздать идею, что «страна – это не просто территория, это отдельная огромная цивилизация, которая принесла всему миру свой взгляд на мироустройство. Прежде всего, конечно, Российская империя как образец восточноправославной цивилизации»²¹⁸. Такая работа потребует титанического труда, координации усилий государств, но без ее выполнения невозможно дать ответ на сегодняшние вызовы и вызовы будущего.

С учетом проведенного в диссертационном исследовании контент-анализа основных концептуальных документов в сфере военной политики, а также экспертных оценок, касающихся специфики региональных военно-политических процессов, автором сформулированы приоритеты обеспечения безопасности России в Кавказском регионе, которые должны заключаться:

- в нейтрализации влияния внерегиональных игроков при осуществлении ими внешнеполитических задач;
- в определении региона как сферы национальных интересов России и восстановления его как зоны геополитического влияния государства;
- в блокировании террористической, националистической, экстремистской активности в регионе;
- в расширении экономического сотрудничества с государствами региона;
- в создании благоприятного социально-экономического климата в регионе и развитии его инфраструктуры;
- в использовании потенциала ОДКБ и расширении программ военно-технического сотрудничества в регионе;
- в осуществлении собственного идеологического проекта по сплочению различных этнорелигиозных групп России в единую нацию.

Итак, Кавказ и прилегающие геополитические образования рассматриваются как зоны особых интересов РФ, реализация которых

²¹⁸ Решетников Л.П. Цивилизация Россия // Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/smi/11416/>. – Дата доступа: 05.06.2015.

осложняется сопротивлением не только мировых и региональных игроков. В силу несопоставимости военных потенциалов сторон, США не могут в настоящий момент рассматриваться в качестве глобального военного противовеса России, но реально таким противовесом могут являться Турция и Иран. Именно поэтому для РФ необходимо установление многостороннего и комплексного формата диалога с региональными державами.

В условиях изменения роли российского государства в мире, его ограниченных демографических и экономических возможностях на данном этапе развития, обеспечение безопасности страны является достижимой целью при корректной расстановке приоритетов в военном строительстве, при проведении системной и консолидированной социальной политики, в особенности, ее молодежной и этнорелигиозной составляющих.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования современных военно-политических процессов в Кавказском регионе и их взаимосвязи с безопасностью российского государства в целях выявления содержания и особенностей влияния региональных военно-политических процессов на безопасность Российской Федерации, можно сделать следующие выводы.

1. Мир становится все более взаимосвязанным. Наблюдается динамичная трансформация системы международных отношений, вследствие обостряющейся борьбы за природные, социальные, территориальные ресурсы и рынки сбыта. При этом экономические интересы, в большинстве случаев, направляют и политические, достижение которых обуславливает использование всевозможных мер, призванных гарантировать способность государства обеспечить собственную безопасность.

С развитием цивилизации современный мир не стал безопаснее. Военно-силовые методы, как и прежде, имеют большое, и часто преобладающее значение при решении существенных противоречий. Ситуация усложняется и тем, что вызовы со стороны нелегитимных акторов военно-политических процессов, прибегающих к насилию в достижении собственных целей, многократно масштабированы в связи с распространением трансграничных угроз, в частности, в регионах, где данные субъекты исторически включены в социальные конфликты различной степени интенсивности. При этом контроль над территорией сводится не только к силовому контролю, но подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства. Оно является самостоятельным и одновременно, частью военно-политической сферы.

Итак, военно-политические процессы современности приобретают комплексный характер, а расширение их спектра, масштабирование и углубление интенсивности в совокупности с нерешенными противоречиями конкретных регионов представляют явные и косвенные опасности и угрозы

безопасности России. Это определяет стратегию борьбы с современными вызовами безопасности государству, которая должна быть выстроена по иерархическому принципу и включать не только плоскость государств, как субъектов международных отношений, но и наднациональные структуры, в частности, региональные организации, военно-политические блоки, террористические и повстанческие организации, экстремистские силы и наркогруппировки, а также криминальные сети в целом.

Возрастает необходимость консолидации усилий государств, общественных и неправительственных организаций, а также министерств и ведомств по комплексному, системному мониторингу социально-политических и военно-политических рисков в мире, и, в особенности, по периметру границ России.

2. Исследование военно-политических процессов в Кавказском регионе доказывает, что Кавказ является чрезвычайно важной связкой в структуре безопасности Евразии.

В условиях, когда совокупностью отработанных социальных технологий сегодня регулируется градус напряженности в различных регионах мира, Кавказский регион сегодня является опасным в контексте инструментальной политики.

Проведенный контент-анализ показывает, что Кавказский регион – один из самых милитаризованных регионов в современном мире. Расположенные здесь независимые государства обладают военным потенциалом, сравнимым с потенциалом средней европейской страны. Важно учитывать, что кроме военного потенциала России, Грузии, Армении и Азербайджана, существуют военные структуры трех частично признанных мировым сообществом образований: Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики.

Военно-политические процессы становятся все менее контролируемыми и более деструктивными ввиду того обстоятельства, что за последнее десятилетие темпы расходов на военные нужды неуклонно растут.

В частности, зафиксировано значительное увеличение затрат на оборону при финансовой поддержке США. При этом сравнение военных бюджетов государств региона проводить практически нецелесообразно, поскольку военные разработки все чаще проходят как научно-исследовательские (это делается в NASA). Более того, некоторые государства составляют оборонный бюджет из двух частей, с учётом расходов на зарубежные компании и без их учёта.

Автор на основе проведенного анализа документов полагает, что повышенное напряжение для безопасности России связано с тем, что:

- высока вероятность «размораживания» Нагорно-Карабахского конфликта;

- наблюдается серьезное наращивание военной мощи Азербайджаном, который уже сейчас может проводить относительно независимую многовекторную политику по выстраиванию собственной системы военной безопасности;

- активизирована политика взаимодействия государств региона с Организацией Североатлантического региона.

С целью выявления и оценки согласованности позиций российского интеллектуального и политического сообщества о степени деструктивности военно-политических процессах, развивающихся в Кавказском регионе, и их влиянии на безопасность России, автором был проведен экспертный опрос. По результатам проведения опроса экспертов типологизированы проявления военно-политических процессов в регионе, а также выявлены военно-политические субъекты, оказывающие значимое влияние на развитие военно-политических процессов в Кавказском регионе.

4. Результаты исследования свидетельствуют, что на Кавказе усложняются противоречия гуманитарного и социокультурного характеров. Важность приобретают значения символов и конструктов, которые заключает в себе регион. Ведь в понимании среднестатистического россиянина, Кавказ населен «нерусскими», «террористами», «фанатиками», а

в широком смысле - это «дотационный регион». В данном контексте объем приобретает мысль «Кавказ – ключ к распаду России».

В целом, корректно утверждать, что угрозы безопасности России в Кавказском регионе, вырастают в основном из опасностей, имеющих социально-экономическую и информационную подоплёку.

Социально-экономический аспект связан с реализацией внутренней политики России в регионе. Речь идет о, так называемом, «молодёжном выступе» - высоком проценте молодежи, энергию которой необходимо социализировать, направлять в общественно-полезное русло, создавать для них рабочие места, обучать их и включать в полноценные социальные отношения, будет давать о себе знать, в том числе, в радикализации настроений. Отсюда следует, что политика межкультурного диалога (а в широком смысле - гражданского диалога) должна реализовываться в Кавказском регионе и по всей России. И обозначенное направление должно быть одной из приоритетных повесток дня при формировании общенациональной идеи, которая может базироваться исключительно на платформе гражданского патриотизма.

5. Опрос экспертов, специализирующихся на проблемах Кавказского региона, а также различных аспектах обеспечения безопасности российского государства, проведенный в 2014 году, дает основание заключить, что и сегодня антироссийские процессы в странах Кавказа продолжают во многом определять общую геополитическую обстановку, в том числе в военно-политической сфере. При этом выдвигается основной тезис: Кавказский регион исторически является «зоной особых интересов России» и при этом «зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов», что обуславливает перманентное пересечение здесь интересов названных держав.

Такая постановка вопроса логически обусловила анализ параллели «национальные интересы США - угрозы безопасности России», что определило рассматриваемую систему в иерархическую структуру, доступную для дальнейшей декомпозиции. Последующее изучение

концептуальных документов США в области обеспечения национальных интересов доказало не обоснованность оценок экспертов.

На основании проведенного анализа, автором были сформулированы основные геостратегические цели США в Кавказском регионе в контексте угроз безопасности РФ, к которым следует относить:

- получение гарантированного доступа к природным ресурсам региона;
- установление и сохранение политического, экономического и военного контроля над государствами региона в целях реализации политики сдерживания России;
- использование территорий государств региона для размещения военных контингентов как инструмента военно-политического давления на РФ;
- приобретение на территориях Кавказских государств надежного и емкого рынка сбыта американской промышленной продукции;
- обеспечение присутствия Соединенных Штатов в транспортных коридорах и контроля над газо- и нефтепроводами с целью диверсификации доставки энергоресурсов и товаров в обход России.

6. Развитие деструктивных военно-политических процессов в Кавказском регионе не исключает вероятность масштабирования существующих и возникновения новых опасностей и угроз безопасности России.

С военно-политической точки зрения России:

- важно сохранять ядерный потенциал на уровне, обеспечивающем ядерный ответ потенциальному агрессору;
- необходима превентивная модернизация вооруженных сил в целях придания им способности асимметричного парирования современных вызовов и угроз;
- требуется создание научно-технического потенциала по ключевым направлениям развития вооружений;
- необходимо совершенствование развития военных технологий;

- следует предложить мировому сообществу модернизацию механизмов обеспечения глобальной безопасности под эгидой ООН;

- несмотря на сложности, требуется укрепление связей в области поддержания региональной безопасности с включением ОДКБ, ШОС, открытость к диалогу с Организацией Североатлантического Договора.

В целом возрастает значимость реализации не точечных действий, а комплекса мероприятий по стратегическому сдерживанию, который призван обеспечивать стабилизацию военно-политической обстановки как внутри государства, так и за его пределами. С учетом комплексного анализа региональных военно-политических процессов, приоритеты по обеспечению безопасности РФ на Кавказе должны заключаться:

1. В сфере внешней политики:

- в нейтрализации влияния внерегиональных игроков при осуществлении ими внешнеполитических задач;

- в развитии системы коллективной региональной безопасности;

- в использовании потенциала ОДКБ при урегулировании существующих и назревающих конфликтных ситуаций;

- в расширении программ военно-политического и военно-технического сотрудничества с государствами Закавказья;

- в блокировании деятельности известных террористических и экстремистских организаций в регионе;

- в пресечении незаконной миграции;

- в расширении экономических взаимосвязей с государствами региона;

- в укреплении межконфессионального и межнационального диалога на пространстве Кавказского региона;

2. В сфере внутренней политики:

- в устранении противоречий в законодательстве северокавказских республик и федеральном законодательстве Российской Федерации;

- в подавлении клановости, местничества, кумовства в политике местных политических элит;

- в создании благоприятного социально-экономического климата в СКФО и развитии его туристической инфраструктуры;
- в противодействии фальсификации истории и политизации религии;
- в пресечении деятельности неправительственных организаций, фондов, финансируемых из-за рубежа;
- в оптимизации работы национальных СМИ с целью пресечения педалирования «национального вопроса»;
- в инициации молодежных спортивных и образовательных проектов.

Это чрезвычайно сложные, но высоко актуализированные задачи, поскольку в условиях продолжающегося хаоса в Сирии, военно-политического кризиса на Украине, в преддверии вывода коалиционных войск из Афганистана, проблемы межконфессиональные и межэтнические сливаются с терроризмом, религиозным экстремизмом, наркопреступностью и являются прямыми и косвенными опасностями и угрозами безопасности российскому государству. С их решением социально-политическая реальность не будет представлять собой констелляцию случайных или сконструированных, зависящих от национальных настроений, внешних воздействий или экономических санкций фактов.

Проведенное исследование поставленных в диссертации задач, сделанные обобщения и выводы позволили автору выработать ряд практических и теоретических рекомендаций, направленных на дальнейшее повышение эффективности политики России по обеспечению безопасности в Кавказском регионе, а также противодействие угрозам безопасности, обусловленным современными военно-политическими процессами.

Первая группа практических рекомендаций охватывает наиболее актуальные и перспективные направления продолжения исследований в области анализа военно-политических процессов. В качестве перспективных направлений исследований предлагаются следующие темы: военно-политический процесс: история и современность; теоретико-методологические проблемы исследования военно-политических процессов;

эволюция военно-политического процесса в эпоху Постмодерна; война и вооруженный конфликт как элементы содержания военно-политических процессов; геополитическая ситуация в мире и ее влияние на развитие современных военно-политических процессов; международное право как регулятор развития военно-политических процессов; прогнозирование угроз безопасности России в Кавказском регионе как следствие влияния военно-политических процессов; варианты и сценарии реагирования на угрозы безопасности России в Кавказском регионе, обусловленные военно-политическими процессами современности; национальные интересы России в современных региональных военно-политических процессах; тенденции развития военно-политических процессов в мире и их влияние на характер угроз безопасности России; региональные стратегии обеспечения безопасности РФ в контексте развития мировых военно-политических процессов; Россия как актор современных военно-политических процессов.

Вторая группа рекомендаций связана с организационно-административными и иными практическими мерами противодействия опасностям и угрозам безопасности Российской Федерации, которые обусловлены современными военно-политическими процессами в Кавказском регионе. В этой связи предлагается: силами государств региона создать координирующую систему региональной безопасности коллегиальные органы практического осуществления политики по противодействию угрозам военного характера; оптимизировать деятельность государственных органов по мониторингу и прогнозированию угроз национальной безопасности государства с учетом тенденций развития современных военно-политических процессов; строго соблюдать исполнение федерального законодательства в части, касающейся привлечения к ответственности государственных гражданских и военных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей.

Третья группа представляет собой практические рекомендации образовательным учреждениям силовых министерств и ведомств по

использованию разработанных в диссертации материалов и последующей разработке поставленных в научном изыскании проблем. В образовательных учреждениях Министерства обороны России, а также иных силовых министерств и ведомств диссертант предлагает: в рамках учебной дисциплины «Политология» выделить тематический блок: «Военно-политические процессы современности и проблемы национальной безопасности России» и разработать соответствующий учебник и/или учебное пособие; организовать серию военно-научных и научно-практических конференций по вопросам развития военно-политических процессов в геостратегических для России регионах; на круглых столах и межведомственных конференциях, посвященных проблеме обеспечения безопасности России, экспертам предлагается: обсудить вопрос изменения характера современных военно-политических процессов, связанного с произошедшей «революцией в военном деле», и на этом основании выявить тенденции их развития в краткосрочной и среднесрочной перспективе; выработать методики систематизации и мониторинга угроз безопасности РФ как отражение влияния современных военно-политических процессов; использовать методы сценарного и ситуационного анализа военно-политических процессов и предложить варианты и сценарии реагирования на угрозы безопасности государству, порожденные военно-политическими процессами современности; проанализировать диалектику военных и невоенных средств обеспечения безопасности России с учетом динамики и изменения характера военно-политических процессов; с целью поощрения исследовательской инициативы необходимо организовать конкурс научных работ, разработку научных рефератов среди слушателей и курсантов высших военных учебных заведений по проблемам военно-политических процессов и их взаимосвязью с национальной безопасностью РФ, учредить премии и гранты за наиболее значительные теоретико-фундаментальные и прикладные разработки по данной проблеме.

Список источников и литературы

1. Агапов П.В. Криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: По материалам судебной практики Северо-Кавказского региона // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1248120>
2. Амелина Я. А. О росте исламистской угрозы на Северном Кавказе и в Поволжье в связи с приходом к власти в ряде стран салафитов// Интернет-портал «Этнорелигиозные исследования в Поволжье». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/14/393/>
3. Амелина Я. А. Радикальный исламизм – одна из наиболее серьезных угроз государственному строю России// Интернет-портал «Ислам и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://islamio.ru/news/policy/radikalnyy_islamizm_odna_iz_naibolee_sereznykh_u_groz_gosudarstvennomu_stroyu_rossii/
4. Амирян В.А. Методологические проблемы исследования военно-политической обстановки. – М.: ВПА, 1990. - С. 19.
5. Алиев А.К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. - М.: Наука, 2007.
6. Аллисон Г. Т. Ядерный терроризм: самая страшная, но предотвратимая катастрофа / международная безопасность в XXI веке. – М: ЛКИ, 2007. - 296 с.
7. Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - 416 с.
8. Анисимов В.М. Социально-философские проблемы смысла войны// Теоретическое наследие К. Клаузевица и современность. М., 1994. С. 39-46.
9. Антонов А. Контроль над вооружениями: история, состояния, перспективы. М.: ПИР - Центр, 2012. - 245 с.

10. Арешев А. 2013 год подтвердил тенденцию к разнонаправленности ориентаций стран Южного Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/pview/2013/12/31/2013-god-podtverdil-tendenciju-k-raznonapravlenosti-orientacij-stran-juzhnogo-kavkaza.html>

11. Азербайджан и Иран обсудят военное сотрудничество// Интернет-портал «Международное сотрудничество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsazerbaijan.ru/international/20130819/299257680.html>

12. Армения и НАТО продолжают сотрудничество в управлении чрезвычайными ситуациями и миротворчестве// Информационный портал «Армения- ONLINE». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armenia-online.ru/armnews/98719.html>

13. Армения-Грузия: рабская дружба// Интернет-портал «LADNO.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladno.ru/zabugrom/16583.html>

14. Арон Р. Мир и война между народами. - М.: NOTA BENE, 2000. - 879 с.

15. Атаев А.В. Афганистан предлагает разработать совместный проект по защите госграниц // Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/4522/>

16. Атрошков П.А., Лутовинов В.И. Противостоять религиозно-политическому экстремизму и терроризму// Интернет-портал «Ni-journal.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ni-journal.ru/archive/d540f25a/n4-2013/942bee79/e3442d3a/-print=1.htm>

17. Ачкасов В.А. Региональный политический ландшафт России: столкновения интересов. - СПб., 2002. - С.24.

18. Бартош А. Гибридные войны будущего – прогнозирование и планирование// Интернет-портал «Независимое военное обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html

19. Батырь В.А., Шопинский В.И. Новый международно-правовой формат вооруженных конфликтов XXI века (итоги вооруженного конфликта в Южной Осетии и Абхазии). - С. 212.

20. Безработица на Кавказе в 4-5 раз выше среднего российского уровня// Интернет-портал «Kavkasia.net». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kavkasia.net/Russia/2012/1356045902.php>

21. Белобородов И.И. Кавказский демографический дрейф// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/4603/>

22. Бельков О.А. Понятие «война» и его аберрации в отечественном дискурсе //Власть, 2009. - № 9. - С. 4-8.

23. Бжезинский Зб. Зыбучие пески гегемонии. Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2. Март - апрель. - С. 187.

24. Бленди Ч. Кавказский регион. Новые вызовы безопасности// Исследовательский центр по изучению конфликтов Великобритании. М.: Эксмо, 2009. - С. 52.

25. Ближний Восток: диагностика будущего года // Информационное агенство «Regnum». 27.12.2014[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1881238.html>

26. Блум В. Убийство демократии. – М.: Кучково поле, 2014. – 480 с.

27. Более тысячи иностранцев прибывают в ряды ИГИЛ ежемесячно// Информационное Агентство "Vesti.az". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vesti.az/news/224002>

28. Брега А. В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02 / Брега Александр Васильевич. Москва, 2007 - 337 с.

29. Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности государства: автореф. докт. ... политических наук: 23.00.02 / Брега Александр Васильевич. Москва, 2007. – с. 31-33.

30. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. - 382 с.

31. В Москве утверждена дорожная карта по присоединению Армении к ТС// Информационно-аналитическое агенство «Interfax», 24 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/348683>

32. Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: Астрель, 2007. - 544 с.

33. Внутренний вооруженный конфликт на Северном Кавказе: причины и пути разрешения: монография в 2 ч. Часть 2. Конфликт на Кавказе: восстановление мира – М.: Военный университет, 2011. – 290 с.

34. Возжеников А.В. Национальная безопасность России: Методология комплексного исследования и политика обеспечения / А.В. Возжеников. - М.: Изд-во РАГС, 2002. – 424 с.

35. Военная доктрина будет разработана в Абхазии// Интернет-сайт «Руборд». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusbg.com/voennaya-doktrina-budet-razrabotana-v-abhazii.html>

36. Военная Доктрина Республики Армения// Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191773/>

37. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976) //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/

38. Военная политология: учебное пособие / Под ред. Н. И.Китаева, Е.И. Рыбкина. - С. 173.

39. Военная политология: учебное пособие / Под ред. И.С. Даниленко и А.И. Позднякова. - С. 112.

40. Военная политология: учебное пособие / Под ред. Н.И.Резника. М.: Красная звезда, 2006. - С. 296.

41. Военно-политические процессы на Кавказе угрожающе убаыстриаются...//Интернет-портал «kvkz.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kvkz.ru/knews/1520-voenno-politicheskie-processy-na.html>

42. Военно-техническое сотрудничество // АРМС - ТАСС. – 2006. - № 32. – 7- 13 августа. – С. 48-49.

43. Волков В. А. Политическая регуляция военной деятельности государства. Социально-философское исследование. – М., 2001. - С. 36.

44. Волков Я. В. Геополитика и ее влияние на обеспечение безопасности в современном мире: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.01/ Волков Ярослав Валерьевич. Москва, 2001. - 354 с.

45. Вооружённые силы Южной Осетии могут стать составной частью ВС РФ// Интернет-портал «Военно-политическое обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/52993.html>

46. Встреча с офицерами, назначенными на высшие военные командные должности// Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46904>

47. Гаджиев К. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. - 464 с.

48. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 139.

49. Гансэр Д. Секретные армии НАТО. М.: Кучково поле, 2012. - 336 с.

50. Государственная власть// Официальный сайт Президента Нагорно-Карабахской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/nkr/statepower>

51. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. – М.: Международные отношения, 2007. – 200 с.

52. Грузия становится крупным путем наркотрафика в Россию // Официальный сайт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2010/0301/15227181/detail.shtml>

53. Грузия – Азербайджан: пограничные недоразумения // Информационное агентство «REGNUM». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/482332.html

54. Грузия и Азербайджан согласовали 300 км границы // Информационное агентство NEW CAUCASUS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newcaucasus.com/index.php?newsid=4606>

55. Гулевич В. Кавказское богатство России. Официальный сайт журнала «Международная жизнь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9317>

56. Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., 2002.

57. Давыденко А. Мир – это война? // Официальный сайт журнала «Международная жизнь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.open-security.org/bezopasnostj_po_ks/informacionnaya_vojna

58. Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. - 1998. - № 4. - С.135.

59. Де Сото Э. Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2008. С. 29.

60. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – Владикавказ: Русская панорама, 2003. – 515 с.

61. Демкин Д. В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: автореф. ... кандидата политических наук/ Демкин Дмитрий Владимирович. М., 2012. - 21 с.

62. Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4.

63. Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе. / Добаев И.П. // Проблемы национальной стратегии. – 2009. - № 1. - с. 81.

64. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе/ Под ред. И.П. Добаева. 2010. С. 125.

65. Евдаков В.И., Мещеряков С. Д. Характерные черты и особенности войн начала 21 века. Вестник Академии военных наук, № 3(24), 2008.

66. Егозарьян В.В. Военно-политическое сотрудничество России и стран СНГ как фактор интеграции: дис. ...кандидата политических наук: 23.00.02 / Егозарьян Валерий Владимирович. М., 2001. - 240 с.

67. Ермаков С.М. Военно-политические угрозы безопасности России со стороны НАТО// Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. д-ра экон. наук Г.Г. Тищенко, канд. экон. наук В.Е.Новикова; Рос. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2014. – С. 79.

68. Если Азербайджан применит силу, Армения ответит признанием// Интернет-портал km.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/glavnoe/2006/03/03/kommentarii-dnya/esli-azerbaidzhan-primenit-silu-armeniya-otvetit-priznaniem-stat>

69. Еще раз о совместной охране границы Армении// Интернет-портал «Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russia-armenia.info/node/2263>

70. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. №2. - С. 29.

71. Захаров В.М. Военное строительство в государствах постсоветского пространства. – М.: РИСИ, 2011. – 380 с.

72. Захаров В.М. К вопросу о миротворческом контингенте ОДКБ// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/1991-k-voprosu-o-mirotvorcheskom-kontingente-odkb>

73. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» рода// Восток/Запад: Региональные подсистемы и

региональные проблемы международных отношений/ Под ред. А.Д. Воскресенского. Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет, РОССПЭН, 2002.

74. Зинин О. А. Военно-техническая политика и ее влияние на безопасность Российской Федерации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Зинин Олег Анатольевич. Москва, 2008. - 194 с.

75. Злодоров Д. Обама подписал закон об оборонных расходах США на 2014 год// Информационное агентство «ИТАР- ТАСС». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/16287959/>

76. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества 2-е изд. - М.: Канон-пресс-Кучково поле, 1998. - 462 с.

77. Иваненко В.И. Политика США и Израиля в отношении Ирана и ее возможные последствия для региональной безопасности и стабильности. Состояние и тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке: сб. докл. / под ред. д- ра ист. наук. К.А. Кокарева, чл- корр. НАН Армении Р.А. Сафрастяна.- М.: РИСИ, 2013. – с. 97.

78. Иванов В.П. О задачах ОДКБ в создании единой евразийской системы антинаркотической безопасности. Сегмент «Большой Кавказ». Официальный сайт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_last/2013/1004/151526556/detail.shtml

79. Иванов С.Б. Вооруженные силы России и их роль в обеспечении военной безопасности страны // Интернет-портал «Federalbook.ru». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-12/I/Ivanov.pdf>

80. Игнатенко А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре "Исламизм - глобальная угроза?" Института социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова 22 сентября 2000 г.

[Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.niiss.ru/nb/News/ignatenko.htm>

81. Иран нанесет ответный удар по США в случае нападения// Информационное агенство «Росбалт». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/03/965245.html>

82. «Исламское государство Ирака и Леванта» угрожает безопасности Южного Кавказа// Интернет-портал «Научное общество кавказоведов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/30/iraq-igil-ugrozhaet-bezopasnosti-uzhnogo-kavkaza.html>

83. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубровская., Д.В. Соколов. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – С.18.

84. Израиль становится основным поставщиком оружия Азербайджану// Интернет-портал «Национальная безопасность». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalsafety.ru/n68598>

85. Капаева А. В Европарламенте в Брюсселе пройдет День черкесской культуры // Информационное агенство «NatPress». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://natpress.net/index.php?newsid=8925>

86. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис, 2004, № 4. С. 8—9.

87. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. – 288 с.

88. Карякин В.В. Информационные войны и угрозы безопасности// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.riss.ru/analitika/2141-informatsionnye-vojny-i-ugrozy-bezopasnosti#.UvEJ3fl_ujk

89. Карякин В.В. Хаосомятеж – символ наступившей эпохи// Интернет-портал «Национальная оборона». [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml>

90. Клаузевиц К. О войне: В 2-х т. – М.: Госвоениздат, 1936. – Т. 1. - С. 137.

91. Коган Ю. Страны Южного Кавказа и вопросы безопасности// Интернет-портал «BlackSeaNews». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/60786>

92. Козин В. П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945- 2013). - М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. - 384 с.

93. Командующий ВМС Ирана прокомментировал закупку Азербайджаном израильских ПКР «Габриэль-5» // Интернет-портал Центр анализа мировой торговли оружием. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0903/141520114/detail.shtml>

94. Комитет по обороне рассмотрел законопроект "О федеральном бюджете на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг." // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komitet2-15.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124055050054.html>

95. Концепция национальной безопасности Грузии// Министерство Иностранных Дел Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=12

96. Корнелл С. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения / Азербайджан и Россия Общества и государства // Интернет-портал «Sakharov-center». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm

97. Кудашов В. И. Терроризм как порождение глобализма // Осмысление глобального мира: кол. монография / отв. ред. Ю. Н. Москвич. — Вып. 1. - Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2007. - 176 с.

98. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М.: Книга и бизнес, 2003. С. 82.

99. Куртов А. Только Саудовская Аравия поддерживает действия ИГИЛ в Ираке// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/smi/5969/>

100. Кушкумбаев С. Геополитика транспортных коммуникаций в Каспийском регионе//Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря. Алматы, 2000.

101. Липина С.А. Социальные корни криминализации экономики регионов Северного Кавказа // Интернет-портал «ВИПЕРСОН». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=506560&soch=1>

102. Лисин В.С., Яновский К.Э. Институциональные ограничения современного экономического роста. М.: Дело, 2011. С. 171.

103. Лутовинов В.И. Военно-политические процессы в мире и в России: Учебное пособие. М.: Издательство РАГС, 2004. - С. 12-13.

104. Майсая В. Тбилиси переходит к круговой обороне. Новые реалии в военной политике постсаакашвилиевской Грузии// Интернет-портал «Независимое военное обозрение». 27.12.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2013-12-27/1_tbilisi.html

105. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. - М.: КДУ, 2005. - 320 с.

106. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. - М.: Весь мир, 2006. – 221 с.

107. Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 2008. - С. 7.

108. Малинчук В.В. Негосударственные субъекты в контексте международных и национальных стратегий противодействия транснациональной преступности / В. Малинчук // Вестник Военного университета. - 2011. - № 4. – С. 85.

109. Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // ИГ-Религии. 2013. 20 февр.

110. Мамедов Ф. Пентагон признал присутствие американских военных в Азербайджане // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://haqqin.az/news/15126>

111. Мандрыка С.М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности: социально-философский анализ: автореф. ... кандидата философских наук/ Мандрыка Сергей Михайлович. Москва, 2008. - 24 с.

112. Маркедонов С. Чего не может НАТО // Политком. ру- 2007. – 31 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politcom.ru/article.php?id=4091>

113. Маруев А.Ю. Военные аспекты формирования геополитических интересов и геостратегии России. Военная мысль, № 1, 2009.

114. Мамедов С. Военная доктрина Азербайджана носит оборонительный характер // Интернет-портал «Независимое военное обозрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-06-25/13_azerbaijan.html

115. Мамедов С. Баку мало простого партнерства с НАТО// Независимая газета – 27.09.2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2006.09.27/6_baku/html

116. Мамиконян М., Подкопаева М. Господствующая высота // Интернет-портал «Центр Кургиняна». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=sch&cat=285&vip=15>

117. Маруев А.Ю. Россия и США в условиях противоборства: военно-политический аспект. Военная мысль, № 8, 2009.

118. Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в/ - 1917 г.):

историография, источники, методология. - Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012 г. – 545 с.

119. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. - С. 389.

120. Международные отношения в «новых политических пространствах» / Под ред. А.Д. Богатурова М., 2011. - С. 169-191.

121. Мельков А. Исламский фактор и военная политика России: Монография. - М.: ВУ, 2001. – 359 с.

122. Милитаризм: цифры факты. Справочник. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1985. – С. 16.

123. Минасян С. Директор Департамента кавказских исследований Кавказского института СМИ / Интервью // Республика Армения. – 2007. – 10 февраля.

124. Министр обороны Грузии начинает работать над новой доктриной// Информационно-аналитический портал «Грузия online». 26.10.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekhokavkaza.com/archive/news/20121026/3235/2759.html?id=24753077>.

125. Министры иностранных дел России и Азербайджана обменялись грамотами о госгранице// Информационно-аналитическое агенство «РОСБАЛТ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/07/18/870215.html>

126. Мудуев Ш.С. Особенности миграционных процессов в Дагестане// Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. М., Ставрополь, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0137/biblio05.php>

127. Население и образование // Северо-Кавказский Федеральный округ. Инвестиционный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investkavkaz.ru/population_education

128. НАТО и Армения // Информационно-аналитический портал НАТО. РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80azer.xn--p1ai/ru/armenia.html>

129. Национальный институт стратегических исследований МО Армении стал членом рабочей группы одного из ведомств НАТО// Интернет-портал «Today- news». – 2007. – 23 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://today-news.biz/news/id_48367

130. Национализм. Словарь политических терминов// Интернет-портал «Национальная энциклопедическая служба». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/275/word/nacionalizm>

131. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Монография/ И.А. Николайчук; Рос. Ин-т стратег. Исслед. – М.: РИСИ, 2015. - 230 с.

132. *Николсон М.* Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах / Жирар М. (рук. авт. колл.) // Индивиды в международной политике. М., 1996. - С. 133-136.

133. Никонов В.А. Агенты влияния// Общественная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oprf.Ru/publications/press/521/2383/>

134. Новая философская энциклопедия. Т. 2. - С. 87.

135. Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. — Краснодар, 2011. – 322 с.

136. Новости Закавказья// Информационное агенство «arpsnypress.info». – 2006. - 11 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arpsnypress.info/news/7475.html>

137. Нормативно-правовая база// Министерство обороны Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdapsny.org/documents/base/>

138. Обороноспособность Грузии, Азербайджана и Турции соответствует интересам Европы // Интернет-портал Вестник Кавказа.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Oboronosposobnost-Gruzii-Azerbaydzhana-i-Turtsii-sootvetstvuet-interesam-Evropy.html>

139. Ольшанский Д.В. Психология масс. - СПб: Питер, 2001. - С. 208.

140. Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bs-kavkaz>

141. Основные социально-экономические показатели Северо-Кавказского Федерального округа // Северо-Кавказский Федеральный округ. Инвестиционный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investkavkaz.ru/socio_economic_indicators;jsessionid=3EC15FB62FCA48EC6635E8EC7FE4CCEE

142. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2013 года// Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/opendata/dataset/7708234640-ca-08-001>

143. Пересмотр стратегической обороны Республики Армения// Министерство обороны Республики Армения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mil.am/1298096716>

144. Первая гвардейская авиадивизия сформирована в ЮВО. // Информационный портал РИА-Новости. 10.12.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/defense_safety/20131210/983101092.html.

145. Першин А.А. К вопросу о категориально - понятийном аппарате в теории национальной безопасности // Власть. 2004. № 4. - С. 48.

146. Подберезкин А.И. Будущие военно-политические угрозы России. Прогноз до 2030 и 2050 годов // Центр военно-политических исследований. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/node/27668>

147. Подберезкин А.И., Большова Н.Н, Подберезкина О.А. Современные университеты – кузница идей, технологий и креативного класса// Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2. - С. 231.

148. Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф пол наук Санжаревский И.И. Изд.6-е, испр. и доп. Тамбов, 2014// Интернет-портал «Российское образование». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/624/62624>

149. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. - М., 2001. - С.16.

150. Политология / А.Ю. Мельвиль и др. М.: МГИМО, 2008. - С. 82.

151. Рогачев С.В. Российская государственность в системе трансформационных координат / С.В.Рогачев; Рос. акад. наук. Ин-т социал. - полит. исслед. - М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. - 64 с.

152. Политология: Энциклопедический словарь/ Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. Ун-та, 1993. - С. 294-295.

153. Посла США в Азербайджане больше интересует энергетика, чем проблема демократии. Интернет-портал «Научное Общество Кавказоведов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/07/18/novyj-posol-usa-v-azerbajdzhane-pribudet-s-novymi-podhodami.html>.

154. Послание к народу и Парламенту Республики Южная Осетия «От восстановления – к развитию»// Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://presidentruo.org/?p=4395#more-4395>

155. Принята военная доктрина Азербайджана// Интернет-портал «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/169904/>

156. Проблемы безопасности на Южном Кавказе: российско-грузинские отношения и перспективы долгосрочного урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов // Аналитические доклады №3 (27), июнь 2011. М.: МГИМО, 2011. - 36 с.

157. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--p1ai/news/17118>

158. Решетников Л.П. Цивилизация Россия// Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riss.ru/smi/11416/>

159. Романов И.А. Территориальные приоритеты внутренней политики России: Дальний Восток и Северный Кавказ: Аналитические обзоры РИСИ. – М.: РИСИ, 2014. – Вып. 3. – С. 6.

160. Российская военная база в Южной Осетии проводит батальонные тактические учения// Информационное агенство osinform. Ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://osinform.ru/46735-rossiyskaya-voennaya-baza-v-yuzhnoy-osetii-provodit-batalonnye-takticheskie-ucheniya.html>

161. Российские эксперты об иранском кризисе // Официальный сайт РИСИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/1108-rossiyskie-eksperty-ob-iranskom-krizise>

162. Соглашения// Официальный сайт Министерства обороны Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdapsny.org/documents/agreement/>

163. Савельев В.Н. Международный терроризм в системе глобальных отношений: религиозный аспект // Религиозный экстремизм и фундаментализм: справочное издание. М., 2008. - С. 27.

164. Сафонов М.А. Политико-правовые основы противодействия этноконфессиональному экстремизму на Северном Кавказе: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Сафонов Михаил Александрович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/polit-institut/politiko-pravovye-osnovy-protivodejstvija-jetnokonfessionalnomu-jekstremizmu-na.html>

165. Сацута А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма // Вестник Военного университета. 2007. № 3.- С. 40.

166. Сацута А.А. Политико-правовые проблемы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. ...кандидата политических наук: 23. 00. 02 / Сацута Александр Александрович. Москва, 2008. – 26 с.
167. Свечин А. А. Клаузевиц. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. - С. 276.
168. Скотт П. Д. Наркотики, нефть и война. - М.: Кучково поле, 2012. - 304 с.
169. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М. 2002. - С.18-21.
170. Смутьский С.В. Теоретико-методологические аспекты анализа сущности и причин войн // Философско-методологические аспекты анализа сущности и причин войн// Философско-методологические проблемы анализа современных войн и военных конфликтов. М., 1996. С. 64-72.
171. Современные международные отношения и мировая политика / А. В. Торкунов, И. Г. Тюлин, А. В. Мельвиль и др., МГИМО (У) МИД России. М.: Просвещение, 2005. - С. 248.
172. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. – М.: РОСПЭН, 2009.
173. Соловьев А.И. Способность и состоятельность Российского государства: к постановке проблемы // Политическая наука, научный журнал/ РАН. ИНИОН. ЦСНИИ. М., 2011. № 2. – С. 137.
174. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комм. и ст. В. В. Сапова. – СПб: РХГИ, 2000. - С. 80.
175. Спиридонов Т.В. Военная инфраструктура США: монография. - М.: МДН, 2013. - С. 12.
176. Станевский Ф. Выступление на конференции «Геополитические итоги «августовской войны»// Официальный сайт РИСИ. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://www.riss.ru/actions/2073-geopoliticheskie-itogi-avgustovskoj-vojny#.UvTIufl_ujk

177. Стратегия Национальной безопасности Армении и методология ее разработки: интервью советника министра обороны Армении. // Интернет-сайт Интеллектуальная Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.org/armenia/snb_armen.htm

178. Стратегия национальной безопасности Армении принята 07. 02. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/5304>

179. Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. 2012. 25 июля.

180. Суций С.Я. Черкесский вопрос - основные проблемные зоны и их конфликтогенный потенциал// Официальный сайт Общественного института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bs-kavkaz.org/2012/01/cherkesskij-vopros-problemnye-zony-konfliktogennyj-potencial/>

181. Сухопещенко К. Южный Кавказ и Центральная Азия: новые стратегии союзничеств// Интернет-портал «Вести Кавказа». 24.04.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/YUzhnyy-Kavkaz-i-TSentralnaya-Aziya-novye-strategii-soyuznichestva.html>

182. Терроризирующие Ирак боевики из группировки ИГИЛ планируют захватить Турцию и Азербайджан// Интернет-портал «AnalitikaUA.net». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://analitika.ua.net/2014/terroriziruyushhie-irak-boeviki-iz-gruppirovki-igil-planiruyut-zahvatit-turtsiyu-i-azerbaydzhan/>

183. Тирских М.Г. Современные подходы к пониманию политического режима: анализ в свете юридического и политологического знания // Академический юридический журнал, 2008, № 3 (33). С. 4—11.

184. Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в мире и некоторые военные угрозы России // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. д-ра экон. наук Г.Г. Тищенко, канд. экон. наук В.Е.Новикова; Рос. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2014. – С. 18-19.

185. Тюшкевич С.А. Безопасность – императивное условие существования и развития//Военно-философский вестник. – 2012-2013. - N 6-7. - С. 52.

186. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (с изменениями и дополнениями от 1 июля 2014 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/195521>

187. Указ Президента РФ от 19 января 2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации» от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»// Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96431/

188. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев// Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/protect/PROTECTION/4889cc6c2.pdf>

189. Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ; ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 27.07.2006).

190. Хакимов Р.С. Джадидизм (реформированный ислам). Казань: Институт истории АН РТ, 2010. С.100.

191. Халидов Д. Ш. Северный Кавказ: вялотекущая гражданская война// Интернет-портал «Военное обозрение». [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://topwar.ru/1761-severnyj-kavkaz-vyalotekushhaya-grazhdanskaya-vojna.html>

192. Хинштейн А. Как убивают Россию. – М.: ЛОРА-ПРЕСС, 2008. – С. 130.

193. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. – С. 43.

194. Цыбаков Д. Л. Милитаризация современной международной политики и ее последствия для национальной безопасности России: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.04/ Цыбаков Дмитрий Леонидович, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dibase.ru/article/19092013_132087_cybakov

195. Цыбаков Д. Милитаризация и современное миротворчество// Обозреватель – Observer. - 2012. - № 3. - С.50.

196. Цыганок А. Д. Безопасность на Большом Кавказе // Интернет-портал Полит. Ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/01/11/caucas/>

197. Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход / Д.В. Чернобров // Вестник МГИМО-Университета. - 2012. - № 6. - С. 47-53.

198. Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль: автореф. дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Чернобровкин Игорь Павлович. Ростов-на-Дону, 2004. – с.25.

199. Шамба: Российские базы — гарантия безопасности Абхазии// Интернет-портал «РОСБАЛТ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2009/02/28/622032.html>

200. Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий. Монография. Н. Новгород-Саров, СГТ, 2010.

201. Шевченко, В. Г. Национальная безопасность России в XXI веке/В. Г. Шевченко. — М.: АПБО и П, 2009. — 761 с.

202. Штоль В. В. Армия нового мирового порядка / В. В. Штоль. М.: ОГИ, 2010. – 344 с.

203. Эйвазов Д. Территория, население, этносы и секьюритизация: к вопросу об эндогенных факторах безопасности в региональных системах Кавказа и Центральной Азии //Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5. – с. 122.

204. Шевцов В.М. Этноконфессиональные конфликты: политический механизм урегулирования// Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pb.littera-n.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=294:2012-05-30-09-00-03&catid=36:2010-03-12-12-59-09&Itemid=58

205. Шестов Н.И. Выбор дискурса исследования регионального политического процесса // Регион как субъект политики и общественных отношений. - М., 2000. - С.117-119.

206. Шутов А.Ю. Политический процесс. - М., 1994. - С.24-25.

207. Экономическая география СССР. Ч.2. М.: Изд-во МГУ. - С. 80.

208. Эйвазов Д. Центральная Евразия сквозь призму безопасности: региональная система или подсистема? //Интернет-портал «CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ca-c.org/about.shtml>

209. Эмиров Р.М. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. – М.: Логос, 2011. – 248 с.

210. Эммануилов Р, Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М.: Мосты культуры, 2011. С. 58, 60.

211. Южная Осетия-Грузия// Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presidentrso.com/republic/>

212. Южная Осетия временно закрыла границу с Грузией// Интернет-портал «PanARMENIAN.Net». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.panarmenian.net/rus/news/192748/>

213. Южная Осетия и Россия подписали договор о государственной границе// Информационное агенство «ОСинформ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://osinform.ru/49026-yuzhnaya-osetiya-i-rossiya-podpisali-dogovor-o-gosudarstvennoy-granice.html>

214. Яковенко И. Терроризм // Нева. 2005. № 12. С. 164-165; Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С.А.Афонин и др. Под. ред В.В.Ященко. – М.: МЦНМО, 2007. С. 19.

215. Assured Access to the Global Commons // Final report. Norfolk, 2011. April 3. P. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.act.nato.int/subpages/globalcommons-reports>

216. Barry M. Rubin, Judith Colp Rubin. Chronologies of modern terrorism. - M.E. Sharpe, 2008. — 405 p.

217. Beste, Ralf, et al., 2008, Germany and the Caucasus Conflict, Merkel's Most Serious Foreign Policy Crisis, <http://www.spiegel.de/international/world/germany-and-the-caucasus-conflict-merkel-s-most-serious-foreign-policy-crisis-a-572726.html>, 15.7.2012.

218. Central Intelligence Agency (CIA) // The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>

219. Circassians Grow Frustrated with Moscow's Handling of Syrian Circassian Repatriation Requests. Jamestown foundation, Eurasia Daily Monitor Volume: 10 Issue: 17, January 30, 2013.

220. Charap S., Welt C. A More Proactive U.S. Approach to the Georgia Conflicts. Washington D.C.: Center for American Progress, February 2011. 70 p.

221. Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond and G. Powell. - N.Y., 1996. - P.9-10.

222. Comprehensive Lessons Learned. White Paper. Army capabilities Integration Center. 9 June 2009.

223. Crenshaw M. Thoughts on relating terrorism to historical contexts// Terrorism in Context. P.21 Holt H. Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe. 2007.

224. Goldstone J. A. Revolution and rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991.

225. Gordon M. Hahn. The Caucasus Emirate Goes Global// Интернет-портал «Stratfor». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stratfor.com/the-hub/caucasus-emirate-goes-global>

226. IdZ (Infanterist der Zukunft) Future Soldier System, Germany // Army-technology. com: website. 2007. April 27. URL: <http://www.army-technology.com/projects/idz>.

227. Kuchins A., Malarkey M., Markedonov S. The North Caucasus: Russia's Volatile Frontier, Center for Strategic and International Studies, March 2011. 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://csis.org/files/publication/110321_Kuchins_NorthCaucasus_WEB.

228. Maj. Ralph Peters, «Constant Conflict», Parameters. US Army College Quarterly, summer 1997, p. 14.

229. Multiple Futures Project. Navigating towards 2030 // Final Report. London, 2009. April. P. 36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iris-france.org/docs/pdf/up_docs_bdd/20090511-112315.pdf.

230. National Security Strategy of the United States of America, May 2010// The White House. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

231. North Caucasians and Ethnic Russians Agree on Region's Bleak Prospects. Jamestown foundation, Eurasia Daily Monitor Volume: 10 Issue: 22, February 6, 2013.

232. Nye J. The Means to Success in World Politics. NY. 2004. Quadrennial Defense Review Report. US of America. Department of Defense. February 2010. - P. 4-5.

233. R. Craig Nation. Russia, the United States, and the Caucasus. February 2007// Strategic Studies Institute (SSI). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub764.pdf>
234. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey, 1990.
235. Silke A. Fire of Iolous: The role of state countermeasures in causing terrorism and what needs to be done// Root causes of terrorism. P. 250.
236. Stummer M. Die Deutschen in Europa // Europa Archiv. 1989. P. 24.
237. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense // United States Department of Defense: website. Washington, 2012. P. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf.
238. The Economist, July 20, 2002. A survey of the Defense Industry. - P. 7.
239. The Atlantic Council of the United States// Официальный сайт НАТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/docu/nato_after_istanbul/nato_after_istanbul_en.pdf
240. The Middle East: Armenia // Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/am.html#Econ>
241. The Middle East: Azerbaijan// Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>
242. The Middle East: Georgia// Central Intelligence Agency (CIA)/ The World Factbook. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gg.html>
243. The Military Balance 2006 - 2010 / The International Institute for Strategic Studies. – London, 2006 - 2010.
244. The situation relating to Nagorny-Karabakh// Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.un.org/en/sc/repertoire/89-92/Chapter%208/EUROPE/item%2019_Nagorny-Karabakh.pdf

245. Tisdall S. This dangerous new world of self-interested nations // «The Guardian». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/22/frozen-conflict-spreads-across-globe>

246. Walt S.M. The Origins of Alliances. - Ithaca: Cornell University Press, 1987.

**ПРОГРАММА
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПО ПРОБЛЕМЕ
«ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Москва – 2014 г.

Проблема исследования. Последнее десятилетие характеризуется фундаментальными изменениями роли и места Российской Федерации в мировой системе координат, и в данной связи возникают новые угрозы безопасности страны. Вызовы со стороны политических сил, прибегающих к насилию в достижении собственных целей, многократно масштабированы в связи с распространением трансграничных угроз, в частности, в регионах, где данные субъекты исторически включены в социальные конфликты различной степени интенсивности, что предполагает поиск адекватных подходов к обеспечению безопасности государства.

В условиях нестабильности по периметру границ России возрастает значимость Кавказского региона, в особенности, в геостратегическом и геоэкономическом ракурсах, что находит свое отражение в концентрации усилий акторов мировой политики по трансформации среды региона. Усложняется динамика и масштабы протекающих в нем военно-политических процессов. При этом просчеты в оценке и прогнозировании развития процессов, так или иначе влияющих на уровень безопасности России, неверная градация существующих угроз и вызовов способны привести к губительным и необратимым последствиям.

Обозначенные обстоятельства вызывают необходимость проведения экспертного опроса по оценке влияния военно-политических процессов в Кавказском регионе на безопасность России и конкретизации потенциальных военных угроз государству, обусловленных военно-политическими процессами на Кавказе.

Объект исследования – военно-политические процессы в Кавказском регионе.

Предмет исследования - влияние военно-политических процессов в Кавказском регионе на состояние безопасности РФ.

Цель исследования. Экспертный опрос имеет своей целью выявление и оценку согласованности позиций российского интеллектуального и

политического сообщества о военно-политических процессах, функционирующих в Кавказском регионе, и их влиянии на безопасность России.

Задачи исследования. Для достижения выше указанной цели в ходе исследования решаются следующие задачи:

- фиксация общей оценки состояния безопасности России, тенденций к ее изменению (улучшению или ухудшению) по отдельным направлениям;
- фиксация перечня основных военно-политических процессов, функционирующих в Кавказском регионе и их типологизация;
- получение экспертных оценок относительно степени остроты реальных и потенциальных угроз безопасности страны, вызванных военно-политическими процессами в Кавказском регионе;
- оценка влияния на безопасность РФ конфигурации политических сил, сосредоточенных в Кавказском регионе;
- получение экспертных оценок в отношении приоритетных направлений государственной политики в Кавказском регионе.

Гипотеза исследования. Ломка однополярного мира и ужесточение, в связи с этим, геополитической борьбы обусловили деструктивные военно-политические процессы по периметру границ России. Кавказский регион, являясь неоднородным в этноконфессиональном плане, исторически нестабильный, находится в центре противоречий. Расширение спектра военно-политических процессов, их масштабирование и углубление интенсивности в совокупности с нерешенными противоречиями региона представляют угрозы безопасности РФ в различных ее аспектах и определяют повышение значимости региона при выработке приоритетных направлений государственной политики.

Методика исследования. Реализация поставленных в ходе исследования задач реализуется посредством опроса экспертов, представляющих следующие области профессиональной деятельности:

1. **Ученые**, специализирующиеся на изучении политических, экономических, юридических, военных аспектов безопасности государства («теоретики»).

2. **Государственные служащие**, имеющие значительный опыт работы в системе обеспечения безопасности страны («практики»).

Проведение исследования включает в себя **методические процедуры**:

1) **Анализ информационного поля:**

✓ Составление перечня военно-политических процессов, функционирующих в Кавказском регионе, их предварительная классификация.

✓ Составление перечня субъектов политики, предположительно оказывающих влияние на развитие военно-политических процессов в Кавказском регионе.

✓ Составление перечня угроз безопасности России, предположительно исходящих из Кавказского региона.

В качестве основы для формирования перечисленных выше списков использовались международные нормативные правовые акты, ратифицированные РФ, российские государственные доктрины и концепции как в области национальной безопасности в целом, так и в области отдельных ее составляющих (информационная безопасность, продовольственная безопасность, военная безопасность и т.п.). Информация, содержащаяся в государственных доктринах и концепциях, была дополнена по итогам изучения публикаций прессы и аналитических материалов.

2) **Опрос экспертов** проводится путем очного и заочного анкетирования посредством заполнения анкеты. Для заочного анкетирования инструментарий адаптирован под самостоятельное заполнение экспертом.

3) **Серия интервью** с экспертами-комментаторами в целях уточнения ключевых результатов исследования. Результаты интервью будут использованы в отчете в текстовой форме и как комментарии к результатам анкетного опроса.

4) **Статистический анализ данных опроса включает процедуры:**

- ✓ Одномерный анализ данных
- ✓ Факторный анализ (оценки деструктивности процессов и остроты угроз)
- ✓ Кластерный анализ (кластеризация мнений экспертов и их классификация)
- ✓ Корреляционный анализ (выявление взаимосвязи различных параметров).

5) **Обобщение данных и интерпретация результатов.**

Анализ основных понятий исследования. Ниже приведены определения основных понятий, использовавшихся в анкете экспертного опроса, со ссылками на источники этих определений.

1) **Безопасность** - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз²¹⁹.

2) **Национальная безопасность** - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства²²⁰.

3) **Угроза национальной безопасности** - прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства²²¹.

²¹⁹ Закон РФ от 5 марта 1993 г. № 2446-1 «О безопасности» (в ред. Закона РФ от 25.12.1992 года № 4235-1, Указа Президента РФ ФОТ 24.12.1993 г. № 2388) ч.1. ст. 1.

²²⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. I, ст. 6.

²²¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. I, ст. 6.

4) **Военная опасность** - состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы²²².

5) **Военная угроза** - состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)²²³.

6) **Кавказский регион** – охватывает территории Азербайджана, Армении, Грузии, Нагорно-Карабахской Республики, Абхазии и Южной Осетии, а также Северо-Кавказского Федерального округа России²²⁴.

7) **Военно-политический процесс** – совокупность действий и взаимодействий военно-политических акторов, которая характеризуется определенной направленностью, обусловленную реализацией политических целей и интересов этих акторов, в том числе военными средствами²²⁵.

8) **Военный конфликт** - форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)²²⁶.

²²² Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) гл. I ст. 6. п. «б».

²²³ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) гл. I, ст. 6. п. «в».

²²⁴ *См. напр.:* Захаров В.М. Военное строительство в государствах постсоветского пространства. М.: РИСИ, 2011. С. 183.

²²⁵ *Прим.:* термин предложен автором экспертного опроса.

²²⁶ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.). Ст. 6. П. «г».

9) **Гегемонизм** – воинствующее выражение державного эгоцентризма, политических властных амбиций и стремлений к доминированию в региональном, субрегиональном или глобальном масштабе²²⁷.

10) **Милитаризм** - политика усиления военной мощи, наращивания вооружений, активизации военных приготовлений, а также идеология, направленная на оправдание такой политики и допустимость использования военной силы при решении международных и внутренних конфликтов²²⁸.

11) **Экстремизм** - какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке²²⁹.

12) **Терроризм** - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий²³⁰.

13) **Сепаратизм** - какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему²³¹.

²²⁷ Родачин В.М. Идеология и современные военно-политические процессы: автореф. дисс. ...докт. фил. наук. М., 1995.

²²⁸ *Прим.*: термин предложен автором экспертного опроса.

²²⁹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) п. 3 ч. 1 ст. 1; ФЗ от 10.01.2003 № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

²³⁰ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму. С изменениями и дополнениями от: 5 мая 2014 г. ст. 3.

²³¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) п. 2 ч. 1 ст. 1; ФЗ от 10.01.2003 № 3-ФЗ «О

14) **Производство и распространение ОМП** – действия по разработке, производству, приобретению, накоплению и сбыту оружия (химического, биологического, ядерного и иных видов), способного нанести массовые потери или разрушения на относительно больших пространствах²³².

15) **Информационные операции** - набор средств информационно-психологического воздействия, согласованно применяемых для оказания влияния на людские и материальные ресурсы противника, а именно, психологическое воздействие, операции по дезинформации, электронная борьба, операции в компьютерных сетях, операции по обеспечению безопасности²³³.

16) **Наркопреступность** - составляющая совокупность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков²³⁴.

17) **Безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации** - защищенность права личности и общества на здоровый образ жизни. Терминология обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации установлена разделом 6 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.²³⁵.

18) **Безопасность качества жизни** - защищенность права личности на достойную жизнь и свободное развитие²³⁶. Терминология обеспечения безопасности качества жизни установлена разделом 2 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

²³² Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. ст. 355.

²³³ *Прим.*: термин предложен автором экспертного опроса.

²³⁴ Клименко Т.М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Российской Федерации: автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Волгоград, 2008.

²³⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV.разд.6.

²³⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV.разд.2.

19) **Военная безопасность** - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять²³⁷.

20) **Государственная безопасность** - защита конституционного строя, политической стабильности, независимости и суверенитета²³⁸. Терминология обеспечения государственной безопасности установлена разделом 2 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

21) **Информационная безопасность** - защищенность национальных и личных интересов в сфере сбора, формирования, распространения и использования информации. Состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства²³⁹.

22) **Климатическая безопасность** - защищенность экосистем и связанных с ними форм совместной жизни людей от глобальных климатических изменений и их последствий²⁴⁰ (в документе не содержится конкретной дефиниции понятия «Климатическая безопасность», но косвенным образом определяется ее через перечень стратегических целей, направлений обеспечения, угроз и мер по укреплению).

23) **Культурная безопасность** - уровень развития сферы культуры и образования населения²⁴¹ Терминология обеспечения безопасности в сфере

²³⁷ Военная доктрина Российской Федерации №146 (утверждена Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) гл. I, ст. 6, п. «а».

²³⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 2.

²³⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации №ПР-1895. (утверждена Указом Президента от 9 сентября 2000 г.) гл. I, разд. 1.

²⁴⁰ Климатическая доктрина Российской Федерации №861-рп (утверждена распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г).

²⁴¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 7.

культуры установлена разделом 7 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

24) **Научно-технологическая безопасность** - обеспечение научного и технологического суверенитета²⁴². Терминология обеспечения безопасности в научно-технологической сфере установлена разделом 5 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

25) **Общественная безопасность** - защищенность личности и общества от преступных посягательств²⁴³. Терминология обеспечения общественной безопасности установлена разделом 2 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

26) **Экологическая безопасность** - защищенность экосистем и связанных с ними форм совместной жизни людей от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий²⁴⁴. Терминология обеспечения экологической безопасности установлена разделом 8 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

27) **Экономическая безопасность** - обеспечение устойчивого развития экономики и социально-экономической стабильности общества²⁴⁵. Терминология обеспечения экономической безопасности установлена разделом 4 главы IV Стратегии национальной безопасности России до 2020.

28) **Энергетическая безопасность** - защищенность от угрозы дефицита энергоресурсов²⁴⁶. Терминология обеспечения экономической безопасности установлена пунктом 60 раздела 4 главы IV Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

²⁴² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 5.

²⁴³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 2.

²⁴⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 8.

²⁴⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 4.

²⁴⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537) гл. IV, разд. 4, п. 60.

**АНКЕТА
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПО ПРОБЛЕМЕ
«ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Москва – 2014 г.

Уважаемый эксперт!

Отметьте, пожалуйста, вариант ответа, наиболее отражающий Вашу позицию, подчеркиванием шрифта. При необходимости дайте комментарий²⁴⁷. На последний вопрос анкеты приведите Вашу точку зрения.

Анкеты анонимны. Результаты исследования будут использованы исключительно в обобщенном виде.

1. По Вашему мнению, как изменилось состояние национальной безопасности России за последние 3- 5 лет?

2. Заметно улучшилось
3. Скорее улучшилось
4. Не изменилось
5. Скорее ухудшилось
6. Заметно ухудшилось

2. Оцените значимость отдельных регионов мира с точки зрения исходящих оттуда угроз безопасности России

(присвойте ранг каждой из указанных групп угроз по степени значимости для безопасности России от 1- 6: наиболее значимому региону проблем присваивается ранг 1, наименее значимому - ранг 6)

1. Арктика
2. Европа
3. Кавказский регион
4. Ближний и Средний Восток
5. Центральная Азия
6. АТР

3. Как Вы оцениваете динамику угроз безопасности России, исходящих из Кавказского региона, за последние 5 лет?

1. Произошло значимое ослабление угроз
2. Произошло незначительное ослабление угроз
3. Изменений не произошло
4. Произошло незначительное усиление угроз
5. Произошло значимое усиление угроз

²⁴⁷ Прим. авт.: В настоящем приложении аналитического отчета анкета приводится с изъятием строки «Комментарий эксперта».

4. Соответствует ли, по Вашему мнению, интересам России сложившаяся в настоящее время конфигурация политических сил в Кавказском регионе?

1. Соответствует интересам России в значительной степени
2. Соответствует интересам России в незначительной степени
3. Не соответствует интересам России, однако не противоречит им
4. Противоречит интересам России в незначительной степени
5. Противоречит интересам России в значительной степени

5. Оцените вероятность возникновения военных конфликтов на Кавказе или эскалации «законсервированных» в ближайшие 5 лет?

1. Высокая вероятность
2. Умеренная вероятность
3. Низкая вероятность

6. Оцените значимость основных военно-политических процессов, функционирующих в Кавказском регионе, с точки зрения обеспечения безопасности России

(присвойте ранг каждому варианту исходя из степени влияния на безопасность России от 1- 8: наиболее значимой группе - ранг 1, наименее значимой - ранг 8)

1. Религиозный экстремизм
2. Терроризм
3. Этносепаратизм
4. Производство и распространение ОМП
5. Наркопреступность
6. Гегемонизм
7. Милитаризм
8. Информационные операции

7. Оцените, в какой мере военно-политические процессы, развивающиеся в Кавказском регионе, оказывают влияние на безопасность РФ?

1. Представляют угрозы безопасности России
2. Являются опасностями, могут трансформироваться в угрозы
3. Не затрагивают безопасность России

8. Какие угрозы безопасности Российской Федерации, исходящие из Кавказского региона, будут иметь приоритетное значение в перспективе 5 лет?

(присвойте ранг каждой из указанных групп угроз по степени значимости для безопасности России от 1- 6: наиболее значимой группе проблем присваивается ранг 1, наименее значимой - ранг 6)

1. В сфере государственной безопасности

2. В сфере военной безопасности
3. В сфере социальной безопасности
4. В сфере информационной безопасности
5. В сфере экономической безопасности
6. В сфере энергетической безопасности

9. Определите значимость основных причин сохранения напряженности в Кавказском регионе

(присвойте ранг каждой из указанных групп причин от 1- 5: наиболее значимой группе проблем присваивается ранг 1, наименее значимой - ранг 5)

1. Наличие спорных территорий
2. Борьба ведущих акторов мировой политики за сферы влияния
3. Этноконфессиональная неоднородность региона
4. Геостратегическое положение региона
5. Неурегулированность миграционных потоков

10. В какой степени, на Ваш взгляд, сотрудничество НАТО и государств Кавказского региона способно представлять угрозы безопасности России?

7. Критическая степень
8. Высокая степень
9. Умеренная степень
10. Низкая степень
11. Отсутствие угроз

11. Как Вы оцениваете возможность вхождения одного или нескольких государств Закавказья в НАТО в ближайшие 3 года?

1. Высокая вероятность
2. Умеренная вероятность
3. Низкая вероятность

12. В какой мере политика Вашингтона влияет на развитие современных военно-политических процессов в Кавказском регионе?

1. Определяет развитие военно-политических процессов
2. Влияет в значительной мере
3. Влияет умеренно
4. Влияет в незначительной мере
5. Не влияет на развитие военно-политических процессов

13. Оцените эффективность деятельности ОДКБ на Кавказском направлении?

1. Высокая эффективность
2. Умеренная эффективность
3. Низкая эффективность

14. Оцените возможность и эффективность заключения двусторонних военно-политических «союзов» государств Закавказья (в том числе, неофициальных), инициируемых с целью ослабления безопасности России

(отметьте знаком «+» Ваши оценки эффективности и вероятности заключения каждого из потенциально созданных «союзов»)

Государства Закавказья	Вероятность заключения двустороннего «союза»			Оценка эффективности двустороннего «союза»		
	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая
Армения-Грузия						
Азербайджан-Армения						
Грузия-Азербайджан						

15. Оцените возможность и необходимость двустороннего военного сотрудничества России и государств Кавказского региона

(отметьте знаком «+» Ваши оценки возможности и необходимости военного сотрудничества России и государств Кавказского региона)

Государства региона	Оценка возможности сотрудничества			Оценка необходимости сотрудничества		
	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая
Армения						
Азербайджан						
Грузия						
Южная Осетия						
Абхазия						

16. Из каких государств и государственных образований Кавказского региона в ближайшие 3 года могут исходить наиболее значимые угрозы безопасности России?

(присвойте ранг каждому из государств от 1- 6: наиболее значимому присваивается ранг 1, наименее значимому - ранг 6)

1. Грузия
2. Армения
3. Азербайджан
4. Южная Осетия
5. Абхазия
6. Нагорно-Карабахская республика

17. Какие субъекты СКФО в ближайшие 3 года будут наиболее проблемными с точки зрения обеспечения безопасности России?

(присвойте ранг каждому из субъектов от 1- 7: наиболее значимому присваивается ранг 1, наименее значимому - ранг 7)

1. Республика Дагестан
2. Республика Ингушетия
3. Кабардино-Балкарская республика
4. Карачаево-Черкесская республика

5. Республика Северная Осетия-Алания
6. Ставропольский край
7. Чеченская республика

18. Как Вы считаете, в какой степени внешняя и внутренняя политика российской власти в Кавказском регионе в настоящее время отвечает задачам обеспечения безопасности России в разных сферах?

(присвойте оценку по шкале от -3 «совершенно не отвечает» до +3 «отвечает в полной мере»).

Сфера безопасности	Внутренняя политика	Внешняя политика
Государственная безопасность		
Военная безопасность		
Энергетическая безопасность		
Экономическая безопасность		
Культурная безопасность		
Общественная безопасность		
Безопасность качества жизни		
Безопасность в сфере здоровья нации		
Климатическая безопасность		
Экологическая безопасность		
Информационная безопасность		
Научно-технологическая безопасность		

19. Как Вы полагаете, какие направления государственной политики в Кавказском регионе являются приоритетными с точки зрения обеспечения безопасности России?

Ответ на заявленный вопрос

**Уважаемый эксперт!
Спасибо Вам за заполнение анкеты!**

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА
«ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Москва – 2014 г.

ВВЕДЕНИЕ

Начало двадцать первого века отмечено активизацией процессов геополитического переустройства и формированием новой системы глобальной безопасности. Возрастающая конкуренция за обладание сырьевыми, энергетическими, социальными, территориальными ресурсами порождает активность акторов мировой политики и приводит к обострению существующих и возникновению новых вооруженных конфликтов. Для сохранения и упрочения доминирующих позиций в мировой политике государства, претендующие на лидерство, стремятся расширить зоны военно-политического влияния, в результате чего значительные ресурсы направляются на военное строительство, разрабатываются новые военно-стратегические концепции, создаются инновационные вооруженные силы, военная мощь страны используется для достижения геополитических и геоэкономических целей. Кроме этого, следует учитывать современную тенденцию использования силовых методов решения геополитических задач в обход общепризнанных норм международного права, что ведет к резкому обострению международной обстановки и нарастанию конфликтного потенциала в мире.

В данных условиях проблема обеспечения безопасности государства – один из основных вопросов, кроме того, первоочередной аспект мировой политики. Вызовы со стороны политических сил, прибегающих к насилию в достижении собственных целей, многократно масштабированы в связи с распространением трансграничных угроз, в частности, в регионах, где данные субъекты исторически включены в социальные конфликты различной степени интенсивности. Поэтому обеспечение безопасности невозможно без отслеживания реальных военно-политических процессов, которые не являются изолированными от различных аспектов деятельности российского социума, отдельных акторов мировой политики и транснациональных сил, - они связаны с ними, а нередко ими обусловлены.

Зоны нестабильности по периметру границ России повышают значимость Кавказского региона, в особенности, в геостратегическом и геоэкономическом ракурсах, что находит свое отражение в концентрации усилий акторов мировой политики по трансформации среды региона. Усложняется динамика и масштабы протекающих в нем военно-политических процессов. При этом просчеты в оценке развития процессов, так или иначе влияющих на уровень безопасности России, неверная градация существующих угроз и вызовов способны привести к губительным и необратимым последствиям.

Обозначенные обстоятельства обусловили актуальность экспертной оценки влияния военно-политических процессов в Кавказском регионе на безопасность России и конкретизации потенциальных военных угроз государству, обусловленных региональными военно-политическими процессами.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

В основу исследования военно-политических процессов в Кавказском регионе и их влияния на безопасность России были положены элементы комплексно-интегрированного подхода к анализу процессов:

- ✓ логико-теоретический анализ проблемы;
- ✓ сбор необходимой эмпирической информации;
- ✓ обработку и интерпретацию полученных данных.

Автором была избрана количественно-качественная методология в исследовании заявленной проблемы. Не исключая возможности практического применения идей «понимающей социологии», качественные методы которой являются инструментами в объяснении реальности - как со стороны надындивидуальных структур, так и с позиций включенного субъекта, описание, объяснение и анализ в исследовании сфокусированы воедино посредством применения *интегрирующей стратегии* практико-познавательного изучения. Инструментарий анкеты эксперта представлен в *Приложении 1*, программа исследования представлена в *Приложении № 2*.

Исследование проводилось в мае-июне 2014 г. В совокупности было опрошено 40 российских и зарубежных экспертов, представляющих академическое сообщество, исследовательские центры, аналитические структуры, а также федеральные и региональные органы власти России.

Завершив этап сбора данных, было произведено вычисление количественных показателей полученной информации. В дальнейшем все сведения были преобразованы в необходимую для статистического описания форму и проанализированы.

При проведении исследования осуществлено сравнение полученных результатов по изучаемой проблеме с новейшими теоретическими разработками российских и зарубежных научных аналитических центров. При сопоставлении основных выводов со смежными исследованиями, можно

заклучить, что их результаты соотносятся в части основных выводов по изучаемой проблеме.

Полученные результаты опроса экспертов представлены в виде диаграмм.

В первую очередь, экспертам был задан вопрос, как изменилось состояние национальной безопасности России за последние годы. Опрос специалистов, представляющих разные сферы деятельности – как тех, кто непосредственно несет ответственность за обеспечение национальной безопасности, так и академических специалистов, общественных деятелей – позволил посмотреть на выделенную проблему объемно, со стороны различных социальных групп. Как показали результаты исследования, эксперты оценивают состояние национальной безопасности неоднозначно. Тем не менее, ответы большинства респондентов оказались заметно положительнее, чем в аналитических работах, затрагивающих подобные темы.

На диаграмме отражено: в совокупности около **55 %** экспертов полагают, что **состояние национальной безопасности улучшилось** в последние годы. Респонденты-теоретики так трактуют происходящее:

«В структуре национальной безопасности заметно усилилась военная безопасность».

«Возрос оборонный потенциал России. Активизировалась внешняя военно-политическая деятельность. Вхождение Крыма в состав России резко повысило стратегические позиции РФ».

«Состояние национальной безопасности улучшилось в силу значительного повышения активности российского руководства в осуществлении внешней политики при отстаивании национальных интересов страны. Кроме этого, можно гордиться назначением нового МО и увеличением военных расходов на оборону страны».

Неоднозначные оценки эксперты связывают с неравномерностью осуществления политики государства по обеспечению национальной безопасности. Так, например, один из респондентов отмечает:

«С одной стороны, началось перевооружение российских вооружённых сил новым, более совершенным вооружением: новые типы танков, боевых машин пехоты, модернизированных самолётов МИГ, ракетного вооружения среднего и дальнего радиуса действия, поступили средства ПВО С-400, серьёзные изменения в военно-морском флоте, системах управления войсками, меняется к лучшему индивидуальное вооружение в разных видах войск. Регулярно стали проводить учения войск, в том числе с Китаем и Индией, странами ОДКБ. В геостратегическом плане есть изменения к лучшему: Россия обеспечивает дальние походы флота, дальние полеты авиации; Россия получила базы в Абхазии, Крыму; Черноморский флот получил возможность нормально развиваться. Удаётся пока сохранять военно-морскую базу в Сирии.

С другой стороны, события в Украине показали возникновение определённого дисбаланса сил НАТО и России в Восточной Европе, приближение источников прямых угроз к границам России. России вместе с Белоруссией в условиях резкого обострения ситуации приходится противостоять США и НАТО. Большие трудности испытывает Россия и в информационной борьбе».

Негативно состояние национальной безопасности в совокупности оценивают около **30 %** экспертов, что является весьма тревожным сигналом. В качестве аргументов высказываются следующие позиции:

«События на Украине представляют собой реальную угрозу безопасности России».

«Существующие соответствующие структуры по достижению национальных интересов государства сегодня малоэффективны в обеспечении реальной безопасности РФ».

Кроме этого, следует отметить, что эксперты-практики смотрят на проблему более объемно, чем теоретики. Так, например, в их высказываниях затронуты следующие аспекты:

«Решение вопросов национальной безопасности возможно только в коалиции или союзе с другими странами. При этом партнерские отношения, отвечающие национальной безопасности России, установлены или могут быть установлены с небольшим кругом стран, и они (отношения) не достаточно устойчивы».

«Национальная безопасность – дефиниция емкая. Состояние национальной безопасности турбулентно, при этом варьируется от конкретных ее сфер».

Таким образом, очевидно, что неоднозначная оценка состояния национальной безопасности не имеет простой интерпретации и поэтому, учитывая остроту проблематики, должна стать предметом широкого обсуждения заинтересованными сторонами.

Следующий вопрос предполагал выяснение мнений экспертов относительно того, откуда исходят сегодня наиболее серьезные вызовы и угрозы российскому государству.

Наиболее **проблемным регионом**, с точки зрения экспертов, признается **Европейский регион** – большинство экспертов отметили его как источник вызовов и угроз безопасности государству. В совокупности рассматриваемых ранговых показателей практически две трети экспертов

полагают, что России необходимо сосредоточить внимание на указанном направлении, что связано, большей частью с деятельностью Североатлантического альянса. Отметим мнения некоторых экспертов-практиков:

«Европе отведено первое место при учете нынешнего положения в Украине и расположения в Европе НАТО и её значимой зависимости от США».

«Наиболее опасным регионом для России, с т.зр. ее безопасности, является ЕС с его военно-политической структурой (НАТО). Его сегодняшняя политика, направляемая США, является наиболее агрессивной по отношению к России».

Позиции теоретиков согласуются с мнениями государственных служащих:

«Обострение обстановки в Восточной Европе в связи с событиями в Украине, поддержка со стороны США военных действий украинских властей в Донецкой и Луганской республиках, активизация действий США и НАТО в Украине, чрезвычайно обострили ситуацию в Европе, обозначили угрозы, идущие из этого региона как наиболее серьёзные».

«Европа-НАТО. С другими угрозами Россия справится, но предотвратить экспансию НАТО - задача трудновыполнимая».

Вариативные оценки экспертов зафиксированы по Центральной Азии, Кавказскому региону, Ближнему и Среднему Востоку. Теоретики отмечают:

«На Ближнем Востоке сохраняется напряжённость в связи с действием террористических и фундаменталистских сил в Сирии, Ливии, поддержкой со стороны США сирийской вооружённой оппозиции, сохранением радикальной установки Саудовской Аравии»

«Кавказский «узел» сохраняет свою значимость: беспокоит вдобавок ещё остановка в Абхазии, где России для сохранения авторитета необходимо найти решение проблемы противостояния президента и

оппозиции в этой стране. Грузия продолжает подготовку к вступлению в НАТО».

«Основные угрозы идут из Центральной Азии, а именно: наркотрафик, незаконная миграция».

Следует заметить, что среди представленных направлений специалисты присвоили **наименьшую значимость Азиатско-Тихоокеанскому региону и Арктическому направлению.**

«Арктика - пока некорректно».

«В Арктике относительно спокойно. Россия создала специальные подразделения, совершенствует их подготовку, проводит серьёзную политико-правовую и имиджевую работу, но настоящая борьба за Арктику впереди; США, Норвегия, Канада, Дания ведут свою игру; если они объединят усилия, то это серьёзно затруднит закрепление суверенитета России на шельфе в Арктике».

Многие респонденты отметили значимость каждого из регионов, отметив в комментариях, что на каждом направлении функционируют особые формы напряженности, которые при определенных условиях могут стать угрозами безопасности России. Приведем лишь один из комментариев:

«Нельзя индифферентно относиться к каким-либо регионам, или нивелировать какое - либо из указанных направлений. Современный миропорядок характеризуется пертурбациями в обществах».

Таким образом, представляя полученные данные в виде таблицы, формально, регионам следующие ранги можно присвоить значимости:

Таблица № 1

Значимость отдельных регионов мира с точки зрения исходящих угроз безопасности РФ	Наибольшая частота (мода)
1. Европа	1
2. Кавказский регионе	2
3. Центральная Азия	3
4. Ближний и Средний Восток	4
5. АТР	5
6. Арктика	6

При этом зафиксировано несколько ответов, в которых **США отводится роль основной угрозы безопасности России:**

«Наибольшая угроза США. № 1».

«США - вот страна, откуда исходит угроза России».

Следующий вопрос был сфокусирован непосредственно на Кавказский регион и целью его было выяснить, как изменился уровень угроз, исходящих из региона за прошедшие 5 лет.

В совокупности около **20 %** специалистов полагают, что произошло **значимое ослабление угроз:**

«По сравнению с прошлым пятилетием, есть заметные позитивные изменения. Снижены агрессивные устремления Грузии в связи со сменой одиозного режима М. Саакашвили. Есть успехи в борьбе с террористическими группировками внутри России: в Чечне, Ингушетии, Дагестане».

При этом, около **71 %** экспертов-практиков и около **42 %** экспертов-теоретиков полагают, что произошло **незначительное ослабление угроз:**

«Пророссийская политика Армении, Абхазии, Южной Осетии, активная позиция Чеченской Республики – вот основы стабилизации».

«Снижены только военные угрозы. Политическая угроза ослаблена за счет поддержки узкого круга лидеров региона, при их смене наблюдаемая».

стабильность будет нарушена. Ослабление экономической, культурной, этнической, социальной не наблюдается»

«Позитивные изменения фиксируются, главным образом, за счет смягчения антироссийской позиции Грузии».

Кроме этого, следует отметить тот факт, что в оценках деструктивности процессов эксперты-практики гораздо более пессимистичны, чем исследователи. В частности, около **30 %** государственных служащих полагают, что произошло **незначительное, но усиление угроз**, тогда как теоретиками эта тенденция не фиксируется.

Далее респондентам был задан вопрос, в какой мере конфигурация политических сил в Кавказском регионе соответствует интересам РФ.

Прежде всего, необходимо заметить, что около **50 %** совокупных высказываний имеют негативный окрас. При этом, эксперты, включенные в практическую деятельность вновь гораздо более пессимистичны, чем эксперты, представляющие академическое сообщество. Следует сфокусировать внимание на некоторых **пессимистичных позициях**:

«Политические силы Кавказа не способствуют (потому, что не заинтересованы) продвижению интересов самой России в экономической, культурной, этнической, социальной сферах».

«Политика и политики Грузии являются серьезным "фактором раздражения" для России; не решен вопрос с Абхазией и Южной Осетией, а конфликт в Нагорном Карабахе требует урегулирования; НАТО расширяет свое влияние в Грузии и Азербайджане. Представляется, что настоящие факторы во многом определяют политический климат в регионе».

Согласуются с ними и комментарии ученых:

«У России серьезные проблемы с Грузией и Азербайджаном. Это инициирует интриги и отражает конфигурацию сил -но только в моменте».

«Совокупные факторы антироссийского поведения Грузии, Азербайджана, террористическая группировка в Дагестане- серьезная угроза Российским интересам в регионе».

Приведем позитивные оценки экспертов:

«В конфигурации сил, которые старается формировать Россия, прежде всего, улучшилось положение самой России, что влияет на ее возможности позитивных изменений позиций других государств:

а) решение проблемы Черноморского флота России повлияло и соотношение сил в Кавказском регионе: более чем вдвое увеличилась полоса побережья, Керченский пролив стал почти внутренним для России, модернизируются базы флота в Крыму, что в системе с базами в Абхазии может серьезно изменить расклад сил;

б) России удаётся договариваться с Турцией по ряду вопросов, в том числе, Черноморского флота;

в) Армения занимает более определённую позицию, в том числе в поддержке России в вопросах, касающихся присоединения Крыма, пространства маневрирования российских военных на территории Армении;

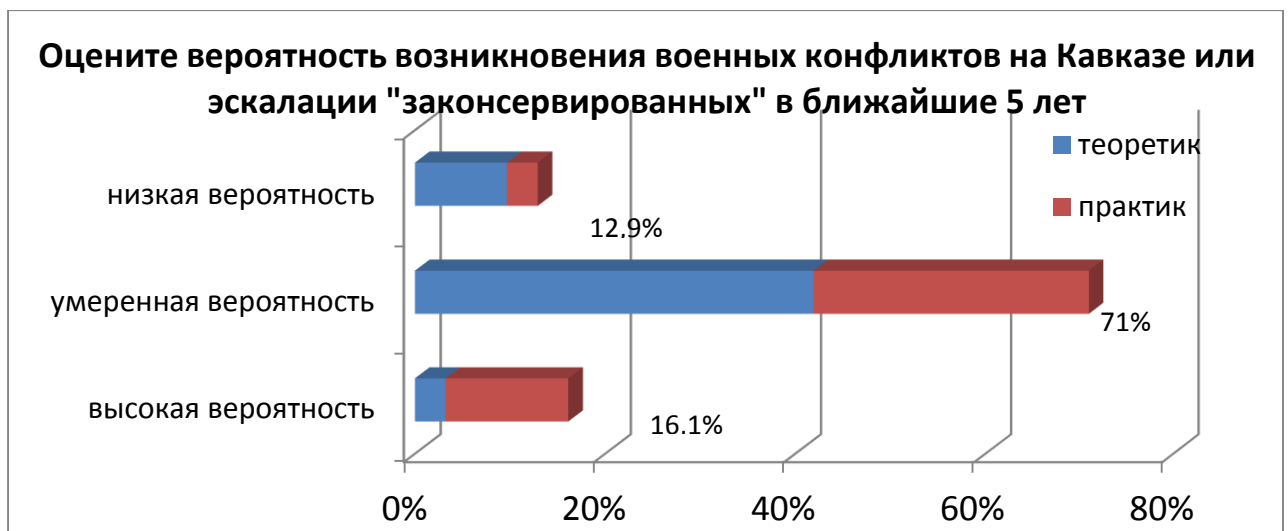
г) удастся пока удерживать Азербайджан в позиции относительного нейтралитета, в том числе, благодаря ослаблению интереса к нефтепроводам из Азербайджана в Европу;

д) позиция Грузии в целом не мешает строить базу в Гудауте, которая компенсирует уход России из Ахалкалаки».

Несмотря на позитивные сдвиги, важно зафиксировать, что в современных условиях на Кавказе усложняются противоречия не военного характера – группировка войск ЮСН блокирует потенциальные военные угрозы - а гуманитарного и социокультурного характеров. Кроме этого, Кавказский регион исторически является «зоной особых интересов России» и при этом «зоной жизненно важных интересов СШФ», что обуславливает перманентное пересечение интересов названных держав на Кавказе. В данной связи одним из наиболее значимых видится следующее мнение:

«Для России исторически Кавказский регион был сферой ее интересов. Важно, чтобы Россия сохранила здесь свое влияние, имела союзников».

В рамках следующего вопроса эксперты ответили, насколько вероятно возникновение или эскалация существующих военных конфликтов.

Большая часть экспертов, как отражено на диаграмме, считает, что вероятность возникновения или эскалации конфликтов **умеренная**. Вновь в прогнозной оценке эксперты-практики оказываются более пессимистичными, чем теоретики. Приведем лишь некоторые из комментариев:

«Можно с большой долей уверенности прогнозировать обострение нагорно-карабахского конфликта. Нарастание военного бюджета и негативной политической риторики Азербайджана свидетельствует об этом».

«Любая невозможность разрешить противоречия политической элиты Региона и Центра (или ее смена) приведет к возникновению военного конфликта».

«Определение статуса Абхазии и Южной Осетии возможно только с применением военной составляющей, если стороны будут придерживаться избранной позиции; Нагорно-Карабахский конфликт с большей долей вероятности будет воспламенен; Возможны провокации после вывода войск НАТО из Афганистана».

Несколько более осторожно высказываются ученые:

«Причины, которые лежали в основе возникновения военных конфликтов в регионе, полностью не устранены, их тление имеет место, а значит и возможность, силу различных порой непредвиденных обстоятельств, полностью исключать нельзя».

«Возможен военный конфликт, его резкалация между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха. Азербайджан усиленно наращивает свой военный потенциал».

«Карабах все еще может быть решен и военным путем».

Представляется возможным подытожить настоящий блок следующим комментарием:

«При всех несомненных достижениях России на Кавказе, сохраняются проблемные «поля»:

- а) Карабахский «узел» может стать завязкой для конфликта;*
- б) беспокойно в Южной Осетии и Абхазии;*
- в) внутривполитическая ситуация в Грузии может измениться с усилением радикальных сил;*
- г) радикальные салафиты сохранили влияние в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Ингушетии, что может вести к усилению подпольных формирований».*

Приведенный комментарий показывает, ужесточение геополитической борьбы, вызванное ломкой однополярного мира, обусловило деструктивные

военно-политические процессы по периметру границ России. Кавказский регион, являясь неоднородным в этноконфессиональном плане, исторически нестабильный, находится в центре противоречий. В данной связи экспертам был задан вопрос, какова значимость военно-политических процессов, которые развиваются в Кавказском регионе.

Данная постановка вопроса вызвала дискуссии в среде респондентов, поскольку каждое из перечисленных явлений может быть губительным - как для отдельной социальной группы, так и для планеты в целом.

Однако задача исследователя, как отмечалось, заключена в фиксации среза социально-политической реальности в Кавказском регионе в текущий период времени. Проанализировав полученные оценки, зафиксированным процессам можно присвоить следующие ранги:

Таблица № 2

Значимость основных военно-политических процессов, функционирующих в Кавказском регионе, с точки зрения обеспечения безопасности России	Наибольшая частота (мода)
1. Религиозный экстремизм	1
2. Терроризм	2
3. Этносепаратизм	3
4. Наркопреступность	4
5. Информационные операции	5
6. Милитаризм	6
7. Гегемонизм	6
8. Производство и распространение ОМП	8

Эксперты присвоили наивысший ранг опасности **религиозному экстремизму**, после чего следует **терроризм**. В данной связи представляют интерес следующие комментарии теоретиков:

«Радикальные салафиты остаются серьезной силой в республиках Северного Кавказа. Не устранены последствия необдуманного введения в действия закона об экстремизме и ваххабизме в Дагестане в 1999 г., в результате чего была упущена возможность союза традиционного ислама с умеренными салафитами против радикальной салафии. Умеренные салафиты были поставлены на одну «доску» с радикальными. Тогда была

подорвана основа влияния лояльных религиозных деятелей. Поэтому религиозный экстремизм остается наиболее серьезно обостряет обстановку, питая пополнение террористических групп и сепаратистские настроения».

«Терроризм произрастает на почве политической нестабильности, тоталитаризма и слабости государственной власти; кризисных процессов в экономике и сильной дифференциации населения по уровню доходов и материального благополучия; острой социальной напряженности, нерешенности социальных и межнациональных проблем; отсутствия духовных ориентиров и нравственной деградации общества».

Оценка государственного служащего подытоживает высказывания:

«Необходимо активное и широкое по охвату противодействие идеологии и практики терроризма и экстремизма на Кавказе».

Кроме этого, в среде экспертов распространена позиция, что выделенные **процессы тесно взаимосвязаны** между собой:

«Настоящие процессы тесно взаимосвязаны, только условно - в целях анализа - их можно подвергнуть подобной декомпозиции. Например, для своих целей террористы и экстремисты могут использовать как уже готовые боезаряды из арсеналов ядерных государств, так и самостоятельно изготовленное ядерное взрывное устройство при наличии в их распоряжении специального расщепляющегося материала».

«Религиозный экстремизм, терроризм и этносепаратизм взаимосвязаны».

«Религиозный экстремизм, этносепаратизм и терроризм - это взаимосвязанные факторы, они дополняют друг друга».

В данной связи следует отметить, что в последнее время участие ислама в политике, а точнее, радикальной его трактовки, не может быть оценено позитивно. Поскольку в последнее время оно нередко приобретает формы и направленность, которые не отвечают национальным интересам страны и задаче укрепления государства. В то время, когда ислам как инструмент (как метко было зафиксировано экспертами-практиками)

используется для создания проблем в отношениях федерального центра с субъектами РФ и давления на федеральную власть, одновременно он является и идеологической основой выступлений против руководства мусульманских республик, поддержания в регионах традиционного распространения ислама внутренней напряженности. После активизируются и националистические силы, которые берут его себе на вооружение для обоснования сепаратистских тенденций и противодействия федеральному центру. В результате ислам как политический фактор чаще используется в антигосударственных деструктивных целях, а не в интересах консолидации общества и укрепления государства. Поэтому требуется новая стратегия к данной проблеме с позиций национальных интересов России в связи с реальной угрозой, которую для безопасности страны представляет исламский экстремизм, воинствующий национализм и терроризм.

Резюмировать рассмотрение полученных данных можно следующей оценкой:

«Военно-политическая сфера КР находится в неустойчивом состоянии, характеризуясь возможностями наращивания конфликтного потенциала. Поэтому каждый из процессов деструктивен и требует нейтрализации».

Взаимопереплетение спектра военно-политических процессов, их масштабирование и углубление интенсивности в совокупности с нерешенными противоречиями региона достаточно в различных ее аспектах и определяют повышение значимости региона при выработке приоритетных направлений государственной политики. Поэтому респондентам был задан вопрос, в какой мере военно-политические процессы, развивающиеся в Кавказском регионе, оказывают влияние на безопасность России.

При ответе на заданный вопрос ни один из экспертов не ответил, что региональные процессы не затрагивают безопасность РФ, что подтверждает тезис автора о необходимости мониторинга военно-политических рисков - как внутри государства, так и по периметру его границ.

Около **77%** экспертов высказали мнение, что военно-политические процессы, протекающие в Кавказском регионе можно классифицировать как **опасности**.

«На данный момент и в ближайшие два-три года у разных акторов, которые желали бы ослабления позиций России в Кавказском регионе, не будет достаточно ресурсов, чтобы трансформировать риски в опасности и угрозы. Если России удастся удерживать стороны в Абхазии от конфликтов и продолжить строительство военной базы в Гудауте, поддержать баланс сил относительно Нагорного Карабаха, а вдобавок к этому сохранить нормальные отношения с Турцией, начать модернизацию Черноморского флота, поддержать баланс по ситуации с Ираном, то опасности не перерастут в угрозы и сближение Грузии с НАТО не повлияет серьезно на ситуацию».

«Нестабильность политической ситуации в Кавказском регионе является перманентной. На военно-политические процессы в регионе оказывают влияние США, НАТО, что несомненно является опасностью, прежде всего, военного плана, для национальных интересов России».

При этом **23 %** экспертов полагают, что протекающие процессы в регионе можно классифицировать как **угрозы** безопасности государства.

«Противоречие между Арменией и Азербайджаном, претензии Грузии на возвращение своего статуса в Абхазии и Южной Осетии могут перерасти в военный конфликт».

Таким образом, абсолютное большинство экспертов видят явную или скрытую опасность в протекающих процессах. Можно резюмировать, что нестабильность в Кавказском регионе вкупе с тенденцией применения социальных технологий трансформации социально-политических систем обуславливают необходимость ситуационного анализа опасностей и угроз в регионе, непрерывного системного анализа по боеготовности вооруженных сил, а в целом - поддержание военной организации государства в состоянии, позволяющем при необходимости обеспечить защиту его граждан.

В целях конкретизации наиболее проблемных направлений по обеспечению безопасности государства, экспертам было предложено определить приоритетность сфер, которые пятилетней перспективе будут подвержены реальным или потенциальным угрозам.

На основании данных можно выстроить следующую шкалу рангов:

Таблица № 3

Угрозы безопасности Российской Федерации, исходящие из Кавказского региона, которые будут иметь приоритетное значение в перспективе 5 лет	Наибольшая частота (мода)
1. В сфере госбезопасности	1
2. В сфере социальной безопасности	2
3. В сфере военной безопасности	3
4. В сфере экономической безопасности	4
5. В сфере информационной безопасности	5
6. В сфере энергетической безопасности	6

Наивысший ранг риска присвоен сфере **государственной безопасности**, что неудивительно. Распад СССР послужил причиной изменения геополитического расклада в Кавказском регионе. Последствия - этнополитические конфликты, многие из которых не нашли своего разрешения до сегодняшнего дня. Эксперты-практики полагают:

«Важно помнить исторический опыт России 90-х гг.- он стал для руководства страны непростым уроком, который нельзя повторить».

«Сепаратизм в регионе, поддерживаемый извне, и сегодня может быть поводом к кровавым конфликтам».

«Во всем мире образование новых независимых государств сопровождается возникновением ряда проблем, которые дают о себе знать. Это усугубляется тем фактом, что на Кавказе существует ряд неразрешенных военно-политических конфликтов, которые «консервируют» общую атмосферу напряженности».

Следует заметить, что второй ранг по значимости - это **социальная сфера**, по которой оценки как государственных служащих, так и ученых в высокой мере согласованы. Выделим наиболее яркую позицию теоретика:

«Угрозы безопасности России в Кавказском регионе, вырастают в основном из опасностей, имеющих социально-экономическую и информационную подоплёку. Так называемый «молодёжный выступ», т.е. высокий процент молодежи, энергию которой необходимо социализировать, направлять в общественно-полезное русло, создавать для них рабочие места, обучать их и включать в полноценные социальные отношения, будет давать о себе знать, в том числе, в радикализации настроений. Острота социальной сферы объясняется и конфликтами в Ставропольском крае, вытеснением русских из некоторых районов Ставрополя».

Подтверждают выделенный вектор оценки практиков:

«Наиболее важными проблемами являются идеологические и проблема возрождения духовности, но не только на Кавказе, а в России в целом».

«Религиозная сфера находится в зоне пристального внимания внешних и внутренних акторов, заинтересованных в ослаблении России».

«Укрепление социальной безопасности чрезвычайно важно, поскольку настоящая сфера находится в фокусе внимания субъектов ВПП, заинтересованных в ослаблении России».

Согласимся, однако, с экспертами, которые приводят мнения, что военно-политический, энергетический и транснациональный сектора безопасности региона взаимосвязаны и оказывают серьезное влияние на инициацию разного рода политических процессов:

«Все перечисленные сферы тесно взаимосвязаны. Обострение опасности в одной из них обязательно повлечет за собой обострение и в других сферах».

Далее экспертам было предложено оценить приоритетность некоторых из причин сохранения напряженности в Кавказском регионе. Данные представлены в таблице ниже.

Таблица № 4

Значимость основных причин сохранения напряженности в Кавказском регионе	Наибольшая частота (мода)
1. Борьба акторов мировой политики за сферы влияния	1

2. Геостратегическое положение региона	2
3. Наличие спорных территорий	3
4. Этноконфессиональная неоднородность региона	4
5. Ресурсный потенциал региона	5
6. Неурегулированность миграционных потоков	6

Сложность и взаимопереплетение причин так трактуется экспертами:

«Для ведущих акторов мировой политики (особенно, США) пытающихся влиять на политику России в сфере ее геостратегического положения, сохранение напряженности на Кавказе входит в зону национальных интересов. Делается ставка и на этноконфессиональную неоднородность региона, нерешенность вопросов, касающихся спорных территорий».

«Угрозы исходят, в первую очередь, в связи с борьбой вокруг непризнанных и частично признанных государств Нагорного Карабаха, Абхазии, Северной Осетии. В силу геостратегического значения региона внешние факторы (претензии Грузии и Азербайджана) могут вступать во взаимодействие с внутренними, в том числе, вытекающими из неупорядоченной миграции, что может создавать серьезные угрозы».

Таким образом, **гегемонистские устремления, борьба акторов мировой политики** за сферы влияния становятся главными целями участников международных отношений, претендующих на лидерство. Однако, как считают наиболее информированные эксперты:

«Американские военные склонны при формировании национальной кавказской политики и планировании стратегических операций руководствоваться прагматическим, менее амбициозным подходом, чем это было».

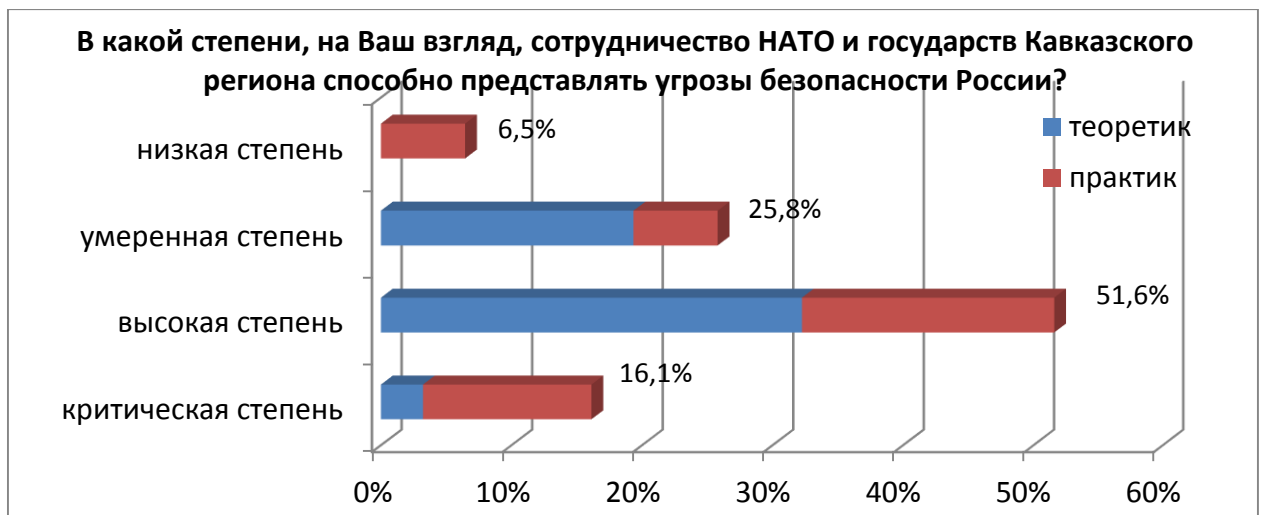
С учетом вышеизложенного целесообразно рассматривать Кавказский регион в основном как зону столкновения российско-американских интересов, опираясь на четко структурированные данные об этом географическом пространстве. Следует привести альтернативные позиции

экспертов относительно факторов, влияющих на сохранение напряженности в регионе:

«Большая часть перечисленных "причин" носит объективный характер, без учета первой причины - неэффективность властных воздействий федерального центра - теряет значение. Это зависит от нас».

«Неэффективность управления сложными процессами и проблемами на федеральном и в меньшей степени на региональном уровне, высочайшая коррумпированность и некомпетентность».

Следующим этапом исследования явились вопросы относительно деятельности региональных организаций военно-политического характера.

Анализируя данные, которые были получены при ответе на заявленный вопрос, следует отметить поляризацию мнения экспертов-практиков и экспертов-теоретиков. Как показывает тенденция настоящего исследования, мнения государственных служащих отличаются скептицизмом в сравнении с мнением представителей научного сообщества. Не является исключением и данный вопрос.

Так, **29 % экспертов-практиков** полагают, что сотрудничество НАТО и государств Кавказского региона представляет для России **критическую степень тревоги**, в то время, как среди теоретиков этот показатель в шесть раз ниже - около 5 %.

Приведем некоторые из мнений специалистов, рассматривающих такое сотрудничество как высокую степень опасности для РФ:

«В силу повышения активности США, повышения ее веса в НАТО, что явственно проявилось на Украине, НАТО имеет возможности серьезно обострить обстановку в Кавказском регионе, особенно при возникновении американских баз в Грузии. И это несмотря, на усиление Черноморского флота».

«Присутствие НАТО в любом сопредельном регионе России - это угроза ее безопасности».

«События 2008г.на Кавказе (нападение Грузии на Ю.Осетию) свидетельствуют: только в результате сотрудничества Грузии и НАТО она смогла пойти на подобный акт».

Относительно последнего комментария необходимо зафиксировать, что по мнению авторитетных аналитиков, сегодня вхождение Грузии в Организацию создало бы для последней военно-политическую проблему чрезвычайной сложности. Для грузинского руководства после потери контроля «над двумя сепаратистскими территориями» именно военно-политические факторы становятся основными препятствиями членству Грузии в Альянсе. Вхождению государств в НАТО и был посвящен следующий вопрос экспертам.

Опрошенные эксперты-практики видят вполне **умеренную вероятность** вхождения некоторых государств региона в Альянс:

«Об умеренной вероятности вхождения говорим, исходя из усреднённого варианта. Например, вероятность вступления в НАТО Азербайджана низкая, в Грузии – высокая. С усилением Черноморского флота России по мере модернизации базы в Севастополе, США и НАТО будут искать возможностей компенсации утерянных позиций в этом регионе. Лучшей возможности, нежели создания базы в Грузии, у них нет. Азербайджан ещё не отказывается окончательно от использования возможностей сотрудничать с Таможенным (Евразийским) союзом»

«Азербайджан и Грузия могут войти в НАТО»

«При отсутствии у Грузии претензий в отношении Абхазии и Ю. Осетии, либо из решений, Грузия вполне вероятно может стать членом НАТО».

Однако следует отметить, что аналитики в Москве, Брюсселе и Тбилиси отмечают: «Грузия не войдет в НАТО, пока российские солдаты находятся на двух грузинских сепаратистских территориях - в Абхазии и Южной Осетии»²⁴⁸. Один из полученных комментариев:

«У НАТО ближайшая задача - вхождение в его состав Украины».

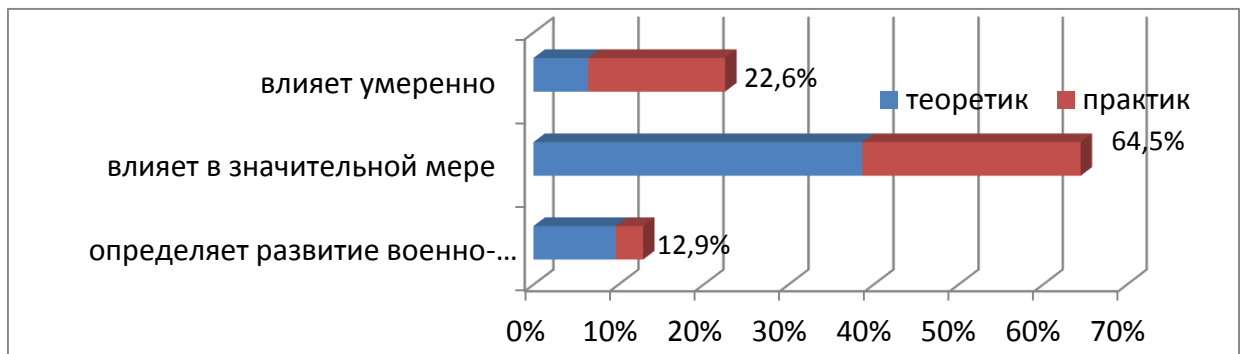
Такая позиция коррелирует с оценками экспертов Германии и стран Восточной и Центральной Европы, наиболее активно лоббировавших вступление Грузии в Альянс. По их представлениям, «данный план уже позорно провалился»²⁴⁹.

Таким образом, в ходе диагностики в поле зрения экспертов попал особый класс так называемых «ложных коллективных солидарностей», которые являются следствием артикулирования коллективных интересов, которые не имеют объективного основания, а базируются на вымышленных, специально сконструированных общих чертах и проблемах.

Следующий вопрос, который был задан специалистам, касался политики США на Кавказском направлении. Он был задан в следующей постановке: **«В какой мере политика США влияет на развитие ситуации в Кавказском регионе?»**. Результаты представлены на диаграмме ниже.

²⁴⁸ См.: Коган Ю. Страны Южного Кавказа и вопросы безопасности // Интернет-портал «BlackSeaNews». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/60786>. – Дата доступа: 05.09.2014.

²⁴⁹ См.: Beste, Ralf, et al., 2008, Germany and the Caucasus Conflict, Merkel's Most Serious Foreign Policy Crisis, <http://www.spiegel.de/international/world/germany-and-the-caucasus-conflict-merkel-s-most-serious-foreign-policy-crisis-a-572726.html>, 15.7.2012. – Дата доступа: 05.09.2014.

Анализируя полученную информацию, следует сказать, что теоретики, в большей мере, чем практики полагают, что **влияние Штатов на процессы в регионе является определяющим или значительным.**

«Влияние США глобально, их национальные интересы не совпадают с интересами большинства стран мира, они стремятся закрепиться в разных регионах земного шара».

«Поражение Грузии в 5-дневной войне в августе 2008 г., а также ориентация Армении на Россию, не снизили, а напротив, определили серьезное влияние США, которое транслируется и не только на Грузию, но и в определённой степени на Азербайджан».

«О значительном влиянии свидетельствуют поддержка Вашингтоном любых действий руководителей стран данного региона, которые противоречат интересам России. Меры этой поддержки зависят от характера и уровня развития отношений США с этими странами».

Некоторые эксперты высказываются еще критичнее и даже полагают:

«Влияние Вашингтона в Грузии - определяющее, значительное влияние Штаты оказывают и на политику Азербайджана и даже Армении».

Изучая позиции оппонировающей стороны, следует сказать, что американские военные аналитики считают: «Целями политики США в регионе в настоящее время должны являться следующие приоритетные направления:

- 1) сдерживание России;
- 2) международная изоляция Ирана;

3) обеспечение такого уровня управления региональной ситуацией, который был бы достаточен для контроля за добычей и распределением энергоносителей, включая и принятие решений о маршрутах альтернативных (т.е. в обход территории РФ) трубопроводов;

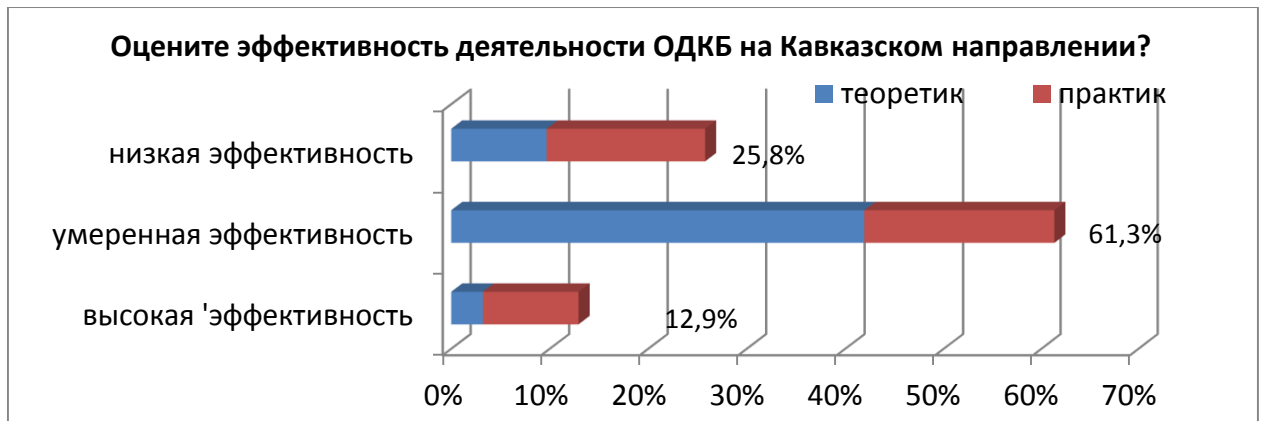
4) поддержание и поощрение лояльности региональных союзников (Турция, Грузия и Азербайджан);

5) приобретение дополнительных возможностей для наращивания в случае необходимости американского военного присутствия, включая и заключение соглашений о размещении на территории стран региона военных баз и других объектов; 6) укрепление региональной стабильности за счет поддержки процессов реинтеграции Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии, а Нагорного Карабаха - в состав Азербайджана с предоставлением им гарантий автономии»²⁵⁰.

С учетом вышеизложенного логично рассматривать Кавказский регион в основном как зону соприкосновения интересов России и США. Так например, один из наиболее известных отечественных геополитиков А. Дугин активно продвигает тезис о том, что «любое рассмотрение Кавказского региона в геополитической системе координат предполагает конечное сведение всей многосложной картины реальной расстановки сил к столкновению всегда и во всем противоположных интересов России и США, стран Североатлантического альянса»²⁵¹. С этого базиса вытекает следующий вопрос, в рамках которого экспертам было предложено оценить деятельность ОДКБ на Кавказском направлении.

²⁵⁰ См.: R. Craig Nation. Russia, the United States, and the Caucasus. February 2007. Strategic Studies Institute (SSI). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub764.pdf>. - Дата доступа: 05.09.2014.

²⁵¹ См.: Дугин А.Г. Проект "Евразия". - М.: Яуза, 2004. - С. 218.

Нами уже фиксировалось, что в деятельности по обеспечению безопасности государств задействованы объединения и организации военно-политического характера – была проанализирована деятельность Североатлантического альянса. Одной из организаций по обеспечению безопасности ее членом является ОДКБ, созданная на основе Договора о Коллективной Безопасности, подписанного в 1992 г. Несмотря на солидный срок существования, активность деятельности ОДКБ приходится на период 2000 г.

Эксперты различных сфер вариативно оценивают деятельность организации на Кавказском направлении. Так, 22 % практиков и 6 % теоретиков полагают, что деятельность организации **высокоэффективна** и 43 % и 77 % соответственно полагают, что ее деятельность **умеренно эффективна**. Отметим некоторые из комментариев:

«Особенно высокая эффективность в вопросе обеспечения безопасности Армении».

«О ее высокой эффективности свидетельствует уровень военно-технического сотрудничества стран, входящих в организацию. Это сотрудничество развивается и совершенствует вопросы, решаемые в ее структурах, отвечают их интересам».

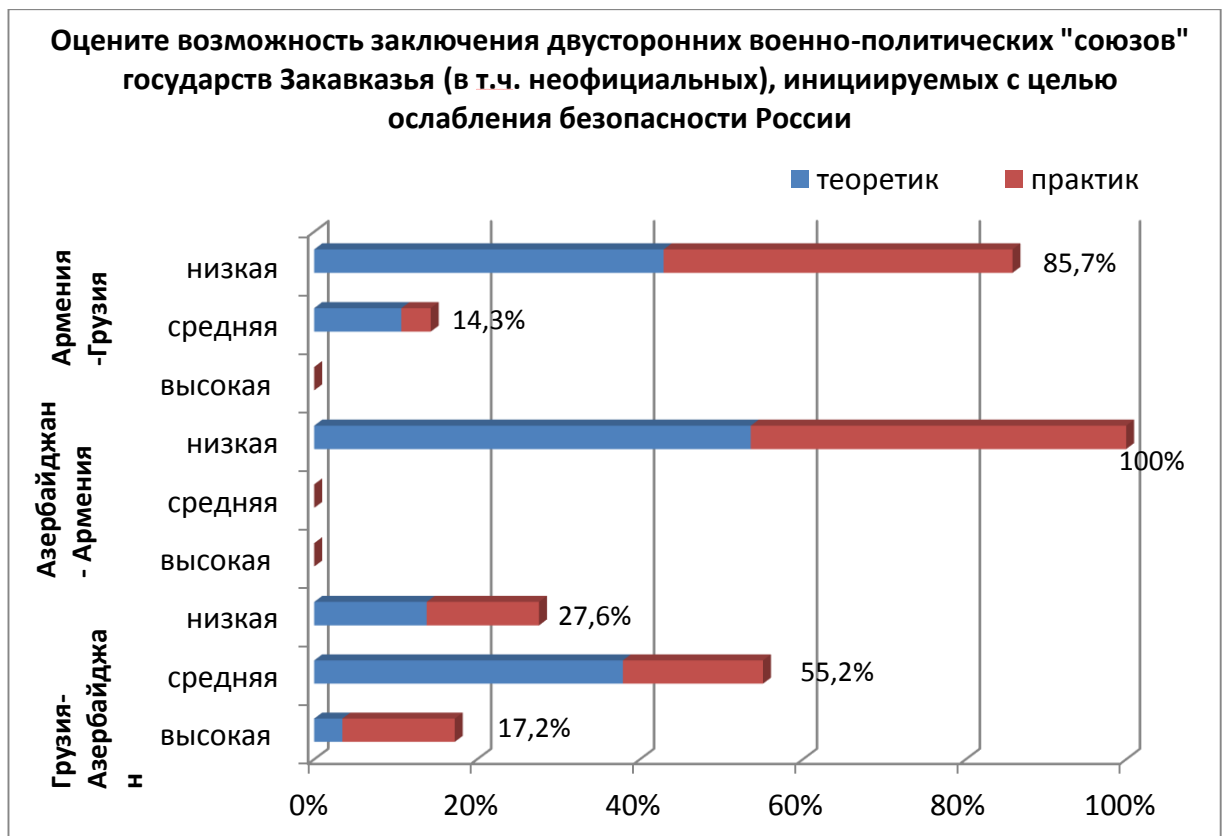
«Значительный вклад ОДКБ внесла в нормализацию обстановки на Северном Кавказе 5 сентября 2008 г. на саммите стран-участниц. В Декларации саммита была высказана глубокая озабоченность «предпринятой Грузией попыткой силового решения конфликта в Южной

Осетии, которая привела к многочисленным жертвам среди мирного населения и миротворцев, а также повлекла за собой тяжелые гуманитарные последствия». ОДКБ выразил поддержку активной роли России в содействии миру и сотрудничеству в регионе. Лидеры государств-членов ОДКБ призвали к обеспечению прочной безопасности Южной Осетии и Абхазии. Прозвучало и предупреждение НАТО, а также призыв взвесить все возможные последствия расширения альянса на Восток и размещения новых объектов ПРО у границ государств-членов ОДКБ».

Тем не менее, некоторые эксперты полагают возможности ОДКБ гораздо шире и потенциал ее не реализован, в частности, на Кавказе:

«Нужно наращивать усилия ОДКБ по организации работы на данном направлении».

В связи с полученными оценками корректно рассмотреть вопрос, насколько высока вероятность заключения военно-политических «союзов», организуемых с целью ослабления РФ.

На диаграмме отражено, что вероятность заключения союза Армении и Грузии, Армении и Азербайджана не рассматривается. Эксперты отмечают:

«Первые два варианта развития событий практически нереализуемы».

«Возможность союза Армения-Грузия и Азербайджан-Армения против России практически равна 0».

А некоторые и в перспективе не рассматривают подобные варианты:

«В ближайшей перспективе (3-5 лет) не вижу вероятности заключения военно-политических союзов государств Кавказского региона».

Тем не менее, высказаны и оценки, предполагающие положительные сдвиги по обозначенному направлению:

«Союз Грузия-Азербайджан возможен под давлением США или НАТО. Его эффективность будет зависеть от роли союза при воздействии на Россию в планах США или НАТО».

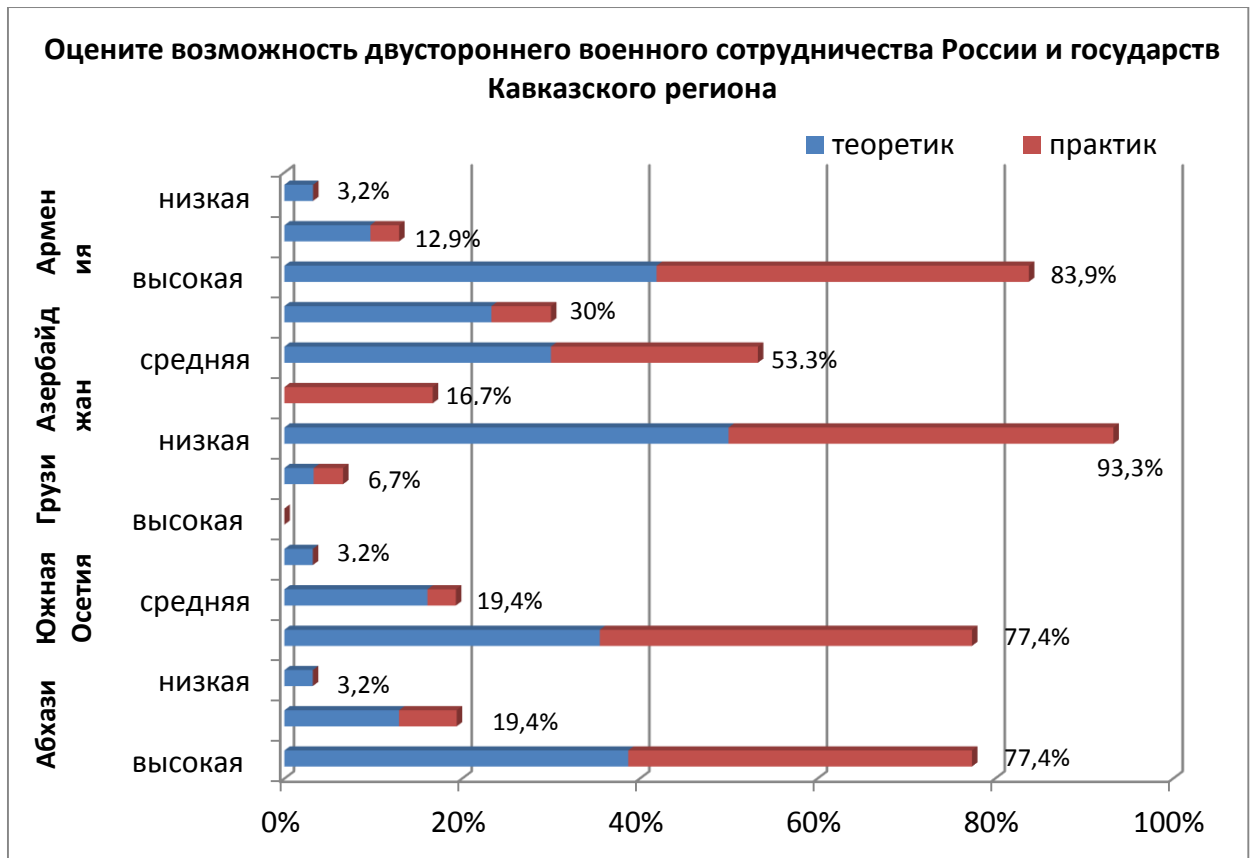
Вопрос формулировался двумерно, и в рамках второй его части экспертам было предложено оценить потенциальную эффективность подобного рода объединений.

Поскольку эксперты не видят вариантов объединений на военно-политической основе Азербайджана и Армении, Армении и Грузии, проанализируем вариант сотрудничества **Грузии и Азербайджана**.

Мнения экспертов по обозначенному вопросу рассогласованы. Так следует зафиксировать, что среди практиков 46 % полагают, что эффективность такого «союза» будет эффективной, также 46 % - средней и 8 % - низкой. В то время, как практически полярные оценки выдвигают теоретики. Среди них высокую эффективность потенциального объединения видят 14 %, среднюю – 36 % и низкую – 50 %.

«Тогда как обозначается более серьёзное расхождение интересов Грузии и Армении, наблюдается некоторое сближение интересов Грузии и Азербайджана. У всех этих акторов есть ресурсы ослабления друг друга, и есть ресурсы привлечения друг друга. Грузия влияет на Армению, благодаря возможности открытия железной дороги в Россию, Армения на Грузию, благодаря влиянию на армян в Джавахетии. Армения влияет на Азербайджан, благодаря влиянию на Нагорный Карабах, Азербайджан благодаря контролю железной дороги в Армению. Азербайджан и Грузия могут и ослаблять, и усиливать друг друга, благодаря позициям в отношении района, населенного азербайджанцами в Грузии, и наличием энергоносителей, Грузия на Азербайджан благодаря транзиту через её территорию нефти. Все эти влияния опосредуются включённостью в контекст противоборства РФ и США».

Полученные данные свидетельствуют, что эксперты видят высокую вероятность сотрудничества **России и Армении** – 93 % теоретиков и 77 % практиков.

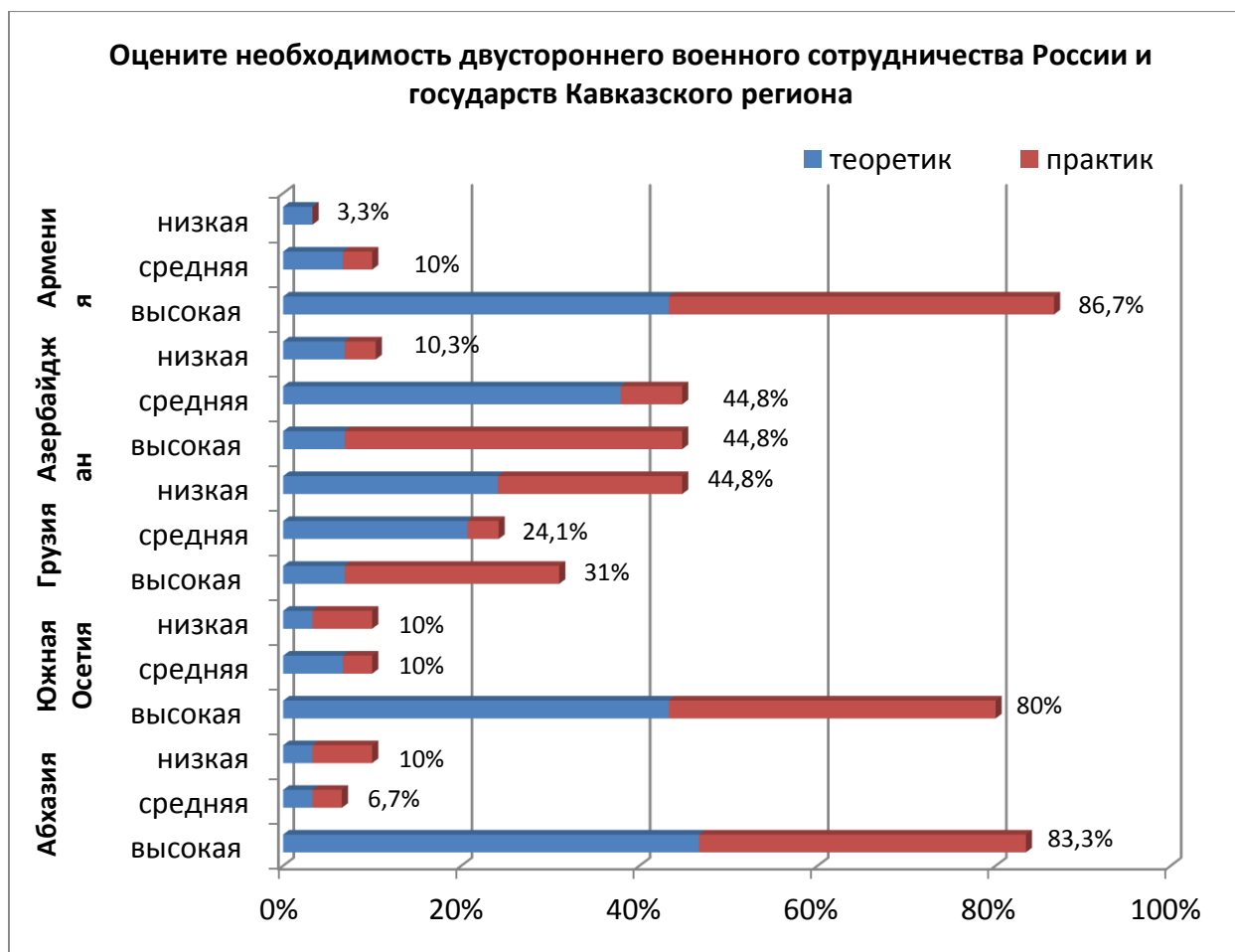
Вероятность сотрудничества **РФ с Азербайджаном** усреднена, а оценки практиков и теоретиков рассогласованы – 36 % практиков оценивают эту вероятность как высокую, в то время, как 46 % теоретиков дают противоположное мнение и определяют вероятность сотрудничества РФ и Азербайджана как низкую.

Возможность сотрудничества **РФ и Грузии** оценивается обеими группами респондентов как низкая- около 93 %, и средняя – 7 %. Ни один из экспертов не высказал оценку, что вероятность сотрудничества высока.

Сотрудничество **РФ и Южной Осетии** позитивнее оценивают практики – 93 % из них полагают, что вероятность сотрудничества высокая, а 7 % - средняя, тогда как среди теоретиков оценки - 65 % и 29 % соответственно.

Вероятность сотрудничества **Абхазии и России** также не поддается сомнению. Среди практиков высокой вероятностью сотрудничества назвали 86 %, средней – 14 %. Среди теоретиков оценки несколько пессимистичнее – 71 % и 23 % соответственно.

Проанализировав один аспект вопроса, обратимся ко второй его части, которая освещает необходимость двустороннего сотрудничества России и государств региона.

Анализируя данные, отметим, что в качестве аргумента о важности сотрудничества некоторые респонденты высказали позицию, что без поддержки России некоторые государства региона будут в той или иной мере ущербны:

«Без этого сотрудничества - Армения, Абхазия и Южная Осетия - не выживут».

В целом, достаточно подробно описал ситуацию эксперт-представитель академических кругов:

«1. Изоляция Армении усиливает её интерес к сотрудничеству и даже союзу Россией, а для России Армения – единственный региональный союзник, не считая полупризнанных новых государств.

2. Грузия последовательно ориентируется на США, поэтому невысоко оценивает возможности использовать рынок России. Россия, хотя нуждается в развитии транспортных коммуникаций в Армении через Грузию, реально невысоко оценивает возможности сотрудничества с Грузией.

3. Азербайджан лавирует в отношении с Россией, считая, что США могут повысить вес Азербайджана.

4. Россия ответственная за Осетию и Абхазию, поэтому все теснее связывает свои интересы с этими государствами».

Кроме этого, многие эксперты фиксировали мысль о значимости налаживания контактов и осуществления военного сотрудничества со всеми государствами на Кавказе.

«Необходимость в военном сотрудничестве с любым государством всегда была и всегда останется. Необходимо уточнить и степень (уровень) самого сотрудничества. У нас в военно-учебных заведениях уже давно обучаются представители Армении, Азербайджана, Абхазии».

«Необходимо использовать все рычаги взаимодействия - образование, военно-техническое сотрудничество, экономику и иные».

Представляется, что такой вектор рассуждения в полной мере обоснован. Необходимо усиливать все направления сотрудничества с государствами региона, поскольку до настоящего времени формированием символов в регионе занималась не Россия, а Штаты. Не только военно-технические аспекты сотрудничества, но и грамотно выверенная политика «soft power» с продолжением в «smart power» привела к созданию и успешному функционированию сетей НПО, «правозащитных движений»,

образовательных центров, и, конечно, деятельности религиозных идеологов (все чаще посредством Интернета с территории США). В результате формируется общественное мнение и на Кавказе, в России и мире в целом, и говорить о вероятности сотрудничества с некоторыми из государств региона на настоящем этапе нет возможности. Более того, настороженная, а нередко и откровенно враждебная риторика заставляет размышлять о геополитических блокадах и интервенциях. С данным аспектом следующая группа вопросов, заданных экспертам.

Таблица № 5

Из каких государств и государственных образований Кавказского региона в ближайшие 3 года могут исходить наиболее значимые угрозы безопасности России?	Наибольшая частота (мода)
1. Грузия	1
2. Азербайджан	2
3. Нагорно-Карабахская республика	3
4. Абхазия	4
5. Армения	5
6. Южная Осетия	6

Данные показывают, что наивысший ранг присвоен **Грузии**. Это вполне ожидаемо в связи с проводимой в последние годы политикой. Как отмечает один из экспертов-практиков:

«Грузия себя позиционирует как союзника США и НАТО, проводника интересов их интересов на Кавказе, причём эта позиция поддерживается значительным числом жителей Грузии».

В свете пессимизма экспертов, все же следует отметить, что после августовской авантюры Саакашвили в Грузии зафиксировано постепенное сокращение военного бюджета. Так, на нужды армии в 2014 г. выделено примерно 700 млн лари (около 400 млн долл.). Позиция авторитетных грузинских военных экспертов следующая: «Такие ассигнования не дают возможности для эксплуатации в нормальных условиях ударных

наступательных вооружений»²⁵². Для сравнения: расходы на оборону в 2007 году составляли около 1,3 млрд долл.

Кроме этого, прозвучало официальное заявление нового министра обороны Ираклия Аласания о начале разработки новой военной доктрины²⁵³. В центре концепции новой доктрины будет принцип ведения только оборонительных войн на региональном уровне. Таким образом, стремление грузинского руководства создать малозатратную армию отражает понимание грузинским руководством факта радикального изменения военного баланса в регионе, вызванного наращиванием здесь военного присутствия России.

Сложнее обстоит вопрос с **Азербайджаном**, поскольку он единственный может проводить независимую политику по выстраиванию системы своей военной безопасности. Как полагают эксперты:

«Именно из данного государства вполне могут исходить военные угрозы безопасности России».

Дело в том, что в последние годы военная мощь Азербайджана неуклонно растет причем быстрыми темпами. Например, согласно данным известного института SIPRI, «Азербайджан приобрел в Израиле в 2008 г. 10 беспилотных летательных аппаратов (БЛА) неназванного типа, в 2011 г. В 2010 г. - 2 БЛА «Гермес-450», а также 10 комплектов БЛА типа «Аэростар», предназначенных для сборки в Азербайджане. В 2011 г. в рамках соглашения, подписанного между сторонами, Азербайджану были проданы зенитные ракетные комплексы «Барак-8» с 75 зенитными управляемыми ракетами, РЛС EL/M-2080 «Грин пайн», противокорабельные крылатые

²⁵² См.: Майся. В. Тбилиси переходит к круговой обороне. Новые реалии в военной политике постсаакашвилиевской Грузии// Независимое военное обозрение. 27.12.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2013-12-27/1_tbilisi.html. – Дата доступа: 11.09.2014.

²⁵³ См.: Министр обороны Грузии начинает работать над новой доктриной// Информационно-аналитический портал «Грузия online». 26.10.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekhokavkaza.com/archive/news/20121026/3235/2759.html?id=24753077>. – Дата доступа: 11.09.2014.

ракеты (ПКР) «Габриэль-5» (количество не разглашается), 5 БЛА типа «Херон» и 5 БЛА «Серчер»²⁵⁴.

Кроме этого Азербайджаном осуществлена закупка вооружений и тяжелой военной техники у РФ в рамках соглашений, подписанных еще в 2010-11 гг. в совокупности на более чем 1 млрд дол. Следует отметить один из комментариев государственного служащего:

«В ряд поставок Азербайджану входят наступательные вооружения: самоходные артиллерийские установки (САУ) «Мста-С» и «Вена», пусковые установки реактивных систем залпового огня «Смерч», танки Т-90С, боевые машины пехоты БМП-3, машины для обслуживания, запасные части».

Таким образом, с военно-политической точки зрения Азербайджан сегодня остается наиболее опасным государством из стран Закавказья.

Относительно Нагорно-Карабахской Республики:

«Угрозы со стороны Нагорно-Карабахской Республики не могут возникнуть, а вот эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном по этому поводу ...».

В данной связи заметим, что аналитиками высказываются опасения следующего характера: «В рамках решения карабахского конфликта американская дипломатия будет использоваться в качестве элемента манипулирования армянскими и азербайджанскими элитами»²⁵⁵.

Резюмируя анализ по данному вопросу, отметим, что в условиях наращивания военного потенциала на Кавказе чрезвычайно важно, чтобы

²⁵⁴ См.: Командующий ВМС Ирана прокомментировал закупку Азербайджаном израильских ПКР «Габриэль-5»// Информационный портал ЦАМТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0903/141520114/detail.shtml>. – Дата доступа: 11.09.2014.

²⁵⁵ См.: Арешев А. 2013 год подтвердил тенденцию к разнонаправленности ориентаций стран Южного Кавказа// Интернет-портал «Научное Общество Кавказоведов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/pview/2013/12/31/2013-god-podtverdil-tendenciju-k-raznonapravlenosti-orientacij-stran-juzhnogo-kavkaza.html>. – Дата доступа: 11.09.2014.

военная политика основных региональных игроков отошла от модели «против кого дружить будем». Как отмечают авторитетные политологи, «такая модель ориентирована на приобретение союзников в регионе за счет культивирования конфликтов той или иной кавказской страны с соседями».

Таблица № 6

Субъекты СКФО, которые в ближайшие 3 года будут наиболее проблемными с точки зрения обеспечения безопасности России	Наибольшая частота (мода)
1. Республика Дагестан	1
2. Республика Ингушетия	2
3. Кабардино-Балкарская республика	3
4. Карачаево-Черкесская республика	4
5. Чеченская республика	5
6. Северная Осетия-Алания	6
7. Ставропольский край	7

Полученные данные отражают, что наиболее проблемным субъектом с точки зрения исходящих из него опасностей и угроз остается **Дагестан**. Представитель научного сообщества так трактует ситуацию:

«Республика Дагестан в силу влияния радикальной салафии остается наиболее проблемным регионом Северного Кавказа, в отличие от Чеченской республики, где за счёт доминирования сильного лидера, установившего относительный баланс кланов и тейпов, удастся сохранять стабильность и надежность режима».

Эксперт-практик отмечает:

«Дагестан с его религиозным экстремизмом, тотальной коррупцией, клановостью и неспособностью правительства этой республики эффективно решать назревшие проблемы».

Второй ранг значимости был присвоен **Республике Ингушетия**. Приведем мнение одного из респондентов:

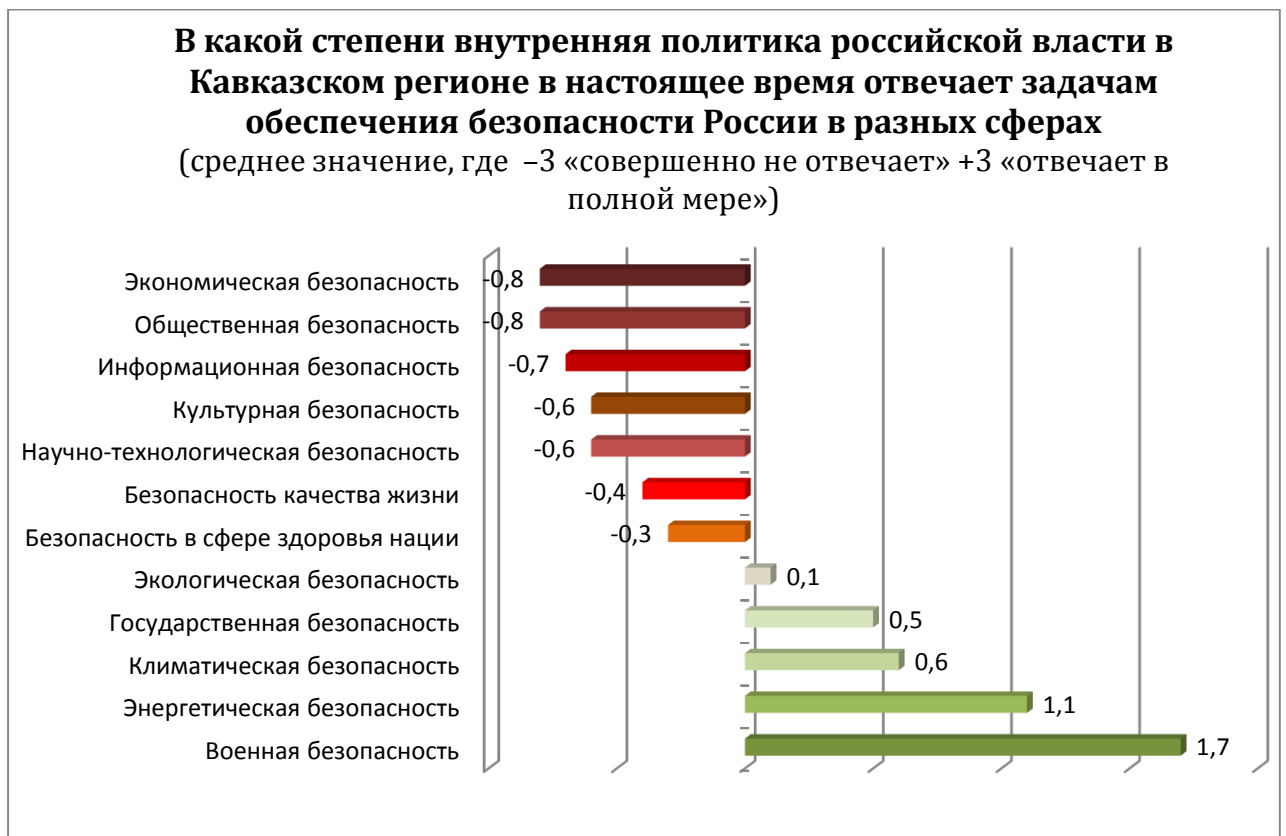
«Одна из ключевых проблем - возвращение беженцев в места их проживания до 1992 г. Очевидно, что данная проблема - не вопрос одного дня. При ее решении нельзя допустить проникновения на Северный Кавказ

экстремистов, наемников, наркокурьеров. Поэтому требуется грамотно выверенная миграционная политика».

Практически равные оценки были присвоены **Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии**. Приведем оценки экспертов-практиков:

«Проблемы Карачаево-Черкесии, которые не утратили остроты — «выдавливание» русского населения за пределы республики, религиозная борьба между официальным исламским духовенством и ваххабизмом, охрана государственной границы и недопущение проникновения вооружённых отрядов, борьба с использованием территории республики в качестве убежища чеченскими сепаратистскими лидерами и боевиками».

Таким образом, большинство экспертов фиксируют, что потенциальные вызовы из республик Северного Кавказа сосредоточены в экономической и социальной сферах.

Данные отражают, что в значительной мере ощутимы проблемы по обеспечению экономической, социальной, информационной и культурной безопасности. Зафиксированы практически идентичные оценки теоретиков и практиков. Теоретик:

«Требуется выверенная экономическая, информационная и социальная политика».

Практик:

«В фокусе внимания должны быть идеологическая безопасность, информационная безопасность, общественная безопасность и культурная безопасность».

Конкретизируя меры по обеспечению безопасности, отметим рекомендации экспертов по наиболее проблемным сферам. В целях обеспечения **информационной безопасности:**

«Вопросы «мягкой силы», идеологического влияния должны быть в приоритете».

«Нужно организовать противодействие распространению идеологии терроризма и исламизма; усиление военного политического (развитие и поддержка пророссийских партий и движений) и военного (СК, Южная Осетия, Абхазия) присутствия; развитие неполитического гражданского сектора на Кавказе, работающего в интересах России».

«Важно совершенствование информационного обеспечения и воспитания уважительного отношения к другим нациям. Кроме этого, необходимо проводить реальную деятельность в социальной и культурной сферах: улучшение качества образования, создание рабочих мест».

В целях обеспечения **культурной безопасности:**

«Наиболее важными направлениями должны быть этноконфессиональная проблематика, мировоззренчески-идеологические вопросы, а также проблема возрождения духовности».

«В центре внимания должны находиться духовно-религиозная безопасность, социально-экономическая безопасность, важна реальная национальная политика, а также преодоление коррупции и нарушений правопорядка».

«Важен мониторинг аспектов государственной безопасности в СКФО и обеспечение культурной безопасности как национального проекта»

Для обеспечения **социальной безопасности** необходимо:

«Урегулировать миграционные процессы, а именно, требуется сдерживание миграции из Чечни и Дагестана на Восток Ставрополья»

«...работать над борьбой с религиозным экстремизмом, коррупцией, клановостью, безработицей»

«Формирование благоприятного социального климата путем искоренения клановости и коррупционной составляющей»

Для обеспечения **экономической безопасности**:

«Требуется обеспечение ускоренного социально-экономического развития региона. Защита прав и свобод граждан. Устранение противоречий между региональной и федеральной нормативной правовой базой. Обеспечение баланса интересов в этноконфессиональном взаимодействии»

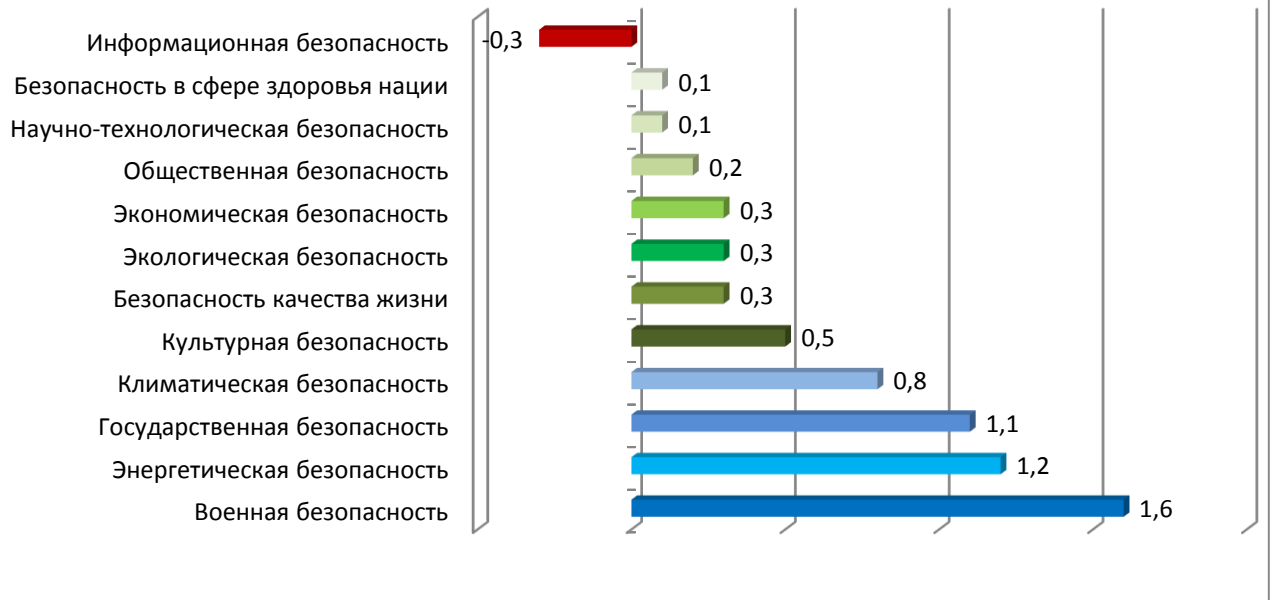
«Чрезвычайно важно обеспечение занятости населения. Строительство промышленных предприятий. Развитие культурных связей с другими регионами страны. Развитие туризма и спорта. Обеспечение достойного качества жизни и уровня здравоохранения»

Военная безопасность не подвергается сомнению - в условиях усиления российской военной мощи, создания на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградской областей авиационных полков, часть из которых организационно вошла в структуру 1-й гвардейской смешанной авиационной дивизии²⁵⁶, а также модернизации боевых соединений в рамках оперативно-стратегического командования «Юг»²⁵⁷.

В рамках следующего вопроса уточнялось, в какой мере внешняя политика России в регионе отвечает задачам обеспечения ее безопасности.

²⁵⁶ См.: Первая гвардейская авиадивизия сформирована в ЮВО. 10.12.2013// Информационный портал РИА-Новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/defense_safety/20131210/983101092.html. . – Дата доступа: 05.09.2014.

В какой степени внешняя политика российской власти в Кавказском регионе в настоящее время отвечает задачам обеспечения безопасности России в разных сферах
(среднее значение, где -3 «совершенно не отвечает» +3 «отвечает в полной мере»)

На диаграмме зафиксировано, что осуществление внешней политики России в целом оценивается экспертами позитивно. Однако вызывают тревогу вопросы обеспечения **информационной безопасности и влияния внешнего фактора, которые** отмечают 77 % специалистов. В данной связи и теоретики, и практики, полагают, что в осуществлении внешней политики первоочередными мерами должны явиться:

«Исключение вмешательства внешних игроков в развитии процессов любого толка; развитие межгосударственного экономического сотрудничества; информационное сопровождение внешнеполитической деятельности»

«Нейтрализация влияния Вашингтона, а также Турции в определении векторов развития процессов в регионе».

«Важно исключение влияния из политики Кавказского региона внешних игроков. Необходима разработка и осуществление собственного национального проекта».

«Исключение влияния атлантического фактора в определении и развитии событий в регионе. Выравнивание экономической политики».

Устранение коррупционной и клановой составляющих политик в СКФО. Обеспечение социальной общественной безопасности, включая террористическую угрозу, этнорелигиозный экстремизм».

Таким образом, в то время, как вопросы обеспечения военной безопасности России на указанном направлении не вызывают сомнений, поднимаются темы глубинные – темы смыслов, образов и идеологий, которые формируются на современном этапе не РФ. В качестве фактурного примера отразим позицию эксперта-практика:

«Борьба с исламизмом - дело особой важности всех государств региона, поскольку экстремизм религиозного толка, активно распространяющийся на Кавказе, интернационален. Он имеет достаточно прочные позиции не только в мусульманском мире, но и в западном мире. В КР исламизм хорошо замаскирован, обладает мощной легальной инфраструктурой, сопряжен с терроризмом и наркопреступностью - иными словами, несет в себе угрозы безопасности РФ».

Синтезируя полученную информацию, все оценки экспертов могут быть отражены в виде обобщенной диаграммы:

Для интерпретации резюмирующей диаграммы достаточно развернутой оценки эксперта-практика, который весьма детально затрагивает приоритеты государственной политики России в Кавказском регионе по обеспечению безопасности:

«1. Снижение до минимального уровня активности и влияния посторонних (внешних) политических акторов в регионе, особенно в военно-политической сфере.

2. Всемерное стимулирование и поощрение реинтеграционных проектов, включая поиски взаимоприемлемых форматов вовлечения в евразийскую интеграцию Азербайджана и Грузии.

3. Воссоздание единого «культурного поля» России и бывших советских республик Закавказья. Усиление деятельности ОДКБ, новые формы военного сотрудничества, включая создание коалиционных сил.

4. Перехват Россией инициативы по созданию новой и упорядочению имеющейся транспортной, энергетической и другой инфраструктуры, инвариантной к политическим катаклизмам и к возможным изменениям внешнеполитической ориентации стран Закавказья, включая имеющиеся непризнанные и полупризнанные территориальные образы».

Завершая настоящее аналитико-прогностическое исследование, необходимо подвести краткие итоги изучения региональных военно-политических процессов и их влияния на безопасность Российской Федерации и зафиксировать позицию автора.

Кавказский регион исторически является «зоной особых интересов России» и при этом «зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов», что обуславливает перманентное пересечение интересов названных держав на Кавказе. В регионе сохраняется высокий конфликтный потенциал ввиду остроты геополитической динамики, территориальных споров и исторически сложившихся противоречий. При этом следует выделить тенденцию, который нередко выпадает из поля анализа. Кавказский регион сегодня является опасным в контексте инструментальной политики.

Важность приобретают значения символов и конструктов, которые он заключает в себе. Ведь в понимании среднестатистического россиянина, Кавказ населен «нерусскими», «террористами», «фанатиками», а в широком смысле - это «дотационный регион».

Настоящее обстоятельство обретает особенную значимость сегодня, когда в условиях современного технологического прогресса совокупностью отработанных социальных технологий регулируется градус напряженности в различных регионах мира. Поскольку, как отмечалось экспертами, в Кавказском регионе усложняются противоречия не военного характера - группировка войск Южного стратегического направления блокирует потенциальные военные угрозы, - а гуманитарного и социокультурного характеров, особое внимание должно уделяться межконфессиональным и межэтническим взаимодействиям. В данной связи важно, чтобы политика межкультурного диалога (а в широком смысле - гражданского диалога) реализовывалась не точечно в Кавказском регионе, а по всей России. И обозначенное направление должно быть одной из приоритетных повесток дня при формировании общенациональной идеи, которая может базироваться исключительно на платформе гражданского патриотизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе мирового развития обеспечение безопасности государства – многоаспектный процесс, который находится под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. В частности, нетрадиционные и транснациональные угрозы требуют осуществления целого ряда мероприятий, направленных на формирование систем коллективной безопасности, вхождение в состав организаций военно-политического характера, точный расчет имеющихся ресурсов, определение приоритетов международного военно-дипломатического и военно-технического сотрудничества.

Несмотря на отход от стереотипов военного мышления, в основании которых лежат конфронтационно-силовые схемы мышления, вооруженные конфликты в мировой политике не уходят в небытие. Уровень развития средств вооруженной борьбы достиг сегодня высокой планки с точки зрения их применения в качестве рационального элемента военного искусства. При этом ни одно государство планеты, в том числе, претендующее на решение политических задач военными средствами, не обладает возможностью абсолютной защиты даже при помощи самой мощной обороны. Настоящие обстоятельства обуславливают необходимость прогнозно-аналитического исследования военно-политических процессов, как внутри государства, так и за его пределами.

Проведенное эмпирическое исследование военно-политических процессов в Кавказском регионе позволяет заключить, что ситуация характеризуется:

- попытками вытеснения России из традиционных зон ее влияния;
- террористической и экстремистской активностью незаконных вооруженных формирований;
- размещением объектов военной инфраструктуры иностранных государств вдоль границ России;

- стремлением к доминированию НАТО в осуществлении программ военно-технического сотрудничества;
- попытками нанесения ущерба военной и экономической инфраструктуре российского государства;
- умышленной дестабилизацией социально-политических процессов, манипулирование этническим и религиозным факторами в раскачивании обстановки.

С учетом анализа региональных военно-политических процессов на Кавказе, приоритеты национальной безопасности России в Кавказском регионе должны заключаться:

- в нейтрализации влияния внерегиональных игроков при осуществлении ими внешнеполитических задач;
- в определении региона как сферы национальных интересов России и восстановления его как зоны геополитического влияния государства;
- в блокировании террористической, националистической, экстремистской активности в регионе;
- в расширении экономического сотрудничества с государствами региона;
- в создании благоприятного социально-экономического климата в регионе и развитии его инфраструктуры;
- в использовании потенциала ОДКБ и расширении программ военно-технического сотрудничества в регионе;
- в осуществлении собственного идеологического проекта по сплочению различных этнорелигиозных групп России в единую нацию.